



АРХИТЕКТУРА

С · С · С · Р

1/167

1

1 · 9 · 3 · 8

5 АРХИТЕКТУРА

С · С · С · Р



ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

МОСКВА

ЯНВАРЬ 1938 г. № 1

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр. Pages
Архитектура и массовое строительство (к итогам II пленума правления Союза советских архитекторов СССР)	2
Образ Сталина в советском изобразительном искусстве. К. Кравченко	4
Промышленное строительство и архитектор. С. З. Гинзбург	14
Мысли о воспитании архитектора. Профессор В. А. Веснин [*]	17
Архитектор в прошлом и настоящем. В. Зубов	19

АРХИТЕКТУРА ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

I. Больницы

Современное больничное строительство. Проф. Б. Коршунов, проф. Я. Некрасов	23
Врачи об архитектуре больниц	
Ученье опыт Запада. Проф. Н. Н. Бурденко	34
Какой должна быть больница. Доктор медик. наук Я. Б. Левинсон	35
Институт питания в больнице. Проф. М. И. Певзнер	36
Больница единое целое. Проф. Б. С. Вейсброд	37
Как строить глазные больницы. Проф. М. И. Авербах	38
Туберкулезные больницы. Доцент И. Б. Бейлин	40

Детские больницы. Арх. Л. Кашкарова

II. Новые санатории

Санаторий Наркомтяжпрома в Сочи. Н. Дмитриев	47
Санаторий Наркомтяжпрома в Кисловодске. Л. Залеская	54

Дом Красной армии в Минске. Игн. Хвойник

Новые московские жилые дома. Н. Нарский

МУЗЕИ

Новое оформление интерьеров Исторического музея. Проф. А. Габричевский	75
Из истории переделок и реставраций храма Василия блаженного. Проф. С. Безсонов	80

ПО СТРАНИЦАМ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

СПРАВОЧНИК АРХИТЕКТОРА

S O M M A I R E

L'architecture soviétique et la construction en série.
J. V. Staline en peinture et en sculpture soviétiques, par K. Kravtchenko
La construction industrielle et l'architecte, par S. Guinzbourg
Pensées sur la formation de l'architecte, par prof. V. Vesnine
L'architecte dans le passé et actuellement, par V. Zoubov

L'ARCHITECTURE DES ÉTABLISSEMENTS MÉDICAUX

I. Hôpitaux

Construction contemporaine des hôpitaux, par prof. B. Korchounov et J. Nekrassov
Les médecins sur l'architecture des hôpitaux
Utiliser la pratique étrangère, par professeur N. N. Bourdenko
Comment doit-être un hôpital, par docteur en médecine J. B. Lévinson
Organisation alimentaire dans un hôpital, par professeur M. I. Pevzner
Hôpital—bloc unique, par professeur en chirurgie B. S. Weisbrod
Comment doit-être bâti un hôpital ophtalmique, par professeur M. I. Averbakh
Hôpitaux pour les tuberculeux, par Dr. I. B. Beïline

Hôpitaux pour enfants, par L. Kachkarova

II. Nouveaux sanatoria

Sanatorium du Commissariat du peuple à l'industrie lourde à Sotchi, par N. Dmitriev
Sanatorium du Commissariat du peuple à l'industrie lourde à Kislovodsk, par L. Zalesskaïa

Maison de l'Armée rouge à Minsk, par Ign. Khvoïnik

Nouvelles maisons d'habitation de Moscou, par N. NarSKI

MUSÉES

Architecture nouvelle de l'intérieur du Musée historique à Moscou, par A. Gabritchevski
De l'histoire de reconstructions et de restaurations de la basilique de Basile le Pieux à Moscou, par S. Bessonov

D'APRÈS LES REVUES ÉTRANGÈRES

L'ARCHITECTURE ET LE LIVRE

INDICATEUR DE L'ARCHITECTE

АРХИТЕКТУРА И МАССОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

К ИТОГАМ II ПЛЕНУМА

ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ СССР

Советская архитектура вступает в новый 1938 год с огромными перспективами творческой работы. Вместе со всей страной, вместе с народом советские архитекторы переживают тот мощный под'ем созидательной деятельности, каким отмечен был истекший год, прошедший под знаменем Сталинской Конституции и невиданного морально-политического единства советского народа.

В новом году масштабы и качественное содержание строительства становятся еще шире, еще многообразнее. Перед архитектурой встают новые задачи, роль архитектора в строительной практике становится еще более весомой, и более значительной делается ответственность, возлагаемая на архитектора. Громадная программа жилищного, школьного, ясельного, больничного и фабрично-заводского строительства на 1938 год требует от архитектора не только интенсивной проектной работы, но и усиливает в этой работе значение совершенно определенных качеств, определенных сторон архитектурной деятельности. Архитектор должен быть прежде всего и во всем — строителем, непосредственным участником стройки. Архитектор обязан в фокусе своего внимания иметь вопросы массового строительства. Архитектор призван повседневно бороться за индустриальные методы строительства, за новую технику, за освоение новых материалов, новых методов и новых механизмов на строительной площадке. Он должен быть повседневно связан со строительной промышленностью, помогать ей в разработке высококачественных образцов и типов деталей и оборудования здания. Наконец, важнейшей обязанностью советского архитектора является «хозяйское», рачительное отношение к государственным средствам, вкладываемым в строительство, — настойчивая, повседневная борьба за удешевление строительства, за экономное и в то же время высококачественное осуществление строительных заданий.

Эти основные требования, предъявляемые страной архитектуре, были четко сформулированы на Первом всесоюзном съезде советских архитекторов, собравшемся в Москве в минувшем году. О первостепенном значении объектов массового характера напомнил архитекторам глава советского правительства товарищ В. М. Молотов на приеме делегаций съезда в Кремле. Это напоминание представляет собой важнейшее и глубокое указание о всем направлении творческой деятельности советского архитектора.

Выразительным ответом нашей архитектурной общественности на указания партии и правительства явилась работа II пленума правления Союза советских архитекторов в конце декабря прошлого года. Дело не только в том, что повестка пленума была целиком посвящена вопросам массового строительства. Еще важнее то обстоятельство, что на самом пленуме отчетливо выявились переключение внимания и практической работы архитектора на те вопросы и те задачи, которые поставлены были товарищем Молотовым в упомянутой беседе. Для каждого участника пленума было совершенно очевидно, что речь идет не о каком-либо узком очередном вопросе практики, не о «текущей» смене одних проектных заданий другими, — а о всем направлении архитектурной деятельности, о роли и месте советского архитектора в социалистическом строительстве. Вот почему можно смело сказать, что чисто практические вопросы, обсуждавшиеся пленумом, были в то же время вопросами всего творческого содержания архитектурной работы.

В чем значение той постановки вопросов массового жилищного строительства, какая дана была на пленуме? Здесь была очень убедительно раскрыта та органическая, непосредственная связь, которая имеет место в работе архитектора между «собственно художественными» и «собственно техническими» сторонами этой работы. Нет и не может быть в архитектуре каких-то «художественных», каких-то «творческих» задач вне задач строительной практики, вне задач бытовой эксплуатации здания. Советская архитектура раз и навсегда ломает грань между «творческим» проектированием и практическим строительством, между «архитектурой как искусством» и «архитектурой как техникой». В архитектуре органически совмещается техническое, экономическое и художественное разрешение одного и того же строительного задания, одной и той же архитектурной темы.

Практически это означает, что архитектор является организатором всего содержимого каждой постройки, от композиции его внешних форм и его интерьера до всех деталей и мелочей его внутреннего оборудования и бытового устройства. Это означает, что в состав архитектурной темы входит вся сумма вопросов планировки и оборудования здания, увязки здания с кварталом, внутренней и внешней отделки сооружения. Это значит также, что вопросы «стиля» в свою очередь не могут разрешаться как какие-то специфические проблемы «чистого» творчества. Архитектурное лицо здания, композиция его фасада отнюдь не представляет собою какой-то самодовлеющей проблемы, решаемой на основе «вечных» канонов архитектурного мастерства. Облик здания обусловлен прежде всего его связью с данным, конкретным ансамблем, понимаемым в свою очередь не отвлеченно, не формально, а жизненно, конкретно: ансамбль, это — совокупность всех природных и архитектурных элементов данного района, данного квартала, улицы, это — сочетание построек, открытого пространства, зелени, двора, улицы, это — единство всех перечисленных элементов, единство, достигаемое усилиями архитектора и планировщика. Архитектурное лицо здания определяется его жизненным содержанием, его ролью в живой действительности, его назначением в общественной жизни.

Вся работа декабрьского пленума правления Союза представляла собой логическое развитие идей, выдвинутых Всесоюзным съездом. И в этом смысле практическая работа пленума означала углубление того поворота, который был отмечен съездом: поворота в сторону жизни, в сторону действительных, конкретных требований и интересов человека. Поэтому работа пленума нанесла решительный удар тому явлению в архитектурной практике и теории, которое мы обозначаем словом «фасадничество». Пленум произнес приговор фасадничеству, он показал на конкретных, наглядных примерах, на обсуждении сугубо практических вопросов, что вся идейная линия советской архитектуры отвергает всякое «фасадничество», всякий формализм — в любых его проявлениях, в любых его видах.

Очень убедительно показана была на пленуме, и в основном докладе архитектора Н. П. Былинкина, и в многочисленных выступлениях участников собрания теснейшая взаимосвязь проектной работы архитектора со всеми элементами строительного осуществления здания, со всеми стадиями работы на строительной площадке. Поэтому исключительное значение имеет тот факт, что в работах пленума принимали самое активное участие не только архитекторы, но и инженеры-строители, монтажники, представители строительной промышленности, специалисты по санитарной технике, врачи-гигиенисты, стахановцы строек. Можно сказать, впервые работа общественной организации архитекторов оказалась так тесно связанной с работой практиков строительного дела.

Пленум показал, что действительная борьба за высокое качество жилищного строительства, за выполнение указаний партии и правительства в этом деле складывается из настойчивых, последовательных усилий, направленных к разработке типов жилого дома и квартиры, стандартов основных конструкций и деталей, к внедрению индустриальных методов работы на строительной площадке, настойчивой, проводимой изо дня в день работы по расширению ассортимента нашей строительной промышленности и освоению ею лучших современных образцов и типов строительных материалов, изделий и деталей. Самое обсуждение одного из центральных вопросов, стоявших на пленуме, — о типовых решениях квартиры для массового строительства — показало, что архитекторы начали подходить к своей задаче по-новому: они не ограничивались общими положениями и схемами, а шаг за шагом разбирали преимущества и недостатки отдельных типов с точки зрения интересов и требований живущих в доме.

Именно под этим углом зрения обсуждались и оценивались различные типы малоэтажной квартиры, разные приемы блокировки квартир вокруг лестничных клеток, те или иные детали встроенного оборудования квартиры, вопросы ориентации жилого здания, связи этого здания с кварталом и т. д. С этой же точки зре-

ния пленум подошел к составлению совершенно конкретного счета, предъявляемого архитекторами к строительной промышленности.

Уделив значительное внимание нормам и законодательству по жилищному строительству, пленум не только выдвинул целый ряд поправок и дополнений к проекту норм, предложенному Наркомхозом, но и подчеркнул важность дифференцированного подхода к нормам для различных районов и республик нашего Союза. Не только в отношении норм, но и во всем проектировании и строительстве жилых зданий, советский архитектор обязан помнить о местных условиях — бытовых, климатических и иных, о требованиях, предъявляемых к жилью различными национальностями нашей родины. Всякое упрощенчество, всякий схематизм, обезличенный подход к архитектуре жилого здания, нередко прикрываемый громкими фразами о «классической форме» или о «современной форме», представляют собой проявление все того же убогого формализма в архитектуре. Мышление архитектора должно быть строго конкретным, ориентированным на реальные жизненные условия, на реальные условия данной местности, — на реального человека со всеми его запросами, нуждами, удобствами, интересами.

Иначе говоря — сталинская забота о человеке является основой всей творческой работы советского архитектора. Это положение не должно остаться только лозунгом, но им обязан руководствоваться архитектор в своей повседневной деятельности и проверять эту деятельность именно с этой точки зрения.

В нашей проектной и строительной работе еще много технического консерватизма, косности, пережитков и вновь оживающих проявлений формализма. Все эти пороки архитектурной работы тесно сплетены между собой. Советская архитектурная общественность не может ограничиться лишь декларированием борьбы с ними. Характер обсуждения вопросов жилищного строительства на втором пленуме показал, что советские архитекторы, в массе своей, прониклись этим убеждением. Деловая критика недочетов нашего строительного дела, деловые предложения по ликвидации последствий вредительства, наконец, — разработка целого ряда практических мероприятий по поднятию проектирования, строительной промышленности и организации работ на строительной площадке, — все это дала работа пленума.

Эта работа является лишь началом большой систематической деятельности Союза советских архитекторов в области массового строительства. Поворот внимания советских архитекторов в эту сторону окажет самое благотворное влияние на рост архитектурного мастерства, он расширит творческие возможности архитектора, ибо обеспечит для этого основную предпосылку — подлинную близость архитектурной работы к жизни, к требованиям народа, к запросам социалистического строительства.



Плакат худ. Стенберга
Изд. Изогиза. 1937 г.

Pancarte par peintre Stenberg, édition de l'izoguz
(Edition artistique d'Etat), 1937

ОБРАЗ СТАЛИНА В СОВЕТСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

К. КРАВЧЕНКО

«Вот он — величайший и значительнейший из наших современников. Он ведет за собой 170 миллионов человек на 21 миллионе квадратных километров. Он соприкасается в работе с множеством людей. И все эти люди любят его, верят ему, нуждаются в нем, сплываются вокруг него, поддерживают его и выдвигают вперед. Во весь свой рост он возвышается над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это — самый знаменитый и в то же время почти самый неизведанный человек в мире» (Анри Барбюс — Сталин).

Биография товарища Сталина — это значительнейшая часть революционного движения в России, это победы на важнейших фронтах гражданской войны, это счастье многомиллионного народа, завоевавшего социализм на шестой части земного шара. Это биография первого народного избранника в Верховный Совет Союза ССР.

Художникам сталинской эпохи выпало высокое счастье воплотить в искусстве образ Сталина, показать его живым, конкретным человеком, заботу которого знает каждый гражданин нашей родины, — другом народа. Показать его, как вождя непреклонной воли и без-

граничной энергии, замечательного теоретика, ученого, трибуна, который, по меткому определению Барбюса, «подобно Ленину, привязывает к себе, убеждает и потрясает содержанием своих речей, которые и в напечатанном виде сохраняют все свое величие, всю свою архитектурную логику».

Самая проблема сталинского портрета могла быть поставлена только с того момента, когда советское искусство вступило на путь социалистического реализма, когда оно отказалось от формалистических ухищрений и обогатилось глубокой идейной содержательностью, почерпнутой из самого существа нашей жизни. Реалистическое искусство еще очень молодо у нас, и оно еще страдает некоторыми «болезнями роста» (опасность натуралистических тенденций), но здоровая его сущность обеспечивается создавшей и бережно выносившей его живой советской действительностью, высоким социалистическим вкусом народных масс, для которых создаются лучшие его произведения.

Работая над портретом вождя, художник решает не только задачу композиции отдельного портрета, но и историко-революционной темы в целом, потому что образы Ленина и Сталина неотрывно связаны с героикой дел и дней многомиллионных масс. Так от портрета художник идет к картине, где портрет остается центром темы, к групповому портрету, превращающемуся в монументальное полотно из истории партии, в героический эпизод гражданской войны или в развернутое изображение одного из исторических съездов советов. Так, вместе с

В. И. Ленин
и И. В. Сталин
беседуют с
красногвардейцами
в Смольном в 1917 г.
Худ. П. Васильев
(Из альбома Изюгиза
„Ленин“. 1937 г.)



V. I. Lénine et
J. V. Staline
s'entretenant avec la
garde rouge au
Smolny en 1917
Peintre P. Vassiliev
(De l'album de
l'izoguiz „Lénine“
1937)

В. И. Ленин
и И. В. Сталин
у прямого провода
1918 г.
Худ. П. Васильев
(Из альбома Изюгиза
„Ленин“, 1937 г.)



V. I. Lénine et
J. V. Staline
au fil direct. 1918
Peintre P. Vassiliev
(De l'album de
l'izoguiz „Lénine“
1937)



Выступление И. В. Сталина на II Всесоюзном с'езде советов после смерти Владимира Ильича Ленина
Худ. П. Васильев
(Из альбома Изогиза „Ленин“, 1937 г.)

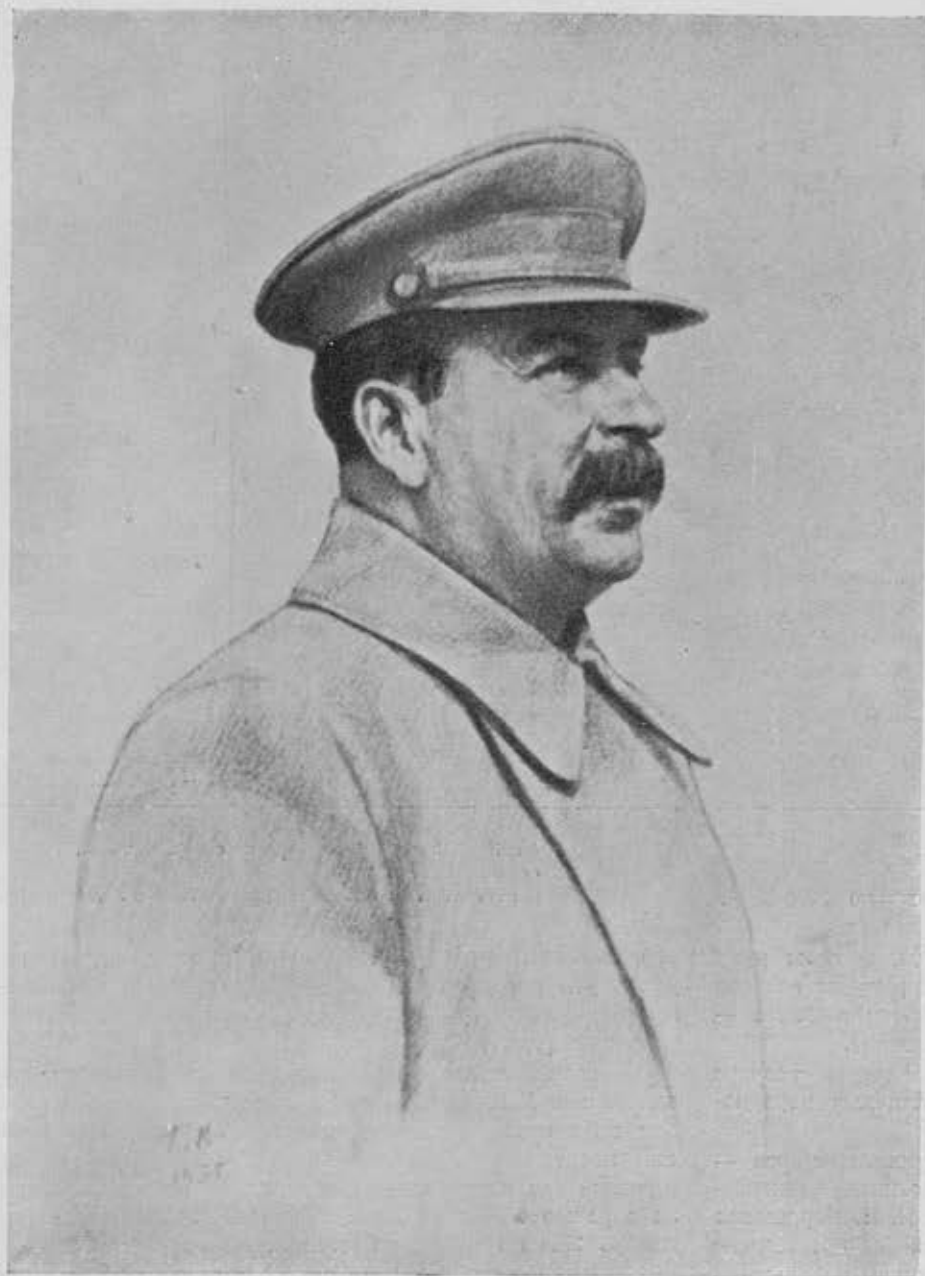
Discours de J. V. Staline au II Congrès des Soviets de l'U.R.S.S. après la mort de V. I. Lénine
Peintre P. Vassiliev (De l'album de l'Izogiz „Lénine“, 1937)

портретом и неотделимо от него, возникает историческая перспектива двадцати великих лет, начатых Октябрем, потому что портрет вождя — это портрет страны и народа, которые он ведет к победам.

Многочисленные портреты товарища Сталина выполняет И. Бродский. В этих портретах многое достигнуто прежде всего в отношении сходства. На одном из портретов товарищ Сталин стоит, опираясь рукой о стол, в три четверти поворота к зрителю. Естественность позы и живые глаза создают впечатление, что он только что поднялся, чтобы говорить. Другой портрет изображает товарища Сталина на трибуне в профиль, произносящим речь. Он более торжественен и в жесте, и в выражении лица, что еще подчеркивается красным фоном. Здесь товарищ Сталин — трибун, обращающийся к массам. Всем известно, какой ясностью и точностью отличаются

речи и доклады товарища Сталина, как они близки, ясны и понятны каждому, как его речь полна живых примеров, как вся страна слушает мудрые и простые слова своего вождя. Поэтому художники любят изображать товарища Сталина на трибуне.

Портреты Бродского тщательны по рисунку. Но они написаны не на том большом творческом под'еме, который мы вправе требовать от таких работ, — они мало эмоциональны. В портретах-автолитографиях глаз художника более зорек к отдельным деталям лица, к чуть заметной улыбке, к характеру губ, к расположению волос. Благодарна сама техника, в которой выполнены эти портреты — с мягкими карандашными заливками, с разнообразной игрой светотени. Портреты Бродского в миллионных тиражах разошлись по всей стране, сделавшись весьма популярными портретами вождя.



И. В. Сталин
Автолитография Г. С. Вережского. 1935 г.
(Изд. Изогиза. 1936 г.)

J. V. Staline
Auto-lithographie par G. S. Vérejski. 1935
(Édition de l'Izogulz. 1936)

Из ранних графических работ, посвященных Сталину, известен рисунок Дени 1930 г. — товарищ Сталин с трубкой. В плакатах последующих лет Дени несколько раз возвращается к портрету товарища Сталина. Он дает его в шинели, с рукой, заложенной за борт, в фуражке, с внимательно устремленными вдаль глазами (плакат 1931 г. — «Шесть условий победы»), он рисует Сталина уверенным и радостным на фоне индустриального пейзажа (плакат 1930 г. — «Пятилетка в четыре года»). Среди графических работ — портретов товарища Сталина последнего времени — видное место заняли две сюиты рисунков: художника Яр-Кравченко (альбом «Сталин» — изд. Изогиза) и Васильева «Ленин», где вместе с Лениным художник изображает гениального продолжателя его дела, товарища Сталина. Яр-Кравченко — молодой художник, учившийся в Ленинградской академии художеств

по мастерской Бродского, от которого он взял реалистическую точность рисунка и мастерство литографского карандаша.

Яр-Кравченко поставил себе целью дать изображение товарища Сталина в моменты, наиболее запечатлевшиеся в памяти трудящихся, как торжественные и значительные. «И. В. Сталин выступает с докладом о проекте Конституции на Чрезвычайном VIII съезде советов Союза ССР, ноябрь 1936 г.» — лицо, полное ума и доброты, спокойно лежащие на кафедре руки, общее спокойствие позы придают монументальность образу. Лицо выполнено легкой светотенью, живописна смелая штриховка куртки и фона. «И. В. Сталин среди пионеров на встрече экипажа самолета — август 1936 г.» — Сталин и дети — любимая тема советских художников, и Яр-Кравченко возвращается к ней несколько раз. На приеме



Политическая демонстрация батумских рабочих под руководством товарища Сталина в 1902 г.
Худ. А. К. Кутателадзе (Выставка грузинского искусства)

Manifestation politique des ouvriers de Batoumi, organisée par J. V. Staline et 1902
Peintre A. K. Koutateladze (Exposition de l'art géorgien)

делегатов советской Грузии товарищ Сталин жмет руку маленькой отличнице учебы. На другом рисунке веселая Мамлякат — самый маленький орденосец в Союзе — положила руку на плечо товарища Сталина.

Большое количество рисунков посвящено встрече товарища Сталина с трудящимися различных народностей Советского Союза.

Самая значительная по объему группа рисунков — это портреты товарища Сталина с передовиками-стахановцами. «И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов в президиуме совещания руководителей МТС и земельных органов, январь 1937 г.»; «И. В. Сталин на опытном поле НАТИ, июль 1935 г.»; «И. В. Сталин на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей»; «И. В. Сталин на совещании стахановцев промышленности и транспорта»; «И. В. Сталин на совещании передовых комбайнеров»; «И. В. Сталин на совещании передовиков урожая по зерну, трактористов и машинистов»: какие необычайные, никогда не бывшие в истории темы для художника, желającego показать образ величайшего человека страны!

Вот вождь, приветствующий первое всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта, — светящееся радостью лицо, приветственно поднятая рука. Хорошо подмечен смех товарища Сталина, когда он аплодирует в президиуме VIII с'езда советов. Дружеской лаской проникнуто лицо при встрече героев Советского Союза — О. Ю. Шмидта и Байдукова.

Яр-Кравченко хорошо владеет литографской техникой: легкими заливами полутонов, лепящими объем, бархатистой насыщенностью теней, разнообразной штрихов-

кой, мягкими переходами от света к тени. Его можно упрекнуть в одном: используя фотоматериал, он слишком подчинен этому материалу, у него мало композиционных качеств.

Многочисленные рисунки художника Васильева, посвященные Ленину и Сталину, построены главным образом на основе описаний, свидетельств современников, они носят печать исторической правдивости. Самый удачный его рисунок — «Выступление товарища Сталина с речью о Ленине на II Всесоюзном с'езде советов, январь 1924 г.» (Клятва Сталина).

Удается художнику и портрет товарища Сталина в рисунке «В. И. Ленин и И. В. Сталин беседуют с красногвардейцами в Смольном в 1917 г.». Художник показал в нем спаянность воедино вождей и народа. Проста и естественна поза товарища Сталина, с рукой, положенной на спинку стула, и очень характерен ленинский жест руки, обращенный к красногвардейцам.

Техника рисунка Васильева — мелкий штрих, который применяется им и для моделировки формы, и для построения планов, — несколько однообразна. Художнику следует поработать над обогащением техники.

Несколько гравюр с портретами товарища Сталина сделал Староносков: гравюры из книги «Жизнь Ленина»; «В. И. Ленин и И. В. Сталин в Кракове в 1912 г., обсуждающие газету «Правда»; «Товарищ Сталин излагает товарищу Ленину план разгрома Деникина» и другие. Портрет товарища Сталина дан энергичными штрихами, уверенно и четко, но недостатки рисунка снижают качество этих работ.

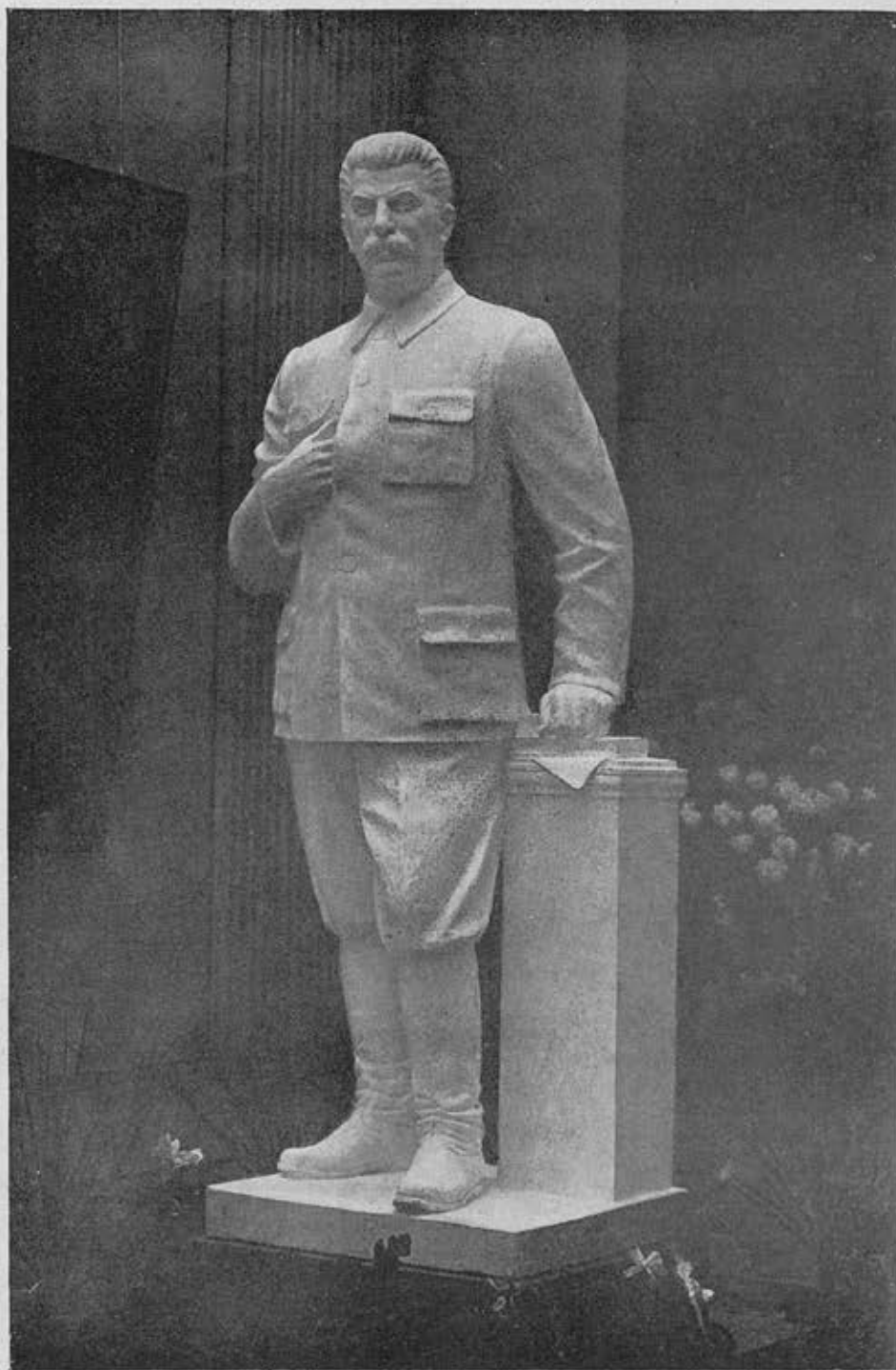


Товарищ Сталин на Рioniэсе, 1931 г.
Фрагмент
Худ. И. М. Тондзе (Выставка грузинского искусства)

J. V. Staline à la centrale hydroélectrique du Rion. 1931
Fragment
Peintre I. M. Toïdzé (Exposition de l'art géorgien)

Товарищ Сталин
Скульптура А. М. Тавадзе
(Выставка грузинского искусства)

J. V. Staline
Sculpteur A. M. Tavadzé
(Exposition de l'art géorgien)

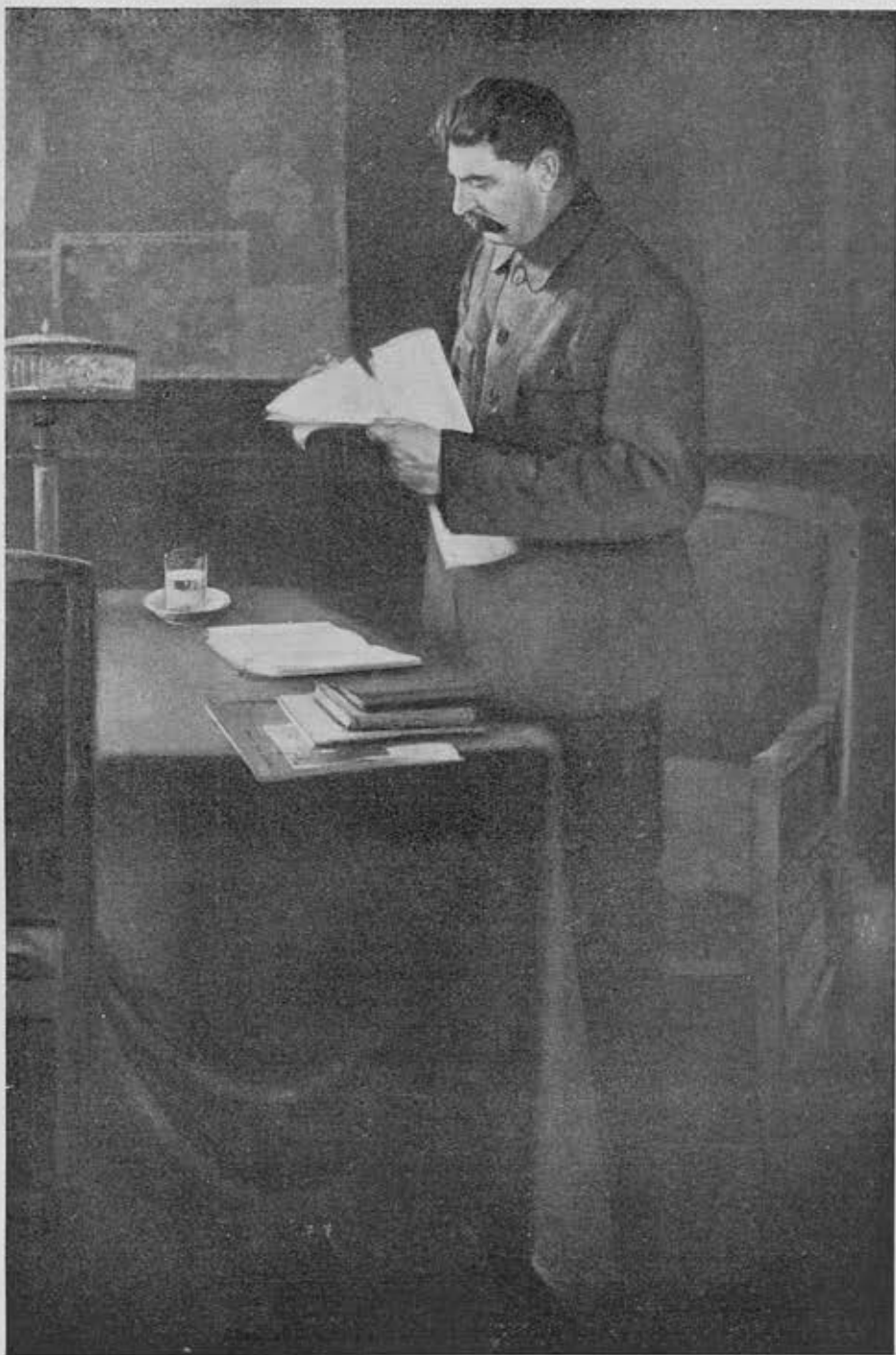


Хорошие литографские портреты товарища Сталина выполнил рисовальщик Верейский. Они не «фотографичны», в них много творческой инициативы.

Из живописных полотен, посвященных товарищу Сталину, многие вошли в издания по истории партии, как верно отображающие образ вождя. Из них, кроме упомянутых портретов Бродского, можно отметить портреты А. М. Герасимова, в частности его полотно «И. В. Сталин на XVII партс'езде».

Популярностью пользуется картина художника Авилова «Приезд товарища Сталина в Первую конную армию

(Новый Оскол, 1919 г.)». Стоя на санях, призывающим и победам жестом руки, товарищ Сталин обращается к конникам. В картине много патетики и движения. Вспоминаются слова товарища Ворошилова: «Кипучая натура товарища Сталина, его энергия и воля сделали то, что казалось еще вчера невозможным. В течение самого короткого времени создаются дивизии, бригады и полки. Штабы, органы снабжения и весь тыл радикальнейшим образом очищаются от контрреволюционных и враждебных элементов. Советский и партийный аппарат улучшается и подтягивается. Вокруг товарища Сталина об-



Портрет товарища Сталина
Худ. У. М. Джапаридзе
(Выставка грузинского искусства)

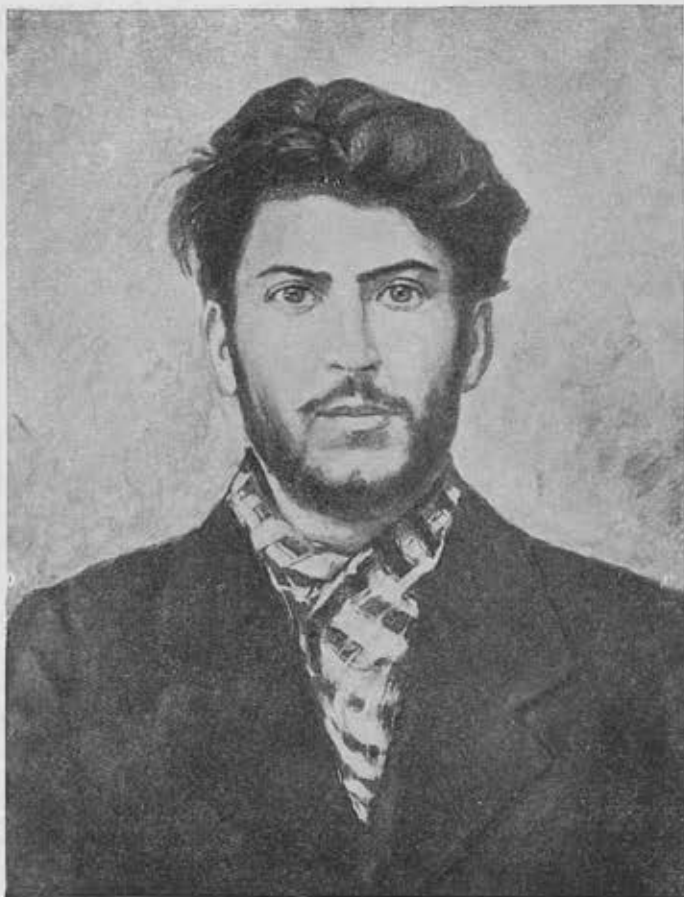
Portrait de J. V. Staline
Peintre U. M. Djaparidzé
(Exposition de l'art géorgien)

единяется группа старых большевиков и революционных рабочих, и вместо беспомощного штаба вырастает на юге, у ворот контрреволюционного Дона, красная большевистская крепость».

Об этой же боевой деятельности товарища Сталина говорит картина Грекова «Товарищ И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в окопах под Царицыном».

Очень свежа и необычна по построению картина художника М. Тоидзе «Товарищ Сталин беседует с крестьянами в Цхалтубо». Композиция картины навеяна образцами монументальных полотен мастеров Ренессанса.

Из последних больших жанровых портретных композиций выделяется картина Шегали «Вожь, учитель, друг (товарищ Сталин на с'езде колхозников)». Тонкий художник — Шегаль внимательно работал не только над портретом товарища Сталина, но и над каждой фигурой в этой полной жизни группе. С сохранением индивидуальных особенностей и в то же время типизированно написаны лица женщин-делегаток, окружающих товарища Сталина. Огромная статуя Ленина выделяется на фоне картины, и становится ясна мысль художника, — Сталин продолжатель и завершитель ленинских дел.



Портрет товарища Сталина. 1905 г.
Худ. К. К. Магалашвили (Выставка грузинского искусства)
Portrait de J. V. Staline, 1905
(Peintre K. K. Magalashvili (Exposition de l'art géorgien))

Картина Ефанова «Руководители партии и правительства в президиуме совещания жён инженеров» полна человеческой теплоты. Она светла и гармонична в цвете. Множество фигур объединено в четкие группы, и все они устремлены к единому центру — Сталину. Картина жизненна и радостно-празднична. Много воздуха и света и в картине Евстигнеева «Политбюро на Тушинском аэродроме». Картина приятна свежестью красок.

Хорошо известный цикл работ грузинских художников, выполненных по инициативе товарища Берия — «К истории большевистских организаций в Грузии» дает образ товарища Сталина в органической связи с зарождением и ростом большевизма в Грузии. В этой ценной серии картин запечатлены наиболее яркие моменты революционной биографии товарища Сталина и в то же время — революционного движения в Грузии. Все работы, независимо от индивидуальных различий исполнявших их художников, проникнуты глубоким лиризмом, теплотой и в то же время суровым пафосом и героической приподнятостью исторического повествования. Шаг за шагом рассказывают они нам о детстве и юности любимого Сталина, о годах подпольной борьбы, о вожде и друге трудящихся, ведущем за собой массы.

Эпическим спокойствием проникнут пейзаж Георгадзе «Дом в Гори, где родился товарищ Сталин». Вспо-

минаются слова Барбюса: «Было это полстолетия тому назад, в 1879 г., в грузинском городке Гори, который правильнее будет назвать не городком, а деревней. В домике на кирпичном фундаменте, с кирпичными углами и деревянными стенами под тесовой кровлей, в домике, где спереди была дверь, а сзади вход в погреб, — родился мальчик. Его назвали Иосифом». В самой точности, с которой стремился передать художник бедный дом на узкой, неровной улочке, в котором родился Сталин, — много художественной правды и простоты.

Неюношеской серьезностью отмечено лицо мальчика в портретах-картинах художников Канабадзе — «Товарищ Сталин семинарист» и Гзелишвили — «Сосо Джугашвили в юные годы». Он читает друзьям, убеждает, — это уже агитатор и борец. И потом начинается период сталинской жизни в революционном подполье.

О великом революционере-борце рассказывают нам картины грузинских художников. Везде мы видим горящие, страстные глаза, полные убеждающей воли и энергии. Мы как-будто слышим срывающиеся с губ товарища Сталина слова, зовущие к борьбе, мы верим в непреклонность человеческой воли и в торжество победы, глядя на это худое, тонкое, вдохновенное лицо, на смелый жест руки, на устремленное всегда вперед движение. Таким мы видим товарища Сталина на картинах Штенберг, Кроткова, Джапаридзе, Волгина и Вепхвадзе, Гзелишвили, Кутателадзе, Тоидзе.



Товарищ Сталин. 1905 г.
Скульптура К. М. Мерабишвили (Выставка грузинского искусства)
J. V. Staline, 1905
Sculpteur K. M. Merabichvili (Exposition de l'art géorgien)

тому
орый
вней.
и уг-
в до-
еб,—
точ-
дний
дился
ты.
чка
Това-
куга-
ет,—
риод

нам
м го-
ли и
б то-
им в
побе-
о, на
дви-
гинах
адзе,



И. В. Сталин
Автолитография И. Бродского
(Изд. Изогиза, 1936 г.)

J. V. Staline
Auto-lithographie par peintre I. Brodski
(Edition de l'Izogiz, 1936)

Разные художники, разные темы и разные исторические моменты, — но везде товарищ Сталин окружен народом, везде обращены к нему верящие глаза, протянуты товарищеские руки. Все жадно слушают, ждут его слов, идут за ним. Вот он впереди демонстрантов в Батуми: шаг этой колонны не остановить, ветер развеивает знамена, эти люди не испугаются ни тюрьмы, ни виселицы. Они борются за свободу. Картина динамична не только по общей композиции, но и по цветовому построению.

Во всех картинах глубоко идейное содержание. Мы благодарны мастерам Грузии за то, что они сумели дать нам сюиту такой большой искренности и такой тематической значительности.

Для скульптора задача воплощения образа Сталина еще более сложна, чем для живописца. Здесь синтетическое решение образа должно быть доведено до своего предельного напряжения. И грузинские скульпторы — Николадзе, Какабадзе, Мерабишвили, и русские — Мер-

куров, Нерода, Андреев, Рынзюнская, Яковлев, еще не подошли к такому решению, какое мы могли бы назвать полноценным, — но каждый из них внес свой вклад в историю создания образа великого Сталина.

Огромная скульптура Меркурова — фигура Сталина, установленная на канале Москва—Волга, свидетельствует о неустанном стремлении художника подойти к подлинно монументальному решению образа вождя. Построенность формы и пластическая выразительность типичны для Нероды, но он несколько упрощает образ, не достигает необходимой психологической глубины. Более интимен по трактовке бюст В. Андреева «Пишущий Сталин», в котором скульптор строго следует реалистическим традициям.

С гордостью и радостью приходят мастера советского искусства к великой теме образа вождя народов. Всю свою преданность делу Ленина—Сталина вкладывают они в этот образ, воплощающий в себе самые дорогие надежды и сокровенные мечты человечества.

ПРОМЫШЛЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТОР

С. Э. ГИНЗБУРГ

За два сталинские пятилетки в самых различных районах страны выстроены тысячи новых заводов, в том числе такие гиганты, как Магнитогорский металлургический завод, Горьковский автомобильный завод, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы, Краматорский и Уральский заводы тяжелого машиностроения и многие другие. Осуществлены такие грандиозные сооружения, как Днепрогэс и Московский метрополитен; на базе предприятий тяжелой промышленности возникли новые города — Магнитогорск, Сталинск, Запорожье, Березняки и другие.

Грандиозный размах строительства тяжелой промышленности может быть охарактеризован следующими цифрами.

Фактический объем строительных работ в первой пятилетке по тяжелой промышленности составлял 20 млрд. рублей, а во второй пятилетке — свыше 30 млрд. рублей. В течение второй пятилетки по тяжелой промышленности вводится в эксплуатацию около 6 млн. квадратных метров жилой площади, т. е. около 20 процентов всего нового жилищного фонда Советского Союза.

Осуществляя это крупнейшее строительство, мы одновременно учились новым методам ведения работ, готовили новые кадры рабочих, вооружались новыми, ранее у нас в стране не применявшимися, механизмами, создавали новые базы производства строительных материалов, конструкций и деталей.

В начале первой пятилетки инженеры-производители работ еще часто заставляли рабочих вручную готовить растворы и бетон, они нередко предпочитали «козу» подъемному крану. Теперь мы уже оставили позади кустарщину первых лет строительства. В 1930 году на строительстве ЧТЗ производительность лучших каменщиков достигала 300—500 кирпичей. Сейчас наши передовики-стахановцы укладывают в смену 3—4 тысячи кирпичей.

Мы уже давно не нуждаемся в импорте основных строительных механизмов. Наши стройки теперь обеспечены всеми видами механизированного транспорта. Краны, экскаваторы, мощные тракторы «сталинцы», автомобили, все виды средней и мелкой механизации внедрены в самые разнообразные процессы строительных работ.

Наиболее культурные передовые строительные организации добились коренного изменения характера и лица строительной площадки. Решительно изменена и очередность выполнения работ. Те же строители, которые в 1932 году на строительной площадке Челябинского тракторного завода тонули в грязи, теперь на строительстве

второй очереди горьковского автозавода сначала строят дороги, прокладывают подземные сети и делают бетонные полы в цехах, а потом уже возводят основные конструкции.

Однако кустарщина и партизанщина еще господствуют на многих наших стройках, и поэтому важнейшей задачей строителей является выполнение решений ЦК и СНК СССР от 11 февраля 1936 года об индустриализации строительства.

Надо признать, что строители, а в их числе и архитекторы, дали социалистическому государству далеко не все, что могли бы дать.

Конечно, отсюда не следует, что архитекторы ничего не создали и что у нас нет своей советской архитектуры. Такие сооружения, как Днепрогэс, Московский автозавод им. Сталина, метро, ГАЗ, ЧТЗ, Крамашстрой, канал Волга—Москва и др., которыми по праву гордится вся страна, свидетельствуют, что советские архитекторы и строители умеют решать сложнейшие архитектурные и строительные задачи. Но этими успехами нельзя прикрывать те вопиющие недостатки, которые имеют еще место в нашей архитектурной практике.

Ни для кого не секрет, что мы до сих пор строим дорого, медленно и часто плохо. Ответственность за такое состояние строительства, безусловно, ложится и на архитектора. Уклониться от этой ответственности, сказать, что, мол, архитекторы лишь проектируют, а строят прорабы, конечно, невозможно.

Многие архитекторы долгое время боролись против стандартизации и типизации, якобы стеснявших их творчество. Они утверждали, что создать значительное архитектурное произведение из крупных блоков невозможно, что из стандартных элементов нельзя построить высокохудожественное здание. Это привело к тому, что для каждого отдельного случая изготовлялись десятки проектов с огромным количеством чертежей, народные деньги расходовались на дублирование проектов, и в конечном счете резко возрастала стоимость проектирования. Каждый проектировал «по вдохновению», иными словами — как ему заблагорассудится.

Разной это приводил к удорожанию строительных работ и огромным перерасходам строительных материалов. И сейчас еще промышленные предприятия за редкими исключениями проектируются так, что строить цеха индустриальным способом невозможно. Архитекторы до последнего времени смотрели на типовое проектирование не как на особо ответственную, особо почетную, большой государственной важности, задачу, а как на неприятную обязанность, как на работу, не дающую ни морального, ни материального удовлетворения.

Наши архитектурно-проектные мастерские, в том числе и мастерские Наркомтяжпрома, свои творческие задачи поняли узко, ограничиваясь поисками внешней архитектурной формы. В творческом процессе были забыты индустриализация строительства, стандарты и типы, требования экономичности сооружения и его функциональной целесообразности. Только после ряда партийных и правительственных решений об индустриализации строительства и, особенно, после решения ЦК нашей партии и СНК СССР об улучшении строительного дела и удешевлении строительства, архитекторы заговорили об этих проблемах.

Огромный вред приносят также допускаемые архи-

тенторами непопозвопительные излишества в промышленных, жилых и других зданиях.

Заводские цеха проектируются в отдельных, разбросанных по территории, одноэтажных зданиях, вместо того, чтобы там, где это позволяет технологический процесс и планировка, концентрировать их в одном здании.

Эта гигантомания в составлении генеральных планов промышленных предприятий вызывает непроизводительные дополнительные расходы на ограждение территории, на ее благоустройство, внутрипромышленный транспорт и проч. Кроме того, значительно возрастают расходы по управлению предприятиями, по их охране, освещению, ремонту и т. п.

Благодаря правильной компоновке генерального плана Уфимского завода возможно, без изменения технологического процесса, уменьшить запроектированную территорию завода с 130 до 85 га. Если мы сравним наш Магнитогорский завод, запроектированный в 1930 году, с американскими заводами Гери (построены в 1900 г.) и Макдональд (1915 г.), то убедимся, что на Магнитогорском заводе на один стан приходится 3 га территории, на заводе Гери — 2 га и на заводе Макдональд — 1 га.

Неправильное проектирование зачастую вынуждает строить наши предприятия в отдалении от существующих населенных мест, так как проекты диктуют необходимость подыскания таких громадных строительных площадок, которые почти невозможно найти ни в городе, ни поблизости к нему. В связи с этим резко увеличиваются расходы на жилищное строительство, сооружение дорог, транспортных устройств, водопровода, канализации, электросети и т. д.

Как правило, в проектах допускаются также преувеличенные (из-за некомпактной расстановки оборудования) объемы и площади цехов, конторских и бытовых помещений заводов. Так на ЗИС, ГАЗ и других заводах в разных цехах приходится от 3 до 15 кв. метров площади бытовых помещений на одного рабочего в смену. В большинстве случаев такие помещения используются только наполовину или еще меньше.

Следует указать и на тенденцию иных архитекторов, некритически относящихся к проектировкам технологов, ограничивать себя лишь проектированием заводской «коробки», не вмешиваясь в технологическую часть проекта.

Большие излишества допускаются проектировщиками, и в первую голову архитекторами, во внутреннем, и главным образом во внешнем, оформлении промышленных зданий.

За последнее время особенно модным стало нелепое стремление во что бы то ни стало «приукрасить» фасады наших заводов и фабрик. Ревнителн «красоты» облицовывают рядовые промышленные здания дорогими материалами, уснащают фасады декоративными колоннами и портиками, расточительно лепят повсюду, где можно, барельефы и горельефы, устанавливают статуи, вазы и целые скульптурные группы.

Не желая потрудиться над архитектурной проработкой фасада здания в кирпиче, наши архитекторы покрывают все здание сплошной штукатуркой. Штукатурят даже бетонные конструкции, которые по своей фактуре и расцветке в этом вовсе не нуждаются.

Излишества допускаются архитекторами и в проектировании жилых и общественных зданий, и в плани-

ровке населенных пунктов. Нередко рядовые здания поселка проектируются со всей пышностью дворцов эпохи Ренессанса. Некоторые затейники в погоне за архитектурным эффектом уснащают жилой дом рядового города целым батальоном скульптурных фигур. Иные архитекторы, стремясь скрыть недостатки самой архитектуры, облицовывают жилые дома гранитом, лабрадором и другими дорогими породами естественного камня.

Одна из причин этого явления — отрыв архитекторов от строительства. Архитектор занят только проектированием, забывая о том, что окончательным результатом его работы является не бумажный проект, а законченная постройка, осуществленный цех и завод.

Выработался даже особый тип архитектора-проектировщика, не знающего ни строительного искусства, ни сметы и занятого лишь изготовлением проектов. Этот профиль архитектора явно неполноценен.

Советской стране нужен полноценный архитектор-строитель, зодчий, в полном смысле этого слова. К сожалению, лозунг «архитектор на леса» до сего времени не претворен в действие. Союз советских архитекторов и сами архитекторы мало что сделали для реализации этого лозунга. Архитекторам следует, наконец, вплотную заняться вопросами строительства. Надо сблизить архитектурное дело с инженерией и техникой, ибо только при этом условии архитектура может быть полноценной.

Используя дефекты проектного дела, используя политическую слепоту ряда работников, враги народа, диверсанты, вредители не замедлили протянуть свою грязную лапу к проектной работе. Продажные агенты фашизма, шпионы, диверсанты и убийцы, вся гнусная банда троцкистских и бухаринских вырожденков и изменников причинили строительству громадный вред.

Достаточно вспомнить, как под видом аварийного поселка троцкистский вырожденек Норкин в Кемерове пытался расселить трудящихся в непосредственной близости от взрывчатоопасного завода, как враг народа Франкфурт протаскивал идею размещения города в Орске на крутых склонах скалистой горы, как Пятаков в Красноярске и других местах ставил жилье под вредными газами заводов, — достаточно все это вспомнить, чтобы понять, как важно немедленно исправить все недочеты проектно-планировочного дела и тем предохранить нашу социалистическую стройку от каких бы то ни было посягательств троцкистских и иных заклятых врагов народа.

Обязанность всех советских патриотов, участников социалистического строительства — быстрейшая ликвидация последствий вредительства. Архитекторы так должны строить свою теоретическую и практическую работу, чтобы не допускать проникновения врагов народа в область проектирования и строительства городов, промышленных предприятий, жилых и общественных зданий. Надо закрыть все щели, через которые может пролезть враг. Архитектурно-проектные организации должны пересмотреть проекты промышленных и других зданий, в отношении которых возникают какие-либо сомнения.

Особое внимание должно быть уделено вопросам жилищного строительства. Каково сейчас положение в этой области? — Прежде всего, нужно констатировать, что мы строим еще необычно дорого: стоимость 1 куб. метра жилья с 1929 года по 1937 год выросла, в частности, в Москве, с 24—27 рублей до 110—120 рублей.

Индекс жилищного строительства значительно выше индекса промышленного строительства. В чем причина такой непомерно высокой стоимости жилищного строительства? — Некоторые товарищи объясняют это тем, что в промышленном строительстве легче вести работу индустриальными методами с предельной механизацией. Очевидно, они недостаточно четко представляют себе, что такое индустриализация, что надо под этим термином разуметь. Индустриализация строительства метрополитена второй очереди выразилась в том, что монолитный железобетон был заменен металлическими тубингами, изготавливаемыми в массовом количестве по одному определенному стандарту на наших заводах. Эти тубинги доставляются на стройку, благодаря чему основной строительного процесса становится монтаж таких тубингов.

Возьмем строительство туннелей на ЗИС. Железобетонные элементы этих туннелей также изготавливаются на стороне и монтируются на стройке. Индустриализация строительства цехов на ГАЗ в свою очередь выражается в том, что металлические конструкции и железобетонные плиты изготавливаются не на стройке, а на заводах.

Но для того, чтобы осуществить такую индустриализацию, нужно прежде всего иметь определенные стандарты. Это необходимо учесть, когда дело идет об индустриализации жилищного строительства. Прежде чем производить заводским способом те или иные детали, их нужно хорошо разработать. Говорить об индустриализации жилищного строительства при отсутствии определенных стандартов и типов, значит отделяться общими фразами. Необходимым условием подлинной индустриализации жилищного строительства является и внедрение стандартов и типов в проектирование. Без соблюдения этого условия мы не удешевим стоимости жилищного строительства.

Недопустимо, что архитектор абсолютно не интересуется стоимостью проектирования жилья. Каждый проект должен проверяться сметой. Стоимость дома является таким же основным элементом проектной задачи, как план квартиры, как внешний облик здания, как внутреннее оформление.

Много ли найдется архитекторов, которые знают, что по расчету на 1 куб. метр жилья стоимость кирпича выражается в 5 руб. 50 коп., а стоимость паркета — в 3 руб. 45 коп. Таким образом, последняя равна двум третям стоимости основного элемента здания — кирпичной кладки. Наконец, стоимость скобяных изделий равна 1 руб. 65 коп. или одной трети стоимости кладки. Если бы это было известно архитекторам, если бы они все это продумали, то можно не сомневаться, что они повели бы давно борьбу с таким ненормальным распределением стоимости.

В проектных организациях существует недопустимая функционалка. Проектировщики не участвуют в составлении смет и передают все дело расценкам на откуп сметчикам. Необходимо, чтобы архитектор проектировал жилое здание комплексно, во всем объеме поставленной задачи, решал бы не только план и фасад, но и участвовал бы и в разработке сметы, отвечал бы за стоимость здания.

Когда архитектор проектирует жилой дом, он обязан думать о потребителе и учитывать все детали планиров-

ки, он должен знать, как будут открываться двери, как будет расположены плита, мойка на кухне, какова будет арматура и т. д.

В этой области следует использовать все лучшее и пригодное из богатого иностранного опыта и нашей советской практики. Надо использовать, в первую очередь, опыт США и западноевропейских стран.

Архитектурная общественность много времени уделяла дискуссиям, но мало боролась за высококачественную продукцию наших предприятий, изготавливающих скобяные изделия — оконную, дверную и печную фурнитуру.

В третьей пятилетке должно быть создано крупное индустриальное производство строительных деталей, полуфабрикатов и конструкций. Максимальное количество работ должно быть перенесено со строительной площадки на постоянно действующие крупные предприятия строительной индустрии. Работы на самой площадке должны быть максимально механизированы.

Для ускорения перевода строительства на индустриальные рельсы необходимо добиться при проектировании максимальной типизации и стандартизации, а также использования готовых строительных деталей.

В третьей пятилетке, как в несущих конструкциях, так и в перекрытиях промышленных и общественных зданий, должен найти себе широкое применение металл.

Оболочка зданий должна выполняться из легких сборных элементов с использованием изоляционных материалов (автоклавный материал, пенобетон, керамика, мелкие блоки и пр.).

В отделке зданий нужно максимально использовать готовые заводские изделия, офактуренные камни и блоки, облицовочные кирпичи, плитки, сухую штукатурку.

Необходимо значительно улучшить внутреннюю планировку квартир. В жилищное строительство должна быть внедрена стандартная ячейка, дающая возможность тщательно разработать конструкции и наладить их индустриальное производство.

При проектировании жилищ должно быть обеспечено достижение максимальных удобств, в частности необходимо обратить внимание на проектирование индивидуальных квартир, рассчитанных на одну семью и оборудованных ванной, душем, газом, холодильниками, мусоропроводом.

Важнейшей задачей является развитие заводского производства агрегатов санитарно-технического оборудования как для промышленного строительства, так, главным образом, и для жилого.

Производственная база строительной индустрии должна быть значительно расширена. Помимо предприятий, вырабатывающих металлические конструкции, строительные детали и скобяные изделия, должны быть развиты предприятия по готовым бетонным, железобетонным и силикатным материалам.

Архитекторы вместе со всей многотысячной армией строителей должны бороться за индустриализацию строительства, за удешевление стоимости и резкое улучшение его качества, и тогда совместными усилиями строительная промышленность будет выведена, как этого требуют от нас партия, правительство и наш вождь и учитель товарищ Сталин, на путь передовых отраслей народного хозяйства.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ АРХИТЕКТОРА

Проф. В. А. ВЕСНИН

Воспитание высококвалифицированных архитектурных кадров — важнейшая и ответственнейшая задача преподавателей архитектурных вузов, руководителей мастерских, всех проектных организаций и архитектурной общественности в целом.

Уже в вузе определяется характер дарования, намечаются творческие устремления молодого архитектора. Поэтому чрезвычайно важно найти путь к сознанию и сердцу студента, уже с первых уроков пробудить в нем энтузиазм и любовь к избранной деятельности, которые являются непременным условием для плодотворной работы в каждой области искусства. Ведь даже самое добросовестное изложение архитектурных дисциплин само по себе еще не гарантирует воспитания подлинного архитектора-творца.

Прежде всего в вузе нужно создать подлинную атмосферу искусства; лучшие образцы архитектуры, скульптуры и живописи должны быть всегда в поле зрения студента, воспитывая в нем высокий вкус и поддерживая постоянный интерес к творческим исканиям.

Весь круг знаний, входящих в объем вуза, должен подводить студента к познанию архитектуры как искусства. Проектирование не должно противопоставляться «скучным» техническим дисциплинам. Изучение техники необходимо представить студенту как живой непременный элемент архитектурного творчества, ограниченно с ним связанный. Даже чисто технические дисциплины — строительная механика и сопротивление материалов должны преподаваться так, чтобы слушатель все время чувствовал их непосредственную связь со строительным искусством и архитектурой. У работника искусства пре-

имущественно развито образное мышление, и педагог, учитывая эту особенность, должен передавать технические дисциплины так, чтобы формулы вызвали образное представление о работе материалов. Изгиб балки, работу свода, статическое равновесие сооружения можно представить живо и образно. Только так и следует вести преподавание технических дисциплин.

Каждый архитектор обязан прекрасно владеть рисунком. Овладение рисунком является первой ступенью архитектурного ремесла. И этот предмет можно и необходимо сделать одним из любимых. Правильная постановка рисунка содействует выработке вкуса, пониманию пропорций, чувству объема и овладению композицией. Задача руководителя при этом удержать студента от слепого копирования природы и приучить его к осмысленному улавливанию самого существенного в изображаемой натуре. Такое живое преподавание рисунка вырабатывает в учащемся наблюдательность, развивает волю, приучает руку точно следовать замыслу. Оно дает ему чувство красоты и законченности живых форм природы. В классе рисунка обязательно, кроме того, ознакомление учащихся с рисунками лучших мастеров всех времен.

Ознакомление с техникой акварели и масла также не должно носить только узко прикладного характера. Знание этих дисциплин необходимо не только для раскраски проектов. Перед студентом должна во всей своей сложности предстать проблема цвета, он должен разбираться в цветовых композициях. Ему многое даст помимо непосредственной учебной работы также посещение музеев и знакомство с мировой живописью.

Архитектор должен обладать хорошо развитым чувством пластичности, поэтому занятие скульптурой и изучение лучших образцов ее обязательны в архитектурном образовании. В архитектурном вузе следует орга-

низовать и хорошую макетную мастерскую. Правильно поставленная работа над макетом чрезвычайно полезна, развивая чувство формы, объема и пространственной композиции.

Особенно строгие требования следует предъявить в архитектурных вузах к циклу теоретических дисциплин.

Изучение истории архитектуры должно быть проникнуто живым духом анализа историко-культурных условий, породивших различные школы и направления архитектуры и искусства. Правильно поставленный курс истории архитектуры и искусства повышает культурный уровень студента и занимает особое, чрезвычайно ответственное место в общей системе архитектурного образования.

При воспитании мастера-творца, обязательно бережное отношение к индивидуальным способностям учащихся. Руководитель должен всегда помнить о сложной задаче любовного выращивания первых, слабых ростков творческой инициативы. Легко подавить учащегося своим авторитетом, куда сложнее облегчить студенту его продвижение по ступеням творческого процесса, руководить его самостоятельной работой от зарождения мысли в эскизе до законченного проекта. Заставить молодого архитектора любить это медленное созревание и развитие идеи — самое существенное в работе над проектом. Зачастую студенты легко схватывают общий стиль и манеру работы своего руководителя и недурно справляются с заданиями, решая их чисто подражательно. Не приходится разяснять, что такое бездушное копирование не имеет ничего общего с подлинным творчеством.

Приучить учащегося к самостоятельной работе — одно из основных требований, предъявляемых к педагогу. Но среди студентов встречаются и люди, желающие работать во что бы то ни стало «оригинально», «по-своему», как бы бессмысленно это ни было. Учащихся этой категории сле-

дует всегда сдерживать, требуя от них строгого соблюдения программы задания и учета реальной возможности воплощения проекта в жизнь.

Путем тщательного анализа работы студента, надо, не нарушая основного замысла, найти и устранить допущенные ошибки. Планомерное раскрытие и развитие верного решения — один из важнейших моментов творческого процесса в искусстве.

В начальный период работы над проектом студент может представить целый ряд вариантов, но после внимательного их просмотра и выбора следует добиться от учащегося доведения наиболее удачного варианта до предельного совершенства. Работа над постепенным углублением архитектурной идеи, предполагающая в студенте способность перехода от одной стадии к другой, вплоть до полного законченного выражения замысла — единственно верный путь к самостоятельному проектированию и творческой зрелости. И поэтому не следует поощрять бесплодных колебаний и метаний от одной идеи к другой.

В вузах часто наблюдается нездоровое соревнование руководителей кафедр проектирования. Руководители кафедр, в погоне за лучшими отметками для своих дипломников, полностью обезличивают учащихся. В этом случае в представленных проектах ясно видна рука руководителя. Конечно, такие проекты выглядят совсем не плохо и получают одобрительные отзывы. Но это кажущееся благополучие слишком дорого обходится молодежи, создавая ей иллюзию мастерства, которая рассыпается в прах при встрече с реальной действительностью. Дипломная работа студента, как последняя завершающая ступень вуза, должна быть проведена им по возможности самостоятельно.

В мастерских и проектирующих организациях необходимо положить конец недоверчивому отношению к молодежи со стороны руко-

водителей и авторского состава. С другой стороны, не следует поощрять претензии молодых архитекторов, только что окончивших вуз, на получение совершенно самостоятельной работы. После вуза молодому архитектору необходимо пройти практический стаж, проделав путь от академической работы к реальной. Работа в качестве помощника у старшего товарища-автора даст ему те необходимые практические сведения, которые не может дать школа.

Только проработав достаточно длительный период в качестве помощника архитектора и приобретя нужный опыт, молодой архитектор может по праву требовать самостоятельной авторской работы.

Но и в качестве помощника молодой архитектор может и должен проявлять творческую инициативу. Мастерская должна содействовать творческому росту молодежи. Правильно поставленная работа над проектом складывается из архитектурного уточнения всех элементов композиции, постоянной их увязки в процессе проработки и напряженной мысли для нахождения наилучшего, согласованного во всех, даже второстепенных, частях решения. Только такая система работы приучит начинающего архитектора добиваться законченных гармонических решений.

Очень важно также приучить молодежь плодотворно пользоваться нужными литературными и художественными материалами. Основательно изученный материал помогает уточнить и выкристаллизовать задуманное решение, а иногда и наталкивает на свежую, новую идею.

Архитектор в нашей советской действительности является членом творческого коллектива. В атмосфере общей работы, товарищеского соревнования, дружественной критики, он получает полную возможность индивидуального роста. Некоторым начинающим архитекторам, стремящимся во что бы то ни стало к индивидуальному проектированию, надо

осознать всю ценность такой коллективной работы.

Сложные комплексные задания обычно осуществимы только в условиях творческой работы целого коллектива мастеров. В таких проектах важно, чтобы каждый член коллектива проявлял всю свою инициативу. Индивидуальная инициатива, подчиненная общему стремлению создать цельную вещь, приводит к богатому, насыщенному решению.

Взаимоотношения архитекторов в такой коллективной работе очень сложны и иногда приобретают ненормальный характер. В этом случае дух коллективизма должен приучить членов коллектива к справедливой, товарищеской и самокритичной оценке их авторского участия в общей работе.

При решении комплексных заданий автором может быть старший, руководящий товарищ, а соавторами — остальные участники работы. Если ведущей роли не играет ни один из участников, то весь коллектив работает на основе соавторства. Наконец, когда идея всего комплекса исходит от одного человека, решающего проблему в целом, то остальные участники работают в качестве помощников. Но и в этом случае коллектив должен вносить свою инициативу в развитие композиции. Такое сотрудничество имеет громадное воспитательное значение для молодого архитектора, приучая его к самодисциплине.

В коллективе не должно быть места зазнайству, откуда бы оно ни исходило — от еще незрелой молодежи, или от руководителя, или от старших товарищей — как явлению, безусловно тормозящему рост коллектива. Только в дружеской обстановке коллектива, целью которого является создание совершенных архитектурных произведений, только в атмосфере дружеского соревнования и критики — могут получить достойное воспитание новые кадры советских архитекторов, преданных своему делу и родине.

АРХИТЕКТОР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В. ЗУБОВ

В пределах небольшой статьи трудно показать изменения социального положения архитектора на протяжении столетий. Новейший английский исследователь, посвятивший этому вопросу специальную книгу в 400 страниц, был вынужден сузить свою тему и удовольствоваться лишь фактическим обзором без углубленного исторического анализа¹.

Если взять книгу буржуазных авторов, например, упомянутую книгу Бриггса, то «история архитектора в веках» предстанет перед нами как некая «парадная история» героев, окруженных всеобщим уважением и почетом. При этом совершенно забывается, что интеллигенция никогда не была классом, а «прослойкой, рекрутировавшей своих членов среди всех классов общества» (Сталин, — из доклада о проекте конституции СССР).

Достаточно одного примера: известны пышные эпитеты и титулы, которые начертаны на гробницах египетских архитекторов в Фивах, и, с другой стороны, известно, что немалых «милостей» и почестей «удостоился» на своем веку Тибальди, а между тем социальная характеристика архитектора в этих двух случаях совершенно различна: в одном случае архитектор является жрецом или воспитанником жрецов, в другом — это сын каменщика.

Этого мало: вглядываясь пристальнее в конкретно-исторические условия, в классовую борьбу и классовые соотношения, мы начинаем понимать, что египетский жрец-архитектор — для своего времени типичен, между тем как судьба Тибальди — исключительна. Говоря об архитекторах, достигших вершин «почета и славы», всегда следует помнить о том отборе, который производили господствующие классы, и уже, конечно, не забывать о тех конфликтах, которые решали подчас трагически судь-

Бюст Аполлодора
Дамасского



Buste d'Apollodor
de Damas

бу не только проекта, но и его автора.

Витрувий простодушно выразил эту зависимость архитектора от правящих классов в следующих словах: «особенно хорошо это можно видеть на примере древних ваятелей и живописцев, потому что из них остались навсегда в памяти потомства те, которые были отмечены знаками достоинства и снискали благоволение, как, например, Мирон, Поликлет, Фидий, Лисипп и другие, достигшие, благодаря своему искусству, знаменитости тем, что исполняли работу для великих государств, или для царей, или для знатных граждан. Тогда как те, которые, отличаясь не меньшим рвением, дарованием и искусством, создали не менее замечательные и совершенные произведения для граждан низкого положения, не оставили по себе никакой памяти, не потому, что им не доставало стараний или искусства в их мастерстве, а лишь из-за того, что им не посчастливилось: таковы, например, Гегий Афинский, Хион Коринфский, Миагр

Фонейский, Фаракс Эфесский, Бела Византийский и многие другие. Подобно этому и живописцам, вроде Аристомена Фасосского, Поликла и Андронида Кизикских, Теона Магнесийского и других, у которых не было недостатка ни в старании, ни в рвении к своему мастерству, ни в искусстве, были препятствием к признанию их достоинств либо их собственные скудные средства, либо непостоянство счастья, либо же успех их соперников на пути достижения славы» (Витрувий, III, вст., 2).

Мы не побоялись этой длинной цитаты, так как упоминаемые в ней забытые, никому не известные имена позволяют лучше всего оттенить те факты, которые обычно приводятся для иллюстрации высокого положения архитектора в античности. Надо сознаться, что даже о наиболее выдающихся архитекторах Греции до нас дошли самые скудные сведения. Мы почти ничего, например, не знаем об Иктине, Мнесикле и многих других. Не случайно в древности не составлялись сборники биографий

¹ M. Briggs. The Architect in History. Oxford, 1927.

Из этой книги мы заимствуем часть фактических сведений.



Брунеллески
подносит модель
церкви С. Лоренцо
Козимо Медичи

Brunelleschi offring
la maquette
de l'église
de St Laurent
à Cosme de Médicis

архитекторов, подобных хотя бы «Жизнеописаниям философов» Диогена Лазрция, или «Жизнеописаниям» художников Вазари в эпоху Возрождения. Не забудем, что, как правило, на античном сооружении писали не имя архитектора, а имя заказчика (имя Сострата Книдского на Александрийском маяке — редкое исключение). Что из того, если Аполлодор Дамасский изображен на колонне Траяна, коль скоро по римскому законодательству архитектор не выделялся из среды прочих ремесленников.

Более того, историк Кассий Дион рассказывает, как тот же самый Аполлодор «впал в немилость» при Адриане за то, что «осмелился» критиковать архитектурные замыслы императора. Впоследствии Аполлодор был казнен.

От раннего средневековья сохранилась эффектная формула, составленная Кассиодором и читавшаяся вступающему в должность дворцовому архитектору; мы узнаем из нее, что зодчий шествует в королевской свите непосредственно впереди короля с золотым жезлом, указывающим, что именно ему доверено сооружение королевского дворца. Значит ли это, что все зодчие вообще шествовали в истории «с золотым жезлом в руках»?

Период готики было принято считать периодом «анонимного» творчества. В новейших исследованиях

приводятся имена главных строителей, носивших в то время звание *aedificator magister* (мастер), *ingeniator* (очевидно, предшественник современного инженера) и др. Но даже, если бы мы знали имена всех зодчих средневековья — это не дало бы нам права отрицать «анонимный» характер средневековой архитектуры. Ведь о личности, например, Виллар де Оннекура нам до сих пор приходится только догадываться по альбому его рисунков, и если средневековье изобиловало биографиями королей и духовных лиц, то оно не оставило нам ни одной биографии архитектора. Ошибка клерикальных панегиристов средневековья, полагавших, будто чуть ли не все зодчие средневековья были монахами, отчасти объясняется тем, что по истории мнахов и монастырей мы располагаем гораздо большим количеством документов, чем по истории «светских» мастеров, не «удостоившихся» упоминания в хрониках.

Не следует также забывать, что архитектор никогда не был пассивным исполнителем «социального заказа». На примере античности и возрождения легче всего показать социально-реформаторскую роль архитектора. Философ-архитектор Гипподам, планировавший Пирей и Родос, видел в своей работе частичное и неполное осуществление своих политических теорий, и его невольно хочется нам сблизить с Платоном,

«идеальный город» которого точно так же являлся архитектурным воплощением философски-политических теорий. Для нас неважно здесь, были ли устремления Гипподама и Платона реакционными или прогрессивными; важно то, что архитектура ставилась в связь с политикой, что архитектор мыслил себя деятельным участником преобразования общества. Точно так же в эпоху Возрождения творческая мысль архитектора шла значительно дальше тех требований, которые предъявлялись тем или иным индивидуальным заказчиком. Реально созданное архитекторами Ренессанса — незначительная доля того, что представлялось им в воображении. Один из первых архитектурных трактатов раннего Возрождения — «Сон Полифила» наполнен описаниями неосуществимых фантастических сооружений. Возьмем трактат Филарета, где в форме диалога до мелочей рисуется «идеальный город» Сфорцинда. Этот город не был и не мог быть построен герцогом Сфорца, и только в отдельных описаниях можно усмотреть кое-какое сходство с постройками самого Филарета — немногим из того, что ему удалось осуществить. Совершенно очевидно, что если Атлантида Платона была архитектурным воплощением его социальной утопии, то описание города Полифила — было мечтой о жизни, чуждой средневековому аскетизму, а проект идеальной Сфорцинды — целой, не только архитектурной, но и социальной, программой. От этих архитектурных утопий — прямой путь к утопиям типа Кампанеллы.

Судьба Леонардо да Винчи — лучший пример разрыва между неограниченной смелостью замыслов гениального художника и возможностями их реального осуществления. Все его многочисленные архитектурные проекты остались погребенными в его записных книжках. Они стали общим достоянием только во второй половине XIX века. Его наука намного опередила свой век, и ученые последующих столетий заново открывали то, что давно уже различал острый взор гения. Витрувий сказал бы, что для своих архитектурных проектов Леонардо да Винчи не нашел «великих государств царей или знатных граждан», а Кассиодор — что ему не был вверен «золотой жезл».

На протяжении столетий менялось не только отношение архитектора к

господствующим классам, которым он вынужден был служить, менялся его «профиль», менялось и место в ряду других профессий.

По словам Витрувия, греческий зодчий Пифей утверждал, что архитектор должен быть более сведущим в каждой науке, чем люди, специализировавшиеся в этих областях. Отвергая такое утверждение, Витрувий тем не менее требовал, чтобы архитектор «был человеком грамотным, умелым рисовальщиком, знающим геометрию, всесторонне знакомым с историей, имеющим понятие о медицине, знающим решения юристов и обладающим сведениями в астрономии и небесных законах» (I, 1, 3). В уже упоминавшейся средневековой «формуле» Кассиодора указывается, что зодчий должен изучать Евклида, Архимеда и Макробия, обязан руководить каменщиками, мраморщиками, литейщиками и живописцами, обязан разъяснять им то, что они не знают, и разрешать те трудности, которые возникают перед всем множеством людей, работающих под его руководством. «Ты видишь, — заключает Кассиодор, — как много знаний должен иметь тот, кто обязан поучать столько людей».

Идеал энциклопедичности с настойчивостью выдвигало и Возрождение. Альберти фактически остался верен тому же принципу универсальности. Вплоть до XVIII века теоретики, ссылаясь на Витрувия, твердили о разносторонности, которой должен обладать архитектор.

Сам Витрувий первым вносит скептический корректив в это требование идеальной нормы. «Наука такой важности бросается на произвол неучей и невежд и таких, кто не имеет никакого понятия не только об архитектуре, но даже о ее практике», — пишет он. Это утверждение, применимое не только ко времени Витрувия, конечно, не исключает возможности появления таких фигур, как Аполлодор Дамасский или Фимий Тралльский, совмещавших искусство архитектора со знаниями инженера. Но оно свидетельствует, что идеал архитектора-энциклопедиста чаще всего оставался лишь идеальной нормой и не всегда соответствовал фактическому положению вещей. Правда, вплоть до XVIII века граница между «интеллигентными профессиями» была гораздо более неопределенной и зыбкой и архитектура

не была замкнутой областью узкого специалиста. Фидий был скульптором и архитектором. Мандрокл Самосский — архитектором и живописцем, позднее Орканья был архитектором, живописцем и скульптором, Браманте — живописцем и архитектором, Франческо ди Джорджо Мартини — архитектором и скульптором, Виньола перешел к архитектуре от занятий живописью и перспективой, Бернини — от занятий скульптурой и т. д.

Вплоть до XVI века строительная техника и архитектура не были еще разобщены ни в теоретических трактатах, ни на практике. Но с XVII века дифференциация между техником и архитектором становится все более резкой и перерастает позже в антагонизм. Основные технические нововведения XVII—XVIII вв. — заслуга людей, пришедших в архитектуру «со стороны». Ярким примером может служить деятельность математика Рена (1632—1723), архитектурная оригинальность которого неизмеримо бледнее его технической изобретательности. Теория, вырождающаяся в свод канонов и мертвых правил, отстает от практики.

Архитектор Ланфранко на стройке Моденского собора

Большую роль сыграла в этом отношении ложная организация архитектурного образования. Основные архитектурные школы (академии) возникают в разных странах, начиная со второй половины XVII века. Господствующие классы пожелали создавать таких архитекторов, какие им были нужны. Но жизнь оназдалась сильнее их расчетов. В школах архитектурное образование сузилось: эстетические дисциплины были ограничены догматизированной теорией ордеров и схоластическими правилами, — и в то же время мастера барокко провозгласили отрицание канонов и правил.

Школьная архитектурная теория, таким образом, отстает не только от технического прогресса, но и от эстетической практики. Ростки синтетической теории архитектуры окончательно гложут. XIX век только углубляет этот разрыв: техническое развитие идет своим путем и архитектура не в состоянии осмыслить эти новые достижения техники. Новейшие «откровения» конструктивизма, выкинувшего за борт вообще всю проблему, только подчеркнули с пре-

Architecte Lanfranco au chantier de la cathédrale de Modène



дельной резкостью этот разрыв. Архитектура XIX века оказалась во власти ретроспективизма, эклектизма именно потому, что школа была оторвана от народа, архитектурная практика не служила его интересам.

В своих «Беседах об архитектуре» (1858) Виолле ле Дюк дал убийственную характеристику состояния французской архитектуры и архитектурного образования своего времени¹. По его словам, молодые архитекторы «постоянно копируют формы, принадлежащие искусствам прошлого, вместо того, чтобы искать архитектуру, отвечающую той эпохе, в которую мы живем». Архитектурное образование «не допускает смелых нововведений, основанных на применении новых материалов; она вращается в том же круге идей в течение ряда лет и в конце концов в виде высшей награды за покорное подчинение ее доктринам молодых архитекторов посылают в Рим или в Афины, чтобы дать им возможность в сотый раз произвести обмеры Колизея или Парфенона» (стр. 311). Будущим архитекторам «никогда не говорят ни о руководстве работами, ни о правильном применении материалов... и никогда не учат их искать путей разумной экономии» (стр. 470). Школа, по словам Виолле ле Дюка, организована так, что воспитывает только единицы. «Если мы видим, что число способных архитекторов постоянно убывает в провинции, то это является главным образом следствием системы, принятой в школе изящных искусств, системы, состоящей в ежегодной отправке одного лауреата на виллу Медичи, но совершенно не заботящейся о воспитании кадров полезных художников, которые знали бы свои обязанности и бесчисленные детали, выдвигаемые практикой из профессии» (стр. 374). «Что бы сказали о военной школе, — остроумно замечает Виолле ле Дюк, — организованной так, что она готовила бы только маршалов Франции и предоставляла на волю случая подготовку капитанов и лейтенантов?» (там же).

Слова Виолле ле Дюка приложимы не только к Франции времен второй империи и характеризуют общее состояние архитектуры в XIX веке.

Если мы присмотримся к той пе-

рестройке, которой на протяжении XIX века подверглись крупные города Европы, то и здесь мы увидим, что архитектура была вынуждена служить интересам господствующего меньшинства, а кварталы, в которых сосредоточивалось основное население города, оставались «беспризорными», не попадали и не могли попасть в капиталистических условиях в поле зрения архитектора. С предельной и беспощадной ясностью это отмечено Марксом: «Сопровождающее прогресс богатства «улучшение» (improvements) городов путем сноса плохо застроенных кварталов, устройства дворцов для банков, универсальных магазинов и т. д., проложения улиц для деловых сношений и роскошных экипажей, устройства конки и т. д., очевидным образом вытесняет бедноту все в худшие и худшие, все в более переполненные трущобы»¹. Заметим, что, говоря об Англии 1846—1866 гг., Маркс рассматривает приводимые им факты как иллюстрацию всеобщего закона капиталистического накопления. Не только рабочие, но и мелкие лавочники и другие элементы мелкой буржуазии, как показывает Маркс на примере Лондона, «все более поддаются проклятию этих отвратительных жилищных условий по мере того, как прогрессируют «улучшения», а вместе с тем, снос старых улиц и домов, по мере того, как растет число фабрик и приток людей в столицу, — наконец, по мере того, как вместе с городской земельной рентой повышается и квартирная плата»². О том же говорит Энгельс: «Самые грязные переулки и закоулки исчезают при величайшем самохвальстве буржуазии по поводу этого огромного успеха, но они... тотчас же возникают где-либо на новом месте, часто даже в непосредственном соседстве»³.

Этих цитат достаточно, чтобы дать представление о тех неизбежных противоречиях, которые в обществе с антагонистическими классами препятствуют полному и всестороннему раскрытию творческих возможностей народа и личности, установлению неразрывной органической связи между творчеством профессионала-архитектора и жизненными запросами народных масс.

¹ К. Маркс, «Капитал», т. I, М., 1934, стр. 752.

² Там же, стр. 753.

³ Ф. Энгельс, Жилищный вопрос, М.—Л., 1932, стр. 65.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция в СССР коренным образом меняет положение архитектора.

Благодаря победе социализма в СССР стало реально осуществимым грандиозное строительство, далеко превосходящее по своему размаху все, что мог себе представить в мечтах архитектор прошлого. Впервые был ликвидирован характерный для прошлого конфликт между идеалами архитектора, его профессиональными устремлениями и уродовавшими его творчество общественными условиями производства.

В социалистическом обществе, в Советской стране, судьба архитектора уже не зависит от прихоти частного заказчика или от случайной возможности получения «государственного подряда». Архитектор уже не является рабом «изменчивой фортуны». Его работа и жизнь протекают в условиях, исключающих карьеризм, профессиональное чванство, приспособление к самым нелепым требованиям заказчика. Новое общество не обрекает на безвестность и нищету талантливых архитекторов, — напротив, оно выдвигает таланты, открывает перед ними широчайшие творческие пути, помогает талантам вооружиться знаниями и опытом.

Достоинство советского архитектора и его творческая свобода гарантируются тем, что он является полноправным и активным участником социалистического преобразования общества.

Только в СССР на новой основе восстановлена связь между архитектурой, техникой и наукой. Стремление к синтезу архитектуры, техники и науки не является в наших условиях только идеальной нормой. Направление архитектурного творчества, так же как и всего развития нашего общества, определяется величайшей, претворенной в жизнь, научной теорией Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. В распоряжении архитектора — вся техническая мощь социалистического хозяйства.

Перефразируя приведенные выше слова церемониальной средневековой формулы, можно сказать, что советский архитектор действительно стал носителем золотого жезла, ибо ему поручено на деле строительство дворцов для освобожденного народа.

¹ Страницы в тексте указаны по русскому переводу, изданному Весоюзной академией архитектуры (М., 1937).

АРХИТЕКТУРА ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

I. БОЛЬНИЦЫ

СОВРЕМЕННОЕ БОЛЬНИЧНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Б. КОРШУНОВ
Я. НЕКРАСОВ

Больничное и санаторное строительство занимает виднейшее место в грандиозной строительной программе Советского Союза, и сейчас нет города и поселка, где бы не было здания лечебного и медицинского назначения.

И все-таки, несмотря на то, что многое уже сделано, предстоит сделать во много раз больше. Поэтому сейчас, как никогда, своевременно перед новым грандиозным больничным строительством подвергнуть критике наши первые проекты и провести параллель с опытом Запада, особенно США.

Это не означает, что следует целиком копировать зарубежные образцы, но мы обязаны дать себе отчет в тех методах планировки больниц, благодаря которым на Западе и в Америке достигается концентрация обслуживания в больнице, приближение персонала к больному и сокращение коек в палатах. Изучение этого опыта заставит нас тщательнее продумывать всю методику строительства и проектирования наших лечебных учреждений.

У нас еще мало внимания обращают на экономику больничного дела и поэтому, несмотря на свойственную нам смелость, мы подчас в больничном строительстве бываем несколько робки.

Если первый период характеризуется спешкой, диктуемой неотложной задачей лечебного обслуживания населения, то сейчас мы в состоянии более глубоко продумать новые проекты и более серьезно подготовиться к их осуществлению. Это обязывает врачей, архитекторов и строителей



Центральная клиническая больница НКПС на 400 коек. Москва
Фасад

Clinique centrale du Commissariat du peuple aux Voies de communication à Moscou à 400 lits. Façade

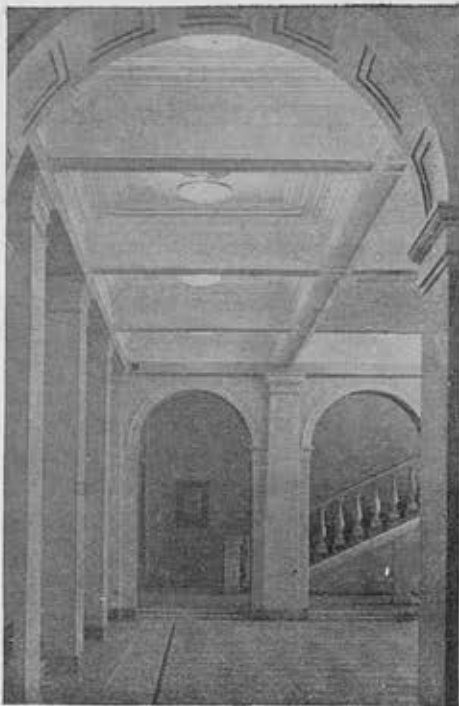
вооружиться новейшей техникой в своей области.

Больничным управлениям придется сильно поработать над сетевым распределением лечебных учреждений. Им должно сказать ясно, что распыление средств, которое до сих пор имеет место, снижает эффективность использования этих средств и приводит к возникновению ряда незаконченных построек и повышению эксплуатационных расходов даже в тех случаях, когда строительство полностью доводится до конца.

Опыт массового строительства яслей и родильных домов показал, что на эксплуатации медицинского учреждения особенно болезненно сказывается недостаточно глубоко продуманное задание. Поэтому при проектировании лечебных зданий надо особое внимание уделять не только проработке заданий, собиранию и изучению материалов, но и составлению подробных эскизов.

Для этой цели органы здравоохранения должны укрепить свои проектные организации опытными работниками, привлекая крупных мастеров к больничному и санаторному делу, ибо в настоящее время критика и разбор проектов в этих органах проводятся недостаточно серьезно.

Рассматривая опыт больничного строительства за последние 20—30 лет, мы должны сперва остановиться на коротком историческом обзоре. К началу XX столетия строительство лечебных учреждений во всем мире, как правило, велось по принципу децентрализации всего больничного комплекса: строились отдельные маленькие корпуса (павильоны), число которых в больницах достигало многих десятков (Эппендорфская больница в Гамбурге включает свыше 90 зданий, больница им. Вирхова в Берлине—около 40 и т. д.). По этому же принципу строились и наши больницы (больница им. Боткина в Москве



Центральная клиническая больница НКПС на 400 коек, Москва. Вестибюль

Clinique centrale du Commissariat du peuple aux Voies de communication à Moscou à 400 lits. Vestibule

Salle de malades

Палата



включает свыше 50 зданий, больница им. Мечникова в Ленинграде — 45 и т. д.).

В США впервые отказались от этого принципа и перешли к строительству централизованных больниц, что привело в конце первой четверти XX столетия к появлению больниц-гигантов (небоскребов), достигающих 27 этажей и включающих в одном здании много сотен коек, а в тесном блоке их до 2—3 тысяч.

Западная Европа постепенно вступает на тот же путь: так, во Франции после завершения в 1934 году строительства последней павильонной базы в Лионе (1605 коек павильонных, в свыше чем 45 зданиях) уже решительно переходят к многоэтажному централизованному строительству. Больница Божон в Клиши (1500 коек) решается единым массивом в 13 этажей, больница имени Фоша достигает 11 этажей, начатая строительством в Лилле больница на 5000 коек с медицинским факультетом — 12—13 этажей. Та же тенденция определяется и в других странах: в Чехословакии, Швеции, Швейцарии и т. д.

Централизованная система имеет ряд неоспоримых преимуществ при этой системе: а) сокращаются все виды связи больных и персонала, облегчается доставка всякого рода грузов — пищи, белья, медикаментов и пр.; б) открывается возможность полноценного использования дорого стоящей аппаратуры (рентген, радий, физиоаппаратура, центральная лаборатория и т. д.); в) возможность обслуживания больных и зданий меньшим числом и медицинского и административно-хозяйственного персонала; г) достигается меньшая протяженность фундаментов, крыш, трубопроводов и пр.; д) требуется меньшая площадь участка, и потому открывается техническая возможность строить большие больницы в крупных городах без значительной расчистки участка от старых зданий.

Но наряду с этими положительными сторонами централизация имеет и ряд отрицательных. Главным недостатком является необходимость постройки такого здания одновременно, без очередности ввода строительства в эксплуатацию по частям. Законченность такого комплекса при однокорпусном решении к тому же делает невозможным дальнейшее расширение больницы. Более рациональ-

ным нам кажется строительство по системе «полуцентрализованной». В этом случае все отделы больницы концентрируются в немногих крупных корпусах, группы которых связаны между собою теплыми переходами. Благодаря этому, открывается возможность строительства по очередям и дальнейшего расширения лечебного учреждения и вместе с тем полностью сохраняется преимущество использования централизованных, общих для всех или нескольких корпусов, подсобных элементов (рентген, центральная лаборатория, кухня и пр.).

По такой системе построен ряд зарубежных больниц (Лильгагенская психиатрическая в Швеции, ряд английских больниц и т. д.).

Наша врачебная мысль медленно убеждается в преимуществах тех организационных и экономических факторов, которые легли в основу концентрации больничного комплекса с его многогранными элементами, и в настоящий момент сторонников так называемой «павильонной» системы (децентрализованной) как для крупных, так и для средних и даже малых больниц, имеется не мало.

Все же очевидные преимущества «централизованной» системы завоевывают ей все большую популярность, что видно из следующих примеров: проектировавшаяся в 1929—1930 гг. харьковская клиническая больница состоит из 42 корпусов на 1500 коек; куйбышевская — проектировавшаяся в 1931—1932 гг. из расчета на 1500 коек, включает 27 корпусов, горьковская (проектировка 1934—1935 гг.) — 22 корпуса, архангельская — 17, сталинская — 11.

Такое уменьшение числа отдельных зданий на участке больницы достигалось с одной стороны укрупнением корпусов с поднятием их этажности до 4—5 и 6 этажей и увеличением числа больных, размещаемых в таком корпусе, до 210, 280, 350, 420 и более, а с другой — сближением этих корпусов и соединением их теплыми переходами (по второму этажу для больных и учащихся, по цоколю и туннелям для хозяйственного движения); наконец, включением кухни в габариты главного корпуса или ее блокированием с этим корпусом.

Вопрос о приближении кухни к обслуживаемым отделениям имеет особое значение. В этом случае значительно сокращается путь движения

пищи и тем самым и штат обслуживающего персонала.

Кроме того, этим обеспечивается доставка больному горячего и хорошо сервированного кушанья взамен остывшей, разболтанной при переноске и принявшей неприятный, не возбуждающий аппетит вид, пищи.

Если же сосчитать общую протяженность пути всех видов движения по усадьбе больницы (больных, персонала, учащихся, пищи, белья и пр.), то станет ясным, что при децентрализованной («павильонной») системе образуются многокилометровые линии связи, которые вполне объясняют необходимость значительного увеличения обслуживающего персонала, излишней затраты времени и сил, которая в конечном счете приводит к значительному удорожанию эксплуатации лечебного учреждения.

Нам кажется, что «получентрализованная» система строительства лечебных учреждений у нас в Союзе в настоящее время является наиболее подходящей и целесообразной. Возможность расчленения всего комплекса на очереди строительства с введением больницы в эксплуатацию по частям при всех случаях строительства делает эту систему особенно привлекательной как во вновь возникающих населенных пунктах, с быстро растущим населением, так и в старых городах. Проработанный вчерне проект реконструкции больницы им. Боткина убеждает в том, что путем надстроек 1—2 этажей на старых зданиях и объединения их в группы можно сократить общее число зданий до 25—30 (вместо 54) и в то же время значительно увеличить число коек во всей больнице.

Вторым, спорным до сих пор, вопросом больничного строительства является вопрос о размерах больницы (предельной коечности отдельной больницы).

На международном конгрессе по больничному строительству в 1934 году не было единого мнения по этому вопросу: одни считали наилучшей, наиболее удобной и для строительства и для эксплуатации больницу с числом коек до 600, другие утверждали, что и большие больницы (на 1500 и более коек) имеют право на существование.

По нашему мнению, в данном случае нет необходимости устанавливать твердые лимиты: емкость больниц и число больниц следует уста-

Читальня



Salle de lecture

Зал ожидания



Salle d'attente

Конференцзал



Salle de conférences



Больница на Соколиной горе, Москва
Комната отдыха

Hôpital montagne Sokolnala à Moscou
Chambre de repos

навливать в зависимости от особенностей того или иного населенного пункта. Было бы нелогично строить несколько мелких больниц в городе, протяженность которого имеет 4—5 км, и с другой стороны, нецелесообразна единая больница для обслуживания

Коридор

Corridor



населенного пункта, растянувшегося на 20—30 км.

В ряде случаев желательно отказаться от строительства одной общей больницы для всех специальностей и выделить в особые единицы детские койки, создавая отдельную детскую больницу, койки инфекционные в комплексе неинфекционной больницы и т. д.

В крупных городах, где число больниц может быть очень большим, целесообразно выделить особых комплексов, имеющих специальное назначение, — например, клинических городков для обслуживания педагогических нужд медицинского вуза, или специальных больниц (хирургические, глазные, неотложной помощи и т. д.). И, наконец, нельзя рекомендовать значительное размельчение больниц. Современная больница должна располагать очень сложной и дорогой диагностической и лечебной аппаратурой, которая при малом количестве коек не может быть использована полностью.

Поэтому, прежде чем решить этот вопрос, в каждом отдельном случае, необходимо внимательно проработать общую сеть лечебных учреждений населенного пункта, учтя его особенности (план города, размещение промышленности, специфические ее особенности, общую и профессиональную заблеваемость, состав населения по полу и возрасту, пути сообщения и т. д.), и на основе этих данных решать вопрос о размещении больниц, а следовательно, и об их коечной емкости. Вполне целесообразно при этом создавать группы больниц из одной крупной, оснащенной по последнему слову медицинской науки и техники, и ряда подсобных, «упрощенных» мелких районных больниц, опирающихся на центральную.

Во всяком случае, независимо от того, какой объем больницы принят, необходимо предвидеть возможность ее расширения в будущем. Отсюда следует, что даже при очередном строительстве больничного комплекса надо разработать схему генерального плана с учетом возможной перспективы дальнейшего его роста, резервируя в этих целях достаточную площадь на участке.

Все вышесказанное относится главным образом к очень крупным больницам многолюдных населенных пунктов, но и там, где необходимое



Палата

Salle de malades

количество коек не выходит за пределы нескольких сотен, т. е. где речь идет о так называемых больницах среднего размера (до 300 коек), поставленные нами вопросы сохраняют свою актуальность. В США койки всех больничных отделов (кроме остроинфекционных) обычно размещаются в одном здании. Проекты больниц с числом коек от 120 до 560 показывают, как экономно и удобно с точки зрения технологической эксплуатации строятся в США больницы такого типа.

Правда, слепо следовать, повторяем, в этом отношении опыту США нельзя — американцы допускают темные коридоры, располагают палаты окнами на все стороны света, проектируют ванны и уборные без естественного освещения, что для нас в условиях нашего климата является неприемлемым.

У нас еще очень сильна старая «земская» традиция, согласно которой даже небольшие больницы в 50, 75, 100 коек строятся по «павильонной» системе отдельными корпусами для поликлиники, хирурга-терапевтических больных, рожениц, инфекционных больных и с отдельными, часто достаточно удаленными от лечебных корпусов, обслуживающими зданиями — кухней, прачечной, котельной и т. д. Такое решение, кажущееся удобным в момент строительства, открывающее возможность поочередной по-

Больница Божон в Клиши под Парижем
Северный фасад



Hôpital Beaujon à Cluses près de Paris
Façade nord

стройки небольших, сравнительно недорогих корпусов, неизбежно в последствии удорожает эксплуатацию таких больниц.

Кроме того, децентрализованный больничный комплекс требует большей площади, занимаемой усадьбой больницы, а следовательно, и большей протяженности наружных сетей водопровода, канализации, сетей электропроводок, телефона, протяженности главных и дополнительных дорог и тротуаров, труда и времени, затрачиваемых на их ремонт, поддержание в чистоте и т. д.

Отсюда понятно наше требование строить больницу любой величины возможно более концентрированно, сжимая самую «усадьбу» до пределов разумных возможностей. Отсюда и наше пожелание о пересмотре норм земельной площади на 1 койку, в данное время установленную из расчета в 250—300 м² на 1 койку. Разумеется, мы не собираемся ухудшать тем самым общие гигиено-санитарные условия общего окружения больницы; защитная зона по периферии больничного участка должна оставаться не уже 30 м; достаточный массив зелени на участке, обеспечивающий озонирование воздуха, должен быть сохранен при каждом лечебном учреждении,

Следует только возразить против двух ошибочных, по нашему мнению, утверждений врачей и архитекторов, интересующихся проблемами больничного строительства. Многие из них требуют создания садов-парков для прогулок больных. На самом деле такие парки не нужны. Больной в среднем проводит в больнице 15 дней; в продолжение всего острого периода болезни он не покидает койки; в последние 4—5 дней перед выходом из больницы он еще настолько слаб, что нуждается в лучшем случае в небольшом, благоустроенном садике перед зданием. Следует помнить, что речь идет о больнице, а не о санато-

риях, при проектировании которых вопрос должен решаться совершенно иначе.

Зато совершенно бесспорна необходимость устройства в больницах достаточного числа закрытых, отепленных веранд и открытых балконов, куда можно было бы вне зависимости от погоды выводить и даже выносить больных. Самая идеальная вентиля-

Разрез

Сорре





Американская больница на 475 коек в одном здании. Общий вид

Hôpital américain à 475 lits en un seul bâtiment. Vue générale

ция никак не может заменить для больного пребывания на свежем воздухе. Представьте себе положение больных с переломами нижних конечностей (особенно бедра), пребывание которых в больнице затягивается до 40 и более дней. Лишение этих больных свежего воздуха сильно затягивает сроки их пребывания в больнице.

Ряд, подчас даже крупных, специалистов-архитекторов выдвигал требование, чтобы здания больниц оформляли площади и улицы города. Требование это основано на недоразумении: не обязательно, чтобы фасады домов, к тому же домов лечебного назначения, выходили на красную линию улицы или площади. Зато абсолютно необходимо защитить

больных от шума и пыли. Отсюда санитарное требование отодвигать больничные корпуса вглубь участка и защищать их от улицы зоной высокорастущих деревьев шириной не менее 30 м.

В этом случае только архитектурно-привлекательным решением ограды и умелым подбором зеленых насаждений можно включить здание больницы в ансамбль улицы.

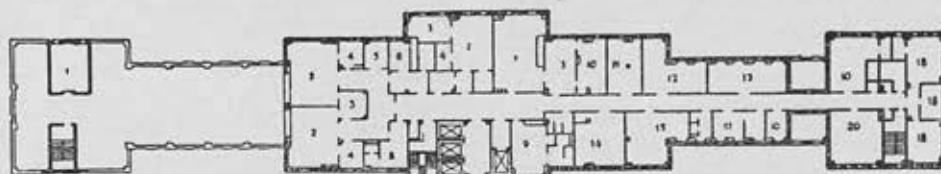
Спорным до сих пор является и вопрос об этажности больничного здания; американцы допускают строительство больниц в 27 этажей, в Западной Европе, как мы уже говорили, также перешли к строительству 10—12—14-этажных больниц (Чехословакия—Злин — 13 этажей; Франция—Божон — 13 этажей; Лилль — новая больница — 12—13 этажей и т. д.).

В этом направлении больничное строительство толкает не только теснота больших городов и дороговизна земельных участков, но и вышеприведенные соображения экономической целесообразности.

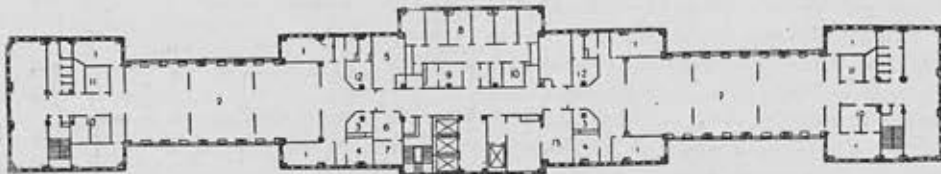
Те же соображения заставили при проектировании клиники ВИЭМ, в целях наиболее короткой и удобной связи клинического отделения с очень развитым лабораторным сектором, прибегнуть к созданию 13-этажного здания, в котором больные размещены, начиная с третьего этажа.

Не следует забывать и того, что в больших городах верхние этажи лучше освещаются солнцем (их не затемняют соседние здания), самый воздух на высоте верхних этажей чище.

При установлении системы планировки больничного отделения, а следовательно и корпуса, специалисты также не добились общего мнения. Основной ячейкой больничного здания следует считать отделения, рассчитанные на больных разных категорий (отделения: хирургическое, для больных внутренними болезнями, женское и т. д.). По числу коек такие отделения различаются не только в разных странах, но и в различных больницах одной и той же страны и по одной и той же специальности. Здесь можно и нужно указать лишь на господствующую тенденцию: если в каждой палате старинных больниц помещалось одновременно до 40—50 человек, страдающих различными заболеваниями, и не было четкого разделения на секции (клинические отделения, клинические



План операционного этажа
Plan de l'étage destiné aux salles d'opération
1—вентиляционная камера, 2—операционная, 3—стерилизационная, 4—дезинфекционная, 5—инструментальная, 6—наркоз, 7—рабочая комната, 8—комната сестер, 9—комната врача, 10—кладовая, 11, 12—лаборатория крови, 13—патолого-анатомический кабинет, 14—музей и библиотека, 15—лаборатория, 17—контора, 18—комната для животных, 19—фотолаборатория



План типового палатного этажа
Plan de l'étage pour salles de malades
1—солзрий, 2—палаты, 3—бельевая, 4—комната обслуживающая, 5—терапевтический кабинет, 6—комната для осмотра больных, 7—лаборатория, 8—палаты, 9—дежурная сестра, 10—ванная комната, 11—столовая, 12—комната сестер, 13—кухня

единицы), то к настоящему времени в огромном большинстве случаев секции уже ясно дифференцируются.

Международные конгрессы по больничному строительству совершенно определенно высказываются за необходимость ограничения секций в общих больницах не более чем 40 койками, а в новейшем строительстве США приняты секции не более чем на 18—20 коек.

У нас, в целях наиболее рациональной расстановки врачебного и обслуживающего персонала, установления удобных графиков всех видов движения внутри секции и, наконец, экономичности строительства, принята как наилучшая секция в 35 коек для общих больниц и в 20—25 коек для больниц, ведущих преподавание.

В детских больницах число коек на секцию не должно превышать 25, и каждая секция, кроме того, должна быть разделена на 2 подсекции на случай необходимости введения карантина при внутрибольничной инфекции.

Коечность палат также не строго лимитирована. Никто, правда, уже не говорит о 40—50-коечных палатах, но на Западе еще устраивают общие палаты на 14—16 коек. Только в США все больше и больше растет процент однокоечных палат, представляющих несравненно большие удобства больным, но одновременно требующие увеличения числа обслуживающего персонала.

Одним из самых спорных и острых вопросов в больничном строительстве является в данный момент вопрос об организации самой палаты. Подавляющее число больниц у нас и на Западе строится с общими для больных данного отделения санитарными узлами (ванна на 15 человек, очко уборной на 12 человек и т. д.). Между тем, американцы не только в однокоечных, но и в 2- и 3-коечных палатах прибегают к устройству индивидуальных уборных. Такая организация палаты имеет значительные преимущества: не приходится проносить по коридору судна, слабые больные не должны ходить в общие уборные и умывальные, — уход приближается к больному.

Объемные показатели больничного строительства, если в расчет кубатуры внести не только палатные корпуса, но и все необходимые лечебные кабинеты (операционные, рентген, лаборатории, аптека и т. д.), а также

служебно-хозяйственные постройки (кухня, прачечная, гараж, котельная и пр.) выражаются в 215—250 м³ на 1 койку. Небольшие отклонения от этой нормы вызываются системой строительства, климатическими и прочими условиями конкретного случая. Чем меньше по числу коек больница, тем более повышаются ее объемные показатели, и, наоборот, с переходом к строительству укрупненных больниц она понижается.

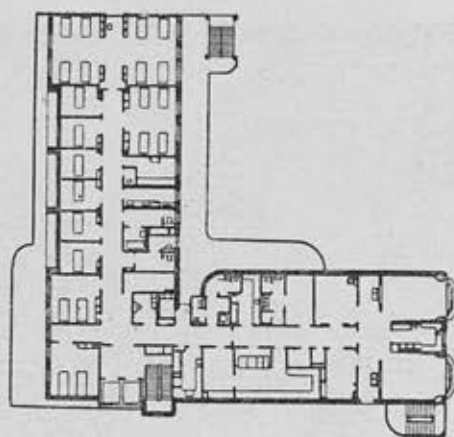
Значительно разнятся показатели по отдельным корпусам. На 1 койку в терапевтическом корпусе приходится в среднем до 130—145 м³, в хирургическом — до 160—175 м³, в инфекционном — до 215—225 м³.

В больницах, несущих, кроме лечебных, еще и дополнительные педагогические функции (медицинские факультеты, фельдшерские и сестринские курсы, научно-исследовательские ячейки), показатели соответственно повышаются за счет необходимых для такой работы помещений (аудитории, комнаты для занятий с учащимися, дополнительные лаборатории, кабинеты и т. п.).

Размеры журнальной статьи не дают возможности полностью осветить все стороны больничного строительства; приходится отказаться от освещения таких сложных проблем, как правильная ориентировка больничных зданий по странам света, вентиляция этих зданий, требования противопожарной охраны и пр.

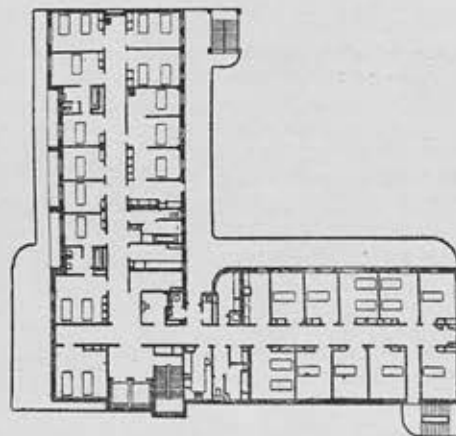
Но о двух проблемах этого строительства следует поговорить более подробно. Первый вопрос — это вопрос о пределах типизации и стандартизации лечебных учреждений. Совершенно бесспорно, что отдельные элементы больничного здания — палаты, врачебные кабинеты для приема больных, секции для определенных групп больных, санитарные устройства и даже такие специальные помещения, как операционные, диагностические и терапевтические, рентгено-отделения и т. п., повторяющиеся много раз в самых разнообразных комбинациях, могут и должны быть разработаны как типовые. Некоторые конструкции и отдельные строения (междуэтажные перекрытия, перегородки и т. д.) также могут иметь стандарты для того, чтобы не осложнять без необходимости проектирование.

Экономически целесообразно раз-



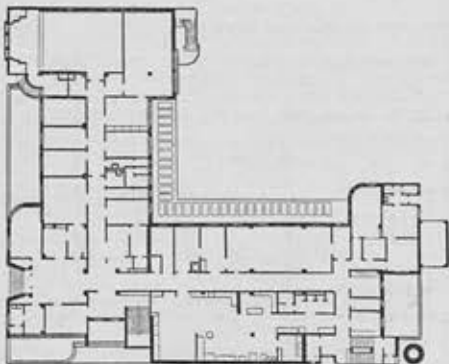
Американская больница на 120 коек в одном здании. План 3-го этажа

Hôpital américain à 120 lits en un seul bâtiment
Plan du 2-me étage



План 2-го этажа

Plan du 1-er étage



План цокольного этажа

Plan du rez-de-chaussée

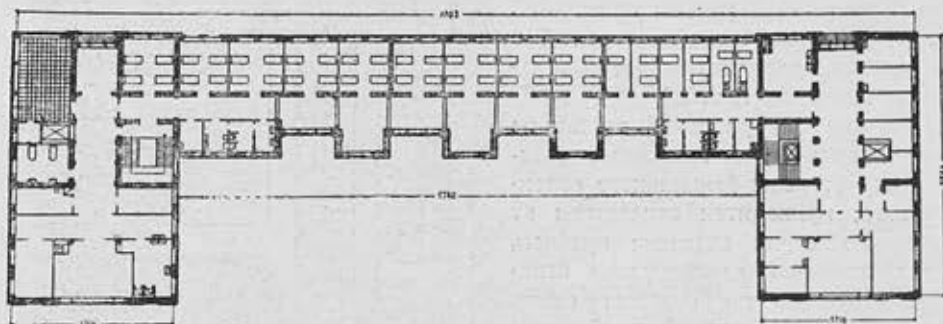


Московский областной клинический институт
 Проект корпуса уха, горла и носа
 П. перспектива
 Арх. В. Г. Мельников
 Руководитель проф. Б. А. Коршунов

Institut et clinique de la région de Moscou
 Projet de la section oto-rhino-laryngologique
 Perspective
 Arch. V. G. Melnikov
 Direction de prof. B. A. Korchounov

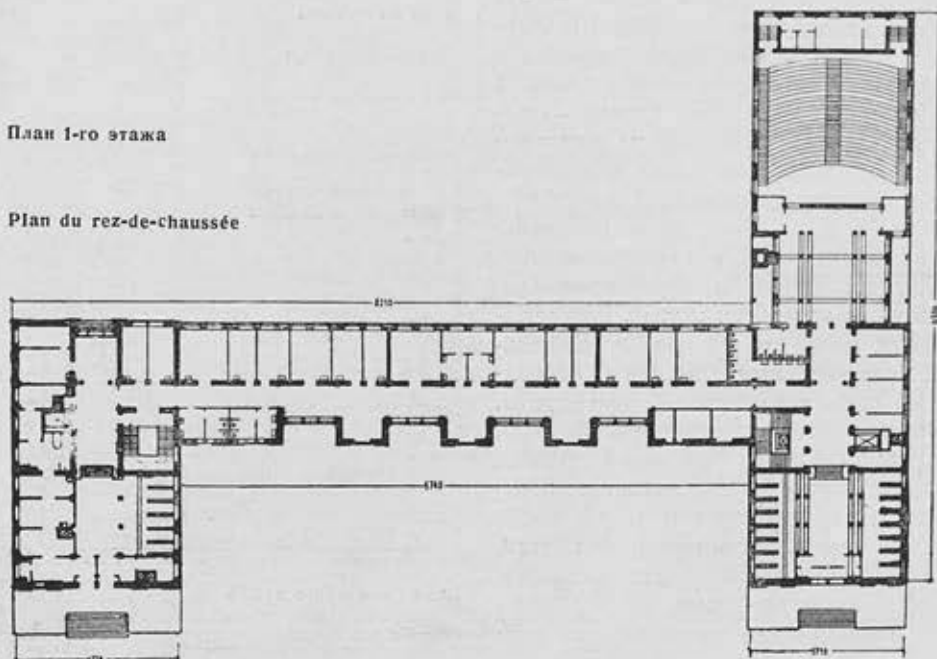
План типового этажа

Plan de l'étage-type



План 1-го этажа

Plan du rez-de-chaussée

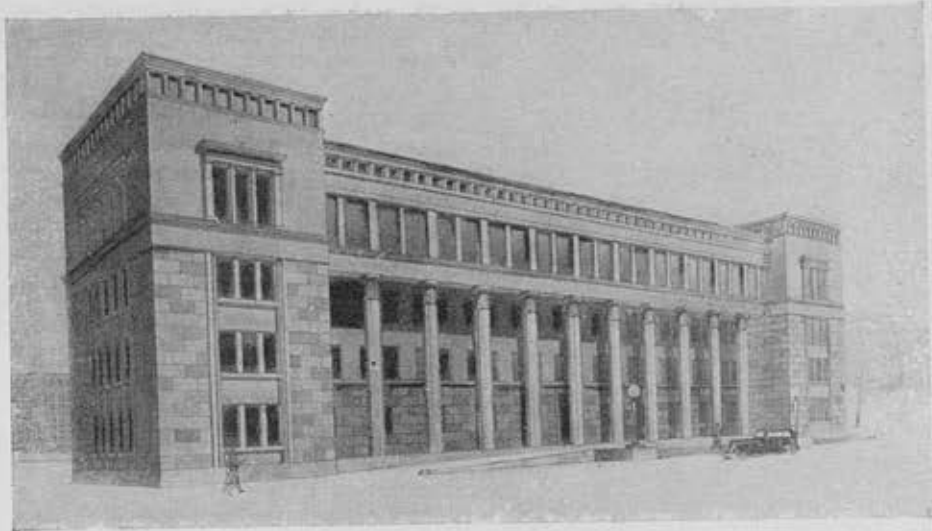


работать и полные типовые проекты сравнительно небольших лечебных корпусов (родильные дома, обычные корпуса мелких общих больниц), однако такие типовые проекты должны разрабатываться в нескольких вариантах для того, чтобы сохранялась возможность их применения в самых различных условиях (прямолинейные и угловые решения, различная ориентировка фасадного фронта в отношении участка и по странам света, в зависимости от рельефа участка и т. п.).

Детально проработанные рабочие чертежи, охватывающие все виды необходимых работ, вплоть до оборудования санитарно-технических узлов, делать нецелесообразно: конкретные условия участка в огромном большинстве случаев все равно вынуждают к переделке этих чертежей, подчас самым радикальным образом. Зато совершенно необходимо сопровождать типовые проекты чертежами основных конструктивных и строительных элементов и типизированных, стандартных деталей. В связи с этим, хотелось бы обратить внимание органов здравоохранения и предприятий строительной индустрии на необходимость перехода к массовому изготовлению строительных деталей (оконные и дверные приборы, электроарматура, краны-смесители и т. п.), принадлежностей оборудования (умывальные раковины, унитазы, вентиляционные установки для кухонь, прачечных и т. д.) специально для больниц.

Наши опыты проектирования концентрированных больниц не дали еще пока полноценного результата. Архитекторы обычно избегают высотных решений и предпочитают проектировать распластанные корпуса с

Проект больницы Челябинского тракторного завода
Перспектива главного корпуса
Арх. С. А. Манусевич



Projet de l'hôpital de l'usine de tracteurs
à Tchéliabinsk
Perspective du bâtiment principal
Arch. S. A. Manoussevitch

излишним количеством теплых переходов (больница в Архангельске, акушерская клиника в Горьком).

Стремление к более компактному решению плана больницы и сокращению количества корпусов на участке отчетливо проглядывает лишь в проектах больниц для Челябинска и Омска, в которых число этажей палатного корпуса доведено до шести при 350—400 койках.

В больнице для г. Балхаша теплые переходы между корпусами очень рационально используются для размещения в них помещений централизованного обслуживания — рентгена, гидро-электро-светолечения, лаборатории и аптеки.

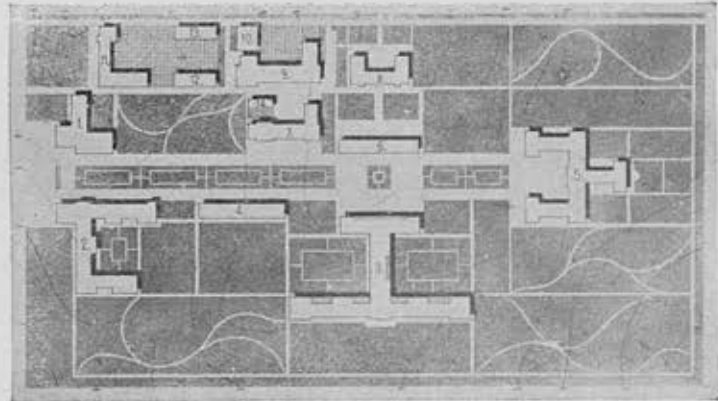
График внутреннего движения больных в этой больнице убеждает в целесообразности концентрации даже больниц малой этажности.

Говоря об архитектурном облике больниц, мы не ошибемся, если укажем, что образ советской больницы пока еще не найден. В новых проектах все еще слишком много рационализма и излишней сухости.

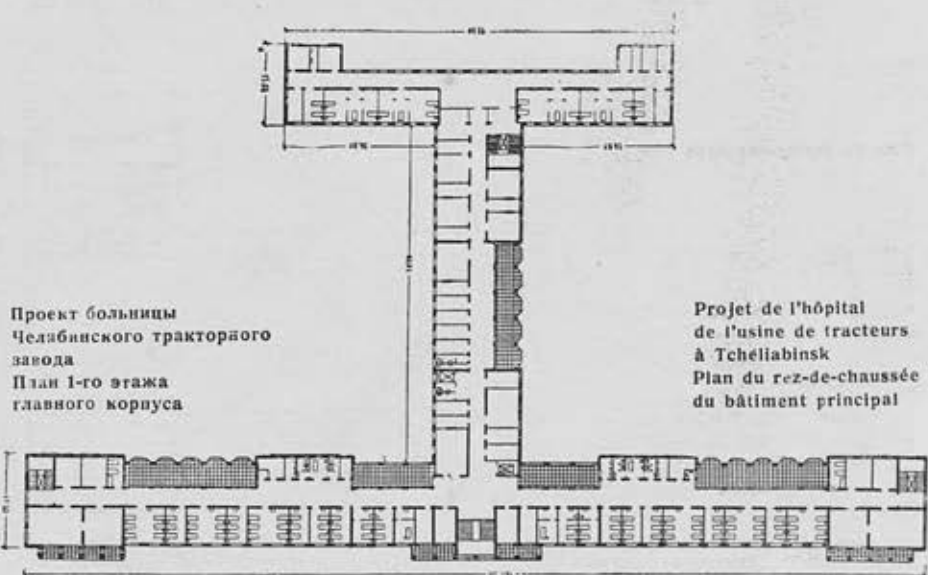
Несомненно совершенно ошибочным следует считать излюбленные как раз в больничном строительстве реминисценции дворянских усадеб. Уместные при проектировании малоэтажных больниц павильонного типа, они совершенно непригодны для современного высотного строительства.

Советский архитектор должен еще искать и несомненно найдет свой новый образ советской больницы, которая будет, конечно, и экономична, и благоустроена, но вместе с тем удобна и красива.

Проект больницы Челябинского тракторного завода
Генплан



Projet de l'hôpital de l'usine de tracteurs à Tchéliabinsk
Plan d'ensemble



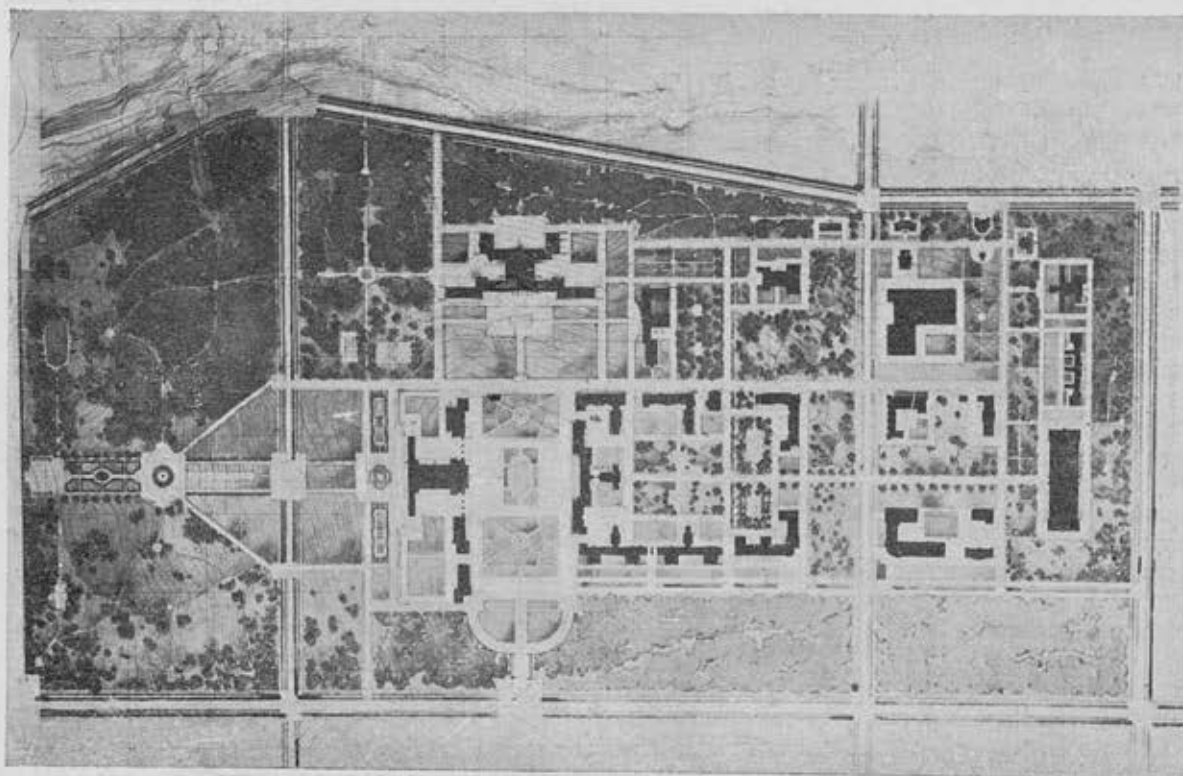
Проект больницы Челябинского тракторного завода
План 1-го этажа главного корпуса

Projet de l'hôpital de l'usine de tracteurs à Tchéliabinsk
Plan du rez-de-chaussée du bâtiment principal



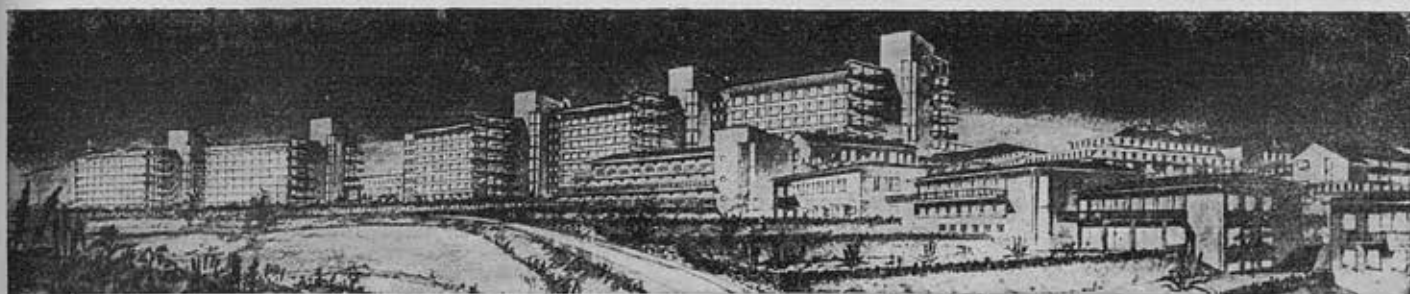
Проект Всесоюзного института
экспериментальной медицины в Москве
Фасад «клинического корпуса»
Арх. Н. Е. Лансере и Б. К. Рерих

Projet de l'Institut de médecine
expérimentale à Moscou
Façade de la clinique
Arch. N. E. Lanceray et B. K. Rérikh



Проект
Всесоюзного
института
экспериментальной
медицины
в Москве
Генплан
Арх. Н. Е. Лансере и
Б. К. Рерих

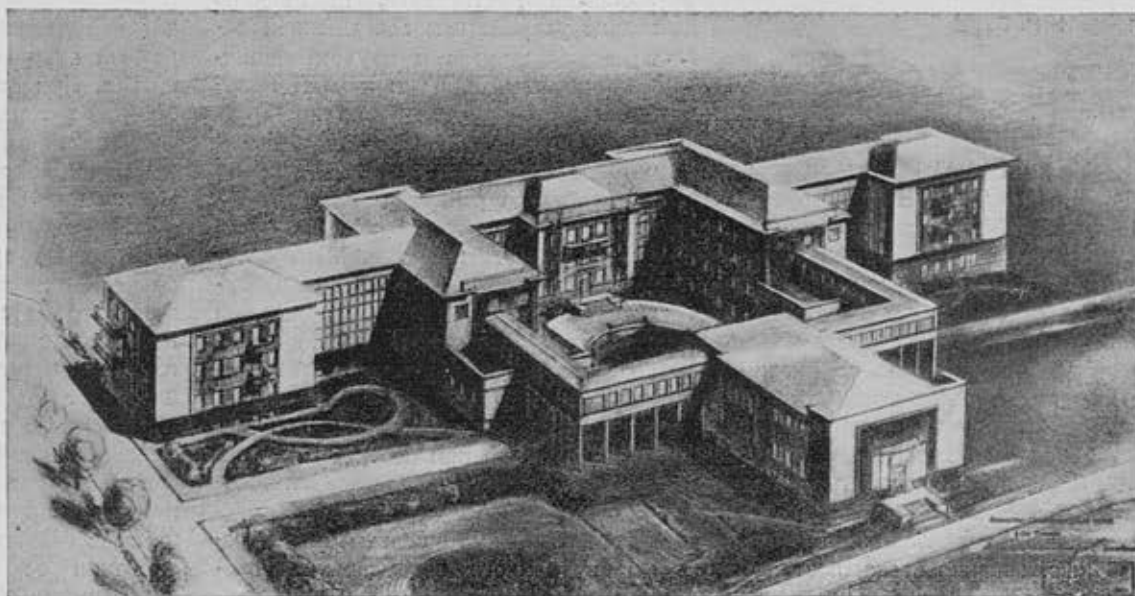
Projet de l'Institut
de médecine
expérimentale
à Moscou
Plan d'ensemble
Arch. N. E. Lanceray et
B. K. Rérikh



Проект больницы в Сталинске (Кузбасс)
Перспектива корпуса на 700 коек

Projet d'un hôpital à Stalinsk (bassin du Donetz)
Perspective d'un bâtiment à 700 lits

Проект акушерско-гинекологической клиники в г. Горьком
Перспектива
Арх. Я. Островский, при участии Н. Н. Уханова и Б. А. Дунаева

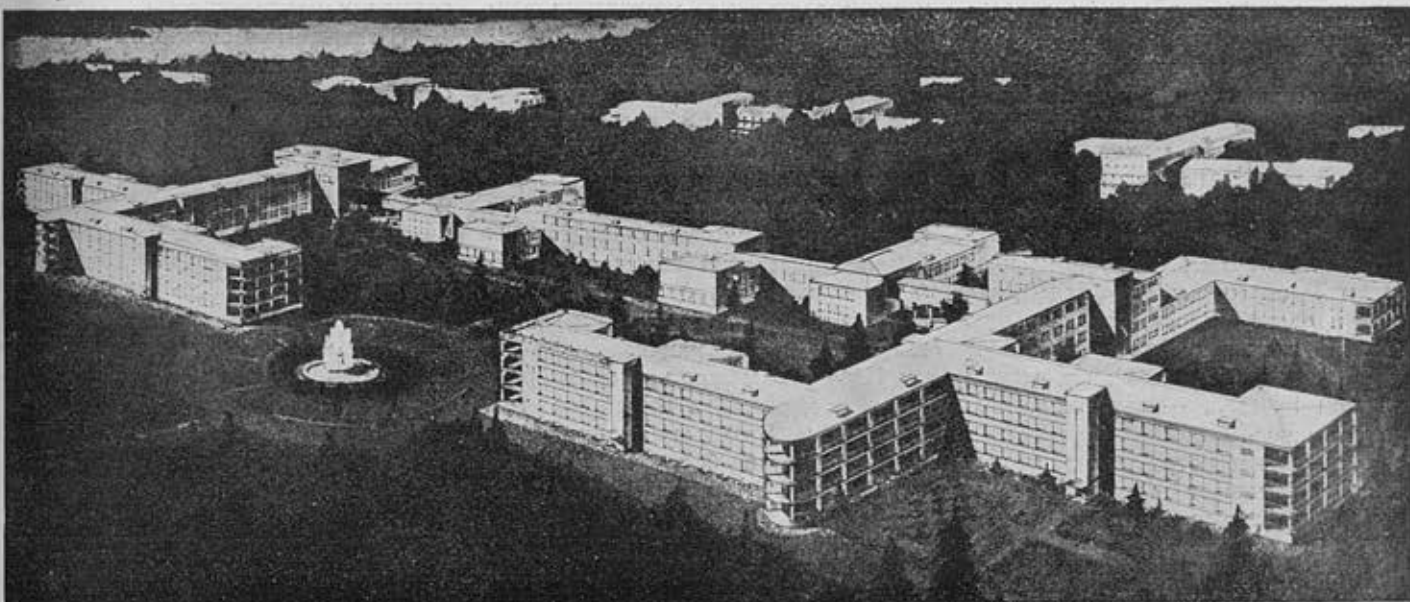


Projet d'une clinique d'accouchement et de gynécologie à Gorki
Perspective

Arch. J. Ostrovski, avec collaboration de N. N. Oukhanov et B. A. Dounaev

Проект больницы на 850 коек в Архангельске
Перспектива главного корпуса
Арх. Гофман-Пыляев

Projet d'un hôpital à 850 lits à Arkhangelsk
Perspective du bâtiment principal
Arch. Hoffmann-Pyllaev



В РАЧ И ОБ АРХИТЕКТУРЕ БОЛЬНИЦ

В целях всестороннего освещения вопросов архитектуры больничных зданий редакция „Архитектура СССР“ обратилась к виднейшим представителям медицинской науки и практики с просьбой высказаться по этому вопросу.

Ниже мы печатаем мнения профессоров М. И. Авербаха, Н. Н. Бурденко, Б. С. Вейсброда, М. И. Певзнера, доктора медицинских наук Я. Б. Левинсона и доцента И. Б. Бейлина.

УЧЕСТЬ ОПЫТ ЗАПАДА

Проф. Н. Н. БУРДЕНКО

Малозэтажный «павильонный» тип больницы в США, а вслед затем и в Западной Европе давно решительно отвергнут. Горизонтальная связь между отделами в новых многоэтажных больничных зданиях заменена средствами вертикальной механизированной связи по различным соображениям — медицинским, экономическим, гигиеническим, административным и хозяйственным.

Я имел возможность ознакомиться с замечательной 17-этажной американского типа больницей Божон в Париже. Нижние этажи в этой больнице заняты служебными учреждениями, выше помещаются клинические отделения.

В здании множество лифтов. Каждый обслуживает определенную группу работников. Врачи — шефы отделений имеют свой лифт, отдельные лифты устроены для врачей, сестер, нянь, чернорабочих. Особые лифты соединяются с кухней. Механизация здесь доведена до совершенства. Больной может быть уже через 5 минут после прибытия в больницу подготовлен к операции. Автомобиль везет прямо в вестибюль, из автомобильных носилок больной переходит на подвижной стол и далее через очистительную комнату в операционную.

Ориентировка в здании в высшей степени простая, — все рассчитано на вертикаль.

Внутреннее устройство западных больниц вызывает сокращение производительных затрат рабочей силы. В лучших западных больницах на 1 700 коек приходится только 400 человек обслуживающего персо-

нала, а в нашей Боткинской больнице на 1 500 больных — 1 200 человек обслуживающего персонала. Такая экономия достигается, конечно, не только устройством совершенной сети вертикального и внутрибольничного сообщения, но и полной механизацией ряда подсобных процессов (доставка лекарств, рецептов, белья чистого и грязного и пр.). Особенно замечательна работа пищевых лифтов: суп подается одним лифтом, жаркое — другим и т. д. Маленькая, но убедительная деталь: температура супа с плиты и температура супа в тарелке больного, поданной ему в сервировке, разнятся на 2—3 градуса.

Этот зарубежный опыт мы учтиваем сейчас при постройке клинического корпуса нейро-хирургического института.

Чрезвычайно важными проблемами внутреннего оборудования больниц (в особенности при нашем климате) являются вопросы вентиляции и отопления. Учитывая большое количество пасмурных дней в наших широтах, надо все палатные помещения ориентировать на юг. Элементарным средством улучшения вентиляции является устройство веранд и балконов.

Особое значение имеет вентиляция при устройстве операционных. Общие для всего здания вентиляционные установки здесь непригодны. В операционных желательнее применение специальной аппаратуры кондиционирования воздуха и регулирования температурного режима, как это установлено стандартом в американских больницах.

Надо пересмотреть нормы площади, отводимой в больницах под вестибюли. Размеры последних не выдерживают в большинстве больниц никакой критики. Во время посещения набирается столько одежды, развешанной тесными рядами, что открывается полная возможность занесения любой инфекции. Отсюда

так называемая внутрибольничная инфекция — самое удручающее обстоятельство как для больного, так и для врачей. Вестибюли для посетителей должны в больницах иметь особый вход и хорошо вентилироваться. При этом нужно принять во внимание желательность отдаления вестибюлей от помещений для больных: воздух из вестибюля поднимается вверх и заносится в палатные помещения.

Многих архитекторов волнует вопрос — на какое количество больных следует рассчитывать палаты. По моему мнению, палаты должны проектироваться не более, чем на 6 коек.

Не менее важно установить специальное назначение больниц. Мне кажется более правильным проектирование, например, для областных центров больниц универсального назначения со всеми необходимыми отделениями (хирургическим, терапевтическим, детским и т. д.). При условии размещения их в концентрированном здании следует организовать их разрывы с отдельными входами для каждого отделения и отдельными пропускниками.

В заключение остановимся на некоторых деталях внутреннего устройства хирургических отделений: количество операционных зависит от задания. Например, в смешанном общем хирургическом отделении нужно иметь не менее трех операционных и, кроме того, в каждом этаже — перевязочную. В больнице на 100 коек достаточно одной большой операционной.

Естественный свет проникает в операционную через одно большое окно из корабельного стекла. Специальная арматура искусственного света подвешивается над самым операционным столом. Стены лучше всего окрашивать в темносерый цвет. Ничего отвлекающего или раздражающего взгляд хирурга в операционных не следует допускать.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ БОЛЬНИЦА

Доктор медицинских наук
Я. Б. ЛЕВИНСОН

Больница всем своим внутренним устройством и архитектурным ансамблем должна физически и психически благотворно действовать на больной организм. Она должна создавать оптимальные гигиенические условия для усиления физиологических защитных реакций организма и способствовать быстрейшему восстановлению сил больного.

Разрешение этой задачи в значительной степени зависит от характера участка (его микроклимата, благоустройства, зеленых насаждений) и внешнего и внутреннего архитектурного оформления больничных зданий.

С другой стороны, современная крупная больница, по своему технологическому процессу, представляет собой чрезвычайно сложное учреждение, состоящее из разнообразных звеньев (палатных отделений, хирургического комплекса, физиатрии, рентгена, исследовательских лабораторий, кабинетов функциональной диагностики, цеха питания, сложной санитарной техники и т. д.), которые должны быть связаны в стройное целое, дающее возможность наиболее благоприятным образом организовать медицинскую сторону дела и хозяйственное обслуживание.

Быстрый прогресс медицинской науки в различных областях лечебно-диагностического дела вызывает изменяющиеся и нарастающие требования в отношении медицинского и санитарно-технического оборудования больницы и набора помещений и осложняет организацию связи между стационарными и вспомогательными лечебно-диагностическими отделениями.

Это создает известные трудности в проектировании современных больниц, которые должны отвечать последнему слову науки и техники. Такие больницы должны располагать резервной площадью для развития вспомогательных отделений и по своей планировке давать некоторую

возможность последующих внутренних трансформаций. В проектах медицинского центра на 5 тысяч коек в г. Лилле архитектора Нельсона (не принятом) и осуществляемом — архитекторов Вальтера, Кассань и Маделена предусматривается возможность перестановки внутренних перегородок.

В зарубежной печати уже ряд лет дискутируется вопрос об увязке проектов больничного строительства с непрерывно изменяющейся и усложняющейся больничной технологией. Ярко характеризует это положение арх. Пэнгюссон: «Мы, — говорит он, — должны в нашей работе, рискуя выйти из обычных лимитов, учитывать новые течения, предусматривать новые открытия завтрашнего дня, без чего нас справедливо будут упрекать в том, что мы ограничиваем себя настоящим, не сумели предугадать и предчувствовать задачи ближайшего будущего».

В выпускаемых проектах советских больниц этот момент пока почти совсем не учитывается, равно как недостаточно учитываются и те моменты, которые в настоящее время являются более или менее общепризнанными, как, например, преимущества централизованного типа больницы. Это угрожает тем, что строящиеся у нас больницы могут в ближайшее же одно-два десятилетия потребовать капитальной реконструкции, осуществление которой связано с крупными капиталовложениями, техническими трудностями и нарушением нормальной эксплуатации больницы.

Не касаясь творческих исканий в области внешнего архитектурного оформления больничных учреждений, которое прежде всего должно быть увязано с общим архитектурным решением квартала, необходимо отметить две одинаково неприемлемых крайности, в которые нередко впадают авторы проектов: в одних случаях они упрощенно, механистически разрешают архитектуру фасадов, всецело подчиняя ее функциональным требованиям, в других — игнорируют существенные требования больничной технологии и гигиены в погоне за архитектурной красотой. В первой крайности повинны нередко врачи, связывающие

своими ригористическими требованиями творчество архитектора, во второй — архитекторы, увлекающиеся той или иной архитектурной идеей и забывающие, что больница является очень сложным по своей технологии комплексом, не допускающим без серьезного ущерба для своей работы извращений в области функциональных требований и гигиены. Функционализм, как архитектурное течение, наложил свою печать и на строительство современных больниц, что в некоторых случаях приводило к коллизии между их внутренним плановым содержанием и архитектурой. Однако мы имеем ряд новых неплохих образцов больниц, где архитектура и технология слиты в одно гармоническое целое. Архитектор и врач, работающие над проектом больницы, должны друг друга дополнять, не выходя за пределы своей компетенции. Лишь при этом условии можно будет избежать примитивных ошибок, которые у нас все еще не изжиты.

Основной задачей современного больничного строительства в отношении внешнего и внутреннего архитектурного оформления, наряду с требованиями больничной технологии, является придание больнице тех художественных элементов, которые идеологически и психологически благоприятно действуют на больных. Когда-то архитектура больниц во многом напоминала архитектуру культовых сооружений, но позже определилась склонность к казарменным, скучным решениям, которая во многих случаях и сейчас еще осталась. Так же неприемлемы для больниц дворцовые или крикливо-нарядные фасады. Больницы последнего типа, рассчитанные на обслуживание буржуазии, часто встречаются за рубежом.

Больница как внешним своим видом, так и интерьером должна вызывать у больного успокаивающие и бодрые настроения и, что особенно важно, затушевывать все то, что может влиять на больного угнетающим образом. К таким моментам относится казарменная внешняя и внутренняя планировка, холодная, монотонная окраска, обнаженность пугающего медицинского оборудования и прочее.

Переходя к художественному оформлению интерьера больницы, мы начнем с палат — места постоян-

1 G. Pingusson. „L'Architecture d'Aujourd'hui" 1934 г. № 9.

ного пребывания больного, где требования гигиены и эстетических факторов психологического воздействия на больного должны гармонично сочетаться, но не противоречить друг другу. Интерьер палаты прежде всего должен решаться в зависимости от характера заболеваний пациентов, для которых палаты предназначены. Все внутреннее оформление палат для острых больных должно отвечать строгим правилам гигиены. Художественное оформление такой палаты достигается приданием ей спокойной, приятной формы и расцветкой светлыми, теплыми тонами стен и потолков без резкого перехода одного тона окраски в другой. Яркие художественные возбудители раздражают больного, находящегося в острой стадии болезни, а мягкие тона стен действуют на больного успокаивающе.

Иной характер можно придавать палатам для легко больных, для выздоравливающих, для хроников и для всех помещений общего пользования (вестибули, комнаты дневного пребывания, веранды, столовые и коридоры). И здесь основными элементами художественного оформления должны являться приятные планировочные формы помещений и умелая расцветка. Меблировка этих помещений должна носить характер удобной и красивой простоты. В них допустимы также некоторые предметы украшений, но без всяких излишеств. Коридор больницы также не должен выглядеть длинной однообразной кишкой.

Конечно, наши больницы должны во многом отличаться от зарубежных образцов, но все же мы должны использовать все то положительное, что в них имеется. На западе работают крупнейшие авторитеты боль-

ничного дела (Goldwater, Alter, Groeschka, Grober, Stone, умерший проф. Tandler и др.), которые внесли значительный прогресс в дело больничного строительства. Кроме того, там воспиталась плеяда талантливых архитекторов—специалистов больничного строительства (Stevens, Birch-Lindgren, Walter Roggers, Nelson, Distel, Hebebrand и др.). Они дали очень интересные образцы больничных сооружений, знакомство с которыми необходимо для наших специалистов.

Само собой разумеется, что архитектура и планировка советских больниц прежде всего должны отвечать требованиям здравоохранения Страны Советов, страны строящегося коммунистического общества. В советской больнице не могут иметь места элементы, диктуемые экономикой и политикой капиталистических стран.

ИНСТИТУТ ПИТАНИЯ В БОЛЬНИЦЕ

Проф. М. И. ПЕВЗNER

При проектировании больниц у нас обычно недостаточное внимание обращают на «пищевой блок» больницы. Он разрабатывается в самую последнюю очередь, а в тех случаях, когда намеченные кредиты урезаются, это прежде всего отражается на организации питания больных.

Архитектор не может приступить к строительству больницы, не имея технологически обоснованного проекта. У нас же сплошь и рядом не только старые больницы, но и новые клинические городки строятся без технологически обоснованных проектов. Так, например, если старая больница на 250 коек, с кухней, соответствующей ее объему, расширяется в несколько раз, то кухня оставляется в своих прежних размерах. В Калининском году полтора назад выстроили прекрасный больничный городок, но кухня этого городка помещается в маленькой комнате и, ясно, не может гаранти-

ровать необходимого в лечебном учреждении режима питания.

В Свердловске на постройку клинического городка ассигновано 18 млн. рублей. 15 млн. рублей уже израсходовано, но кухни до сих пор еще нет. Та же картина в Коломне.

Все эти факты объясняются тем, что обычно один архитектор занимается проектированием больничного корпуса, а другой — проектированием кухни. При таком раздельном проектировании сложные проблемы питания больных нельзя положительно разрешить.

Во всех случаях место приготовления пищи нужно максимально приблизить к больничным столовым и палатам. Кухня всегда должна быть расположена в хорошем помещении. Если в одном из сочинских санаториев кухня расположена в полуподвальном помещении, а в новом московском больничном комплексе на Соколиной горе в корпусах нет буфетов, то повинен в таком пренебрежении к одной из важнейших проблем больничного строительства не врач, а архитектор.

В многоэтажных больницах США все процессы доставки пищи механизированы. Этим достигается значительное сокращение эксплуатационных расходов и гарантируется

лучший режим питания. У нас же только в проекте санатория в Барвихе и в отстроенной уже больнице для Киева учтен этот американский опыт. В обоих случаях кухня размещена в верхнем этаже и соединена вертикальной механической связью со всеми отделениями больницы.

Отсутствие архитекторов, специализировавшихся исключительно на больничном строительстве, дает себя знать у нас на каждом шагу. Приведу в качестве примера вопрос об отоплении наших лечебных учреждений: во всех крупных больницах следовало бы проектировать самостоятельные котельные или даже электрические станции. Между тем, такие котельные обычно не предусматриваются, и персоналу приходится мучиться с топливом, вести борьбу с грязью, пылью.

Или такой случай: в больнице, на которую истрачены миллионы рублей, вода подается из старых водопроводных баков. Допустимо ли это? Ведь водопроводные баки уже давно отвергнуты с гигиенической точки зрения.

Несколько слов об озеленении и цветах. При осмотре Лайнца около Вены — одной из лучших западных больниц, — я узнал, что больных

очень плохо кормят — пища готовится исключительно на маргарине. Я задал вопрос помощнику главного врача: «У вас чудный парик, содержание его вам обходится очень дорого, — не лучше ли было бы эти средства затратить на питание больных?» — и получил ответ: «Для больных цветы и зелень нужны так же, как и хлеб». И в этом, казалось

бы, несущественном вопросе врачи и архитекторы должны прийти к единому мнению, точно установив лимиты зеленой площади в лечебных учреждениях разного типа.

В крупных больницах должна вестись научно-исследовательская работа. На Западе это уже давно признано, а у нас проектируют больницы, совершенно игнорируя за-

дачи педагогической, исследовательской работы. Все это объясняется тем, что у нас архитекторы и врачи, несмотря на существование архитектурного совета при Наркомздраве, разобщены. Может быть, необходима организация конференции по вопросам больничной архитектуры, для того, чтобы добиться желательного сдвига в этой области.

БОЛЬНИЦА — ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ

Проф. Б. С. ВЕЙСБРОД

Большинство новых клиник лишено внутреннего единства. Между тем, больница — это единое целое, и поэтому нерационально проектировать и строить больницы в виде изолированных зданий, которые связаны лишь расположением на одном участке.

Больницы следует строить на окраинах города. В центральной части города целесообразно размещать только амбулатории и поликлиники.

Хорошо построенная больница должна иметь три двора. Первый двор располагается со стороны главного фасада и должен быть озеленен. Посетители и больные, направляясь в больницы, проходят через этот двор. Поэтому следует уделить особое внимание жизнерадостному, гармоничному оформлению главного фасада и разбивке цветников. Все это будет способствовать тому, что больные при первом ознакомлении с больницей получают приятное впечатление.

Второй двор — внутрибольничный. Это — большой участок, хорошо защищенный от ветров больничными зданиями и древесными насаждениями; он служит местом прогулок больных и выздоравливающих.

За последними корпусами больницы начинается третий — служебный двор. В самой начальной части его следует разместить кухню, скла-

ды продуктов, топлива и т. д. Этот двор должен иметь особые въезды и выезды.

Больничные корпуса целесообразнее располагать по следующей схеме. Первый в основном корпус должен быть служебно-административным. Здесь располагаются помещения для приема больных и изоляторы при приемном покое. Этот корпус связан с улицей. Человек пришел за справкой или бюллетенем, он их получит здесь. Больной явился после выписки из больницы показаться врачу — его принимают здесь.

Средние корпуса предназначаются исключительно для коечных больных, задние отводятся под служебные помещения.

Какую этажность следует принять при строительстве больниц? В США, как известно, строят чаще всего больницы-небоскребы, но вертикальная связь между отделениями и палатами не всегда удобна. Прежде всего, в этом случае требуется значительное число лифтов, отрицательно действующих на нервы больного. Во-вторых, в высоких зданиях из железобетона трудно бороться с звукопроницаемостью, а между тем, в больницах звукоизоляция должна быть идеальной. Поэтому в наших условиях лучше строить больничные здания не выше четырех этажей. Корпуса должны быть распределены по специальностям и корпус должен быть предназначен для больных одной специальности, но вместе с тем, каждый корпус должен иметь и удобную связь с другими корпусами.

Среди наших крупных специалистов есть сторонники строительства специальных больниц: например, глазных и др. Эту точку зрения я считаю неправильной, так как она не отвечает научным требованиям.

Ни одна специальная дисциплина не может развиваться, если она будет замкнута в себе. Терапевт не может обойтись без хирурга, невропатолога и т. д.

Каждый корпус должен иметь закрытый зимний сад и открытую веранду с цветами. Однако при этом надо следить за тем, чтобы воздух свободно проникал в палату. Лучше всего, как нам кажется, поэтому располагать зимний сад или веранду на крыше здания.

Задние фасады здания, обращенные в сторону внутреннего двора-парка, должны быть архитектурно не менее богато оформлены, чем фасад, обращенный к улице.

Очень важно установить предельные размеры больниц. По нашему мнению, больницы должны проектироваться не более чем на 1 000 коек. Больницы больших размеров теряют внутреннее единство, ибо нет врачей, способных охватить все детали административного руководства и лечебного процесса в таких больницах.

Некоторые архитекторы и врачи стремятся к проектированию больниц исключительно из маленьких палат на одного-двух человек. Это неправильная точка зрения. Конечно, есть больные, которым нужно предоставить по состоянию здоровья, особенностям характера отдельную палату. Но обычно больному приятнее, когда он видится с другими. Опыт подсказывает, что треть коек должна быть размещена в отдельных палатах и две трети в общих, на 6—8 кроватей каждая.

Отделение на 100—150 кроватей должно иметь все подсобные медицинские кабинеты: рентгеновский, маленькую лабораторию и т. д. Но вместе с тем, этот рентген, эта лаборатория должны быть объединены

центральным институтом, который надо поместить в одном из первых корпусов, чтобы больничные отделения могли иметь с ним связь. В каждом этаже должны быть кроме того помещения для столовой и для дневного пребывания больных.

Окраска стен в палатах в один цвет масляной краской сейчас уже признана непригодной. Лучше выделять низ стен панелью и разнообразить окраску палат, выбирая всегда мягкие, не раздражающие глаза, тона.

Внутри палат не должно быть никаких загромождений, никаких выступов и чисто декоративных элементов. Мебель необходимо подобрать простую, гладкую, покрытую эмалевой краской. Только столовую, комнату дневного пребывания и зимний сад нужно обставить более богато и декоративно. Здесь должны быть картины, скульптура, зелень и т. д.

Особо необходимо остановиться на вопросе об устройстве операционных. Операционная должна быть светлая. Ее следует выложить гладкими глазурованными белыми плитками с полоской, в ширину одной плитки, другого цвета сверху и внизу. Большое окно операционной должно выходить на север.

Кухня сейчас играет большую роль в жизни больницы. Это не только цех питания, но и цех лечебный. Естественно поэтому, что в проектах кухням должно уделяться особое внимание. Недавно выработывался проект университетского клинического городка. Там запроектирована центральная кухня для заготовки полуфабрикатов, из которых уже в самом корпусе готовятся разные блюда. Но при этом не учтено, что в корпус будет проникать кухонный запах, чего допустить нельзя. Пища должна доставляться в каждое отделение. Но надо позабо-

титься, чтобы она не остывала во время доставки. Для этого в самом корпусе, в буфетных комнатах, устройство которых обязательно в каждом отделении, должны быть подогревательные шкафы.

В последнее время много говорят о типовых проектах больничных зданий. Против разработки таких типовых проектов внутреннего распределения и устройства палат — возражать не приходится. Но если типовые проекты будут регламентировать и решения фасадов зданий, то против этого придется резко возражать. Нельзя одинаково архитектурно оформлять и даже планировать здания в различных местностях. К тому же единообразие оформления наложит на больницы какой-то казенный отпечаток. Надо, напротив, разнообразить архитектуру больниц — и не только внешнюю, но и внутреннюю — тогда больной будет себя чувствовать в них лучше.

КАК СТРОИТЬ ГЛАЗНЫЕ БОЛЬНИЦЫ

Проф. М. И. АВЕРБАХ

Я принимал участие в строительстве хирургического корпуса при глазной больнице имени Гельмгольца. Строился этот корпус года два и в пятую годовщину смерти В. И. Ленина, в 1929 году, поступил в эксплуатацию. Проектировал его арх. Иванов-Шиц, по проектам которого строились: Боткинская больница (бывшая Солдатенковская), детская Морозовская и др.

Тесное сотрудничество архитектора с главным врачом будущего лечебного учреждения уже при разработке заданий и проектов — одно из важнейших условий создания рациональных и полностью отвечающих своему назначению больниц.

Именно таким образом проектировались лучшие дореволюционные

больницы — например, Солдатенковская и Морозовская.

Глазная больница имеет свои отличительные особенности. Она обязательно включает хирургическое отделение, она обслуживает как детей, так и взрослых. Об этом обычно забывают. Между тем, в такой больнице следует предусмотреть отдельное помещение для хирургических больных и стремиться к четкому разграничению отделений для детей и взрослых.

С сооружением нового хирургического корпуса мы в больнице имени Гельмгольца получили возможность ответить на все эти требования. В старом корпусе было развернуто нехирургическое отделение. В обоих корпусах были выделены детские отделения.

Особые требования выдвигает необходимость борьбы с общей и специальной инфекцией.

В нашей больнице предусмотрены: специальное отделение для больных трахомой, отдельные маленькие комнаты для индивидуальной изоляции и общие изоляторы. Кроме того, обязательным элементом глазной больницы является детское сортировочное отделение, состоящее из ряда небольших палат — так называемых

боксов. Процесс прохождения больного при этом следующий: из амбулатории ребенок поступает в бокс. Если глазная болезнь за две недели пребывания его здесь проходит, он выписывается из бокса. За две недели выясняется — есть ли у него общая инфекция. При наличии общей инфекции он направляется в общую больницу. Если у него нет инфекции, а глазная болезнь носит затяжной характер, его переводят в детское отделение больницы. На необходимость подразделения детских отделений глазных больниц на две части — предварительное разборочное отделение, состоящее из ряда боксов, и постоянное — мы везде настойчиво указываем. К сожалению, это требование не выполняется ни у нас, ни на Западе, где, повидимому, вообще нет специальных детских отделений в глазных клиниках и даже вообще забывают об устройстве изолированного детского отделения.

Больница имени Гельмгольца в этом отношении является исключением. Дети здесь не только в стационаре отделены от взрослых. В ближайшее время мы открываем также специальную детскую глазную поликлинику для приходящих больных. Такие самостоятельные поликлиники

для взрослых и детей должны иметь все больницы.

Остановимся на планировке стационара и амбулатории с двумя подразделениями. В стационаре должно быть два входа: один для персонала и посторонних посетителей, другой — для больных. Больной непосредственно из вестибюля проходит в ванное отделение (если он не принял ванну в приемном покое, что еще лучше). Здесь у него отбирается на хранение платье и белье. Из ванного отделения больной направляется далее в палаты. Когда больной выписывается, он проделывает ту же процедуру в обратном порядке. Но свои вещи он получает уже в другой комнате, так как в нашей больнице строго следят за тем, чтобы выписывающийся не встречался с больным поступающим.

Палаты рассчитаны только для сна или отдыха больных. Их оборудование строго ограничено только кроватями, прикроватными столиками и стульями. Такие палаты, по возможности, должны быть малокопечными. Чем меньше больных в палате, тем лучше. За последние годы мы в этом отношении уже многого добились. Так, в больнице имени Гельмгольца палаты рассчитаны на 4—5 человек.

Лучше иметь две больницы с палатами на 4—5 человек, чем одну больницу укрупненного типа с палатами на большее число коек, даже если во всех других отношениях такая больница предоставляет ряд преимуществ.

Больной находится в палате только во время сна, отдыха или в послеоперационный период. Даже для перевязок следует предусмотреть особую перевязочную комнату. Все остальное время больной должен проводить вне палаты, в зале дневного пребывания. Зал дневного пребывания должен быть изолирован и по возможности отнесен в один из концов корпуса (зал должен иметь выход непосредственно на веранду). В коридорах больные не должны собираться. Зал дневного пребывания отнюдь не должен служить столовой.

Помимо зала дневного пребывания, в каждом корпусе должна быть отдельная столовая. Заметим еще следующее: архитекторы, как нам кажется, обычно совершенно необоснованно при проектировании больниц располагают палаты по сторонам срединного коридора. Срединный ко-

ридор всегда затемнен, он освещается искусственным светом. В нашей больнице коридор расположен с одной стороны, а палаты — с другой. Имеется сквозное проветривание. Коридор заливается естественным светом. В корпусе палат для стационарных больных надо, помимо перевязочной, столовой и зала дневного пребывания, предусмотреть также отдельное помещение для встреч больных с посетителями.

Важно предусмотреть при проектировании больниц и устройство изолированного от внешнего мира и хорошо распланированного двора для пребывания больных на воздухе. Здесь уместна разбивка сада с цветником.

Особые требования предъявляет планировка хирургического корпуса. В глазной больнице здесь желательное устройство трех изолированных операционных. Один зал должен быть устроен для операций, которые производятся в абсолютной темноте, с искусственным светом; другой — для операций чистых, не инфицированных, и третий — для операций инфицированных.

В каждой операционной должна быть предоперационная комната, где подготавливается больной и хирург.

В операционной кроме операционного стола и столика для инструментов ничего постороннего не должно быть. Лучше всего оперировать при хорошем дневном свете. Большое, почти во всю стену, окно операционной должно выходить на север, на северо — северо-восток или северо — северо-запад, для того, чтобы избежать слепящего воздействия прямого солнечного света. В остальных стенах окон нет.

Над операционным столом должна быть подвешена арматура искусственного освещения, рассчитанная на применение бестеневых ламп.

Как должны быть отделаны стены операционной? Когда-то существовало представление, что в операционной все должно быть белым. Позже было установлено, что в операционных с белыми стенами отраженный свет слепит хирурга. Тогда ударились в другую крайность: покрасили стены черным, надели черные халаты, начали применять черные простыни и т. д. Но такой «траурный» антураж вредно воздействовал на психику больного.

Нужно было найти средний цвет.

Такой средний цвет применен в некоторых учреждениях Санитарного управления Кремля. Там все стены отделаны блестящими глазурованными плитками серовато-голубоватого цвета. Это тоже неправильно. Блестящие глазурованные плитки дают массу бликов, что сильно мешает хирургу. Отделка стен операционной должна быть матовой. Хирург должен иметь перед собой спокойную поверхность, не блестящую, не белую, не слепящую его. Хирург в момент работы не поднимает глаз, поэтому в поле его зрения нижние части стен и пол. Эти места должны быть спокойного, не белого цвета. Пол и стена на известную высоту, немного выше человеческого роста, должны быть серовато-голубоватого тона. Верхняя часть стены и потолок могут быть блестящими. Это — рефлектор, который отбрасывает свет на рану.

Проследим теперь процесс прохождения больного в детской поликлинике. Из вестибюля ребенок, не раздеваясь, попадает на прием к детскому врачу или сестре. Здесь в особом помещении проводится общий осмотр. Если в результате такого осмотра не устанавливается необходимость изоляции больного, он направляется в раздевальную и затем на прием к специальному врачу. Если ребенок подозрителен по инфекции, то он направляется в отдельное боксированное отделение, куда к нему приходит детский врач для выяснения случая. Если он передается на стационарное лечение, его отдельным ходом направляют в детскую больницу. Кроме того, при поликлинике предусмотрено специальное помещение для бесед с родителями и др.

Много споров вызывает вопрос об этажности больниц. Лучше всего, по моему глубокому убеждению, строить двухэтажные больницы, причем детское отделение в этом случае должно располагаться в нижнем этаже. Выше трех этажей больниц не следует строить. Многоэтажные больницы, и которым за последнее время проявляют общую склонность в Бельгии и во Франции, требующие устройства механизированных средств вертикальной связи между этажами, на практике себя не оправдали. В связи с этим, вообще хотелось бы поговорить о западном опыте строительства лечебных учреждений. Непосредственно перед амстердамским международным глазным конгрессом вновь

отстроенное хирургическое отделение нашей Московской глазной лечебницы имени Гельмгольца посетила группа американских врачей. Они дали самую высокую оценку этому новому корпусу. На конгрессе в Амстердаме мне привелось вновь встретиться с этой группой врачей, мы совместно осматривали новую амстердамскую глазную клинику, открытую как раз к конгрессу. Мне она очень понравилась, ибо здесь учитывалась необ-

ходимость проведения научно-исследовательской и педагогической работы с молодыми врачами. Как раз об этом у нас часто забывают.

Поэтому при посещении амстердамской больницы я и дал ей самый высокий отзыв, несмотря на то, что с больничной точки зрения при ее строительстве было допущено очень много дефектов.

В ответ на мои замечания один из американцев сказал: «Не верьте

ему, у него самого учреждение гораздо лучше этого». И это действительно так; за границей есть лечебные учреждения, которые во многом могут нам служить образцом, но общей цели они не преследуют. Это или больница, или учебное учреждение. Если много сделано для обучения, для науки, то мало сделано для больных, или наоборот. В общем же рядовые западные больницы сильно уступают нашим.

ТУБЕРКУЛЕЗНЫЕ БОЛЬНИЦЫ

Доцент И. Б. БЕЙЛИН

Строительству лечебных заведений, строительству больниц в нашей стране уделяется особое внимание. Однако в этой области мы еще не сделали всего, к чему нас обязывает сталинская забота о человеке. В частности, в СССР мы еще не имеем готовых образцов туберкулезных больниц.

В настоящее время в Наркомздраве можно найти разве только плановые задания типовой туберкулезной больницы, которые нигде в широких массах специалистов не обсуждались и многим вообще даже неизвестны.

Мы ждем от архитекторов новых проектов туберкулезных больниц, в которых специальные требования лечебного процесса найдут такое же современное отражение, как и общие эстетические проблемы.

В частности, архитектура туберкулезной лечебницы с ее верандами и открытыми помещениями, приспособленными к требованиям воздухо- и светолечения, открывает полную возможность обращения к богатому классическому, античному наследству.

Необходимо внести ясность и в вопрос об этажности строящихся больниц. Если на Западе архитектор, из-за дороговизны земельных участков в черте города, вынужден все решительнее становиться на путь размещения палат и больничных секций в многоэтажных блоках, то у нас архитектор не стеснен в этом отношении и может выбрать оптимальный вариант этажности больницы. Для нас, понятно, неприемлемы

похожие на тюрьмы больницы-небоскребы Франции, США и Италии. В наших условиях небольшие 2—3—4-кочные палаты должны быть размещены так, чтобы открывалась возможность быстрой их изоляции и вместе с тем сохранялась удобная их связь с общеклиническими и хозяйственными службами (рентген, лаборатория, столовая и т. п.). Оформляться такие палаты должны соответствующей мебелью, во всей их обстановке должен быть проведен принцип наиболее благоприятного терапевтического воздействия на больного.

Много споров возникает по вопросу о выборе участка. Где быть больнице? Часть специалистов и не без больших оснований указывает, что больница для туберкулезных должна быть за городом. Другие указывают, что необходимость в срочных операциях, например, при разрыве легкого и сильных кровотечениях обязывает к сооружению больниц в черте города. По нашему мнению, следует строить больницы и за городом, и в черте города (преимущественно в зелени, его окружающей: для Москвы — это Фили, Кунцево, конец Ленинградского района, у Ростокинского — Пушкинское и т. п.).

Огромное значение при выборе участка мы придаем и условиям микроклимата. Сухая почва, близость зелени массивов, направление господствующих ветров — необходимые условия, без учета которых наилучше построенная больница может оказаться непригодной. Так например, установился трафарет, по которому веранды в новых больницах обязательно открыты на юг. Между тем, в некоторых случаях гораздо полезнее веранду открывать на юг—юго-

восток, или юг—юго-запад и даже просто на запад или восток, ибо чрезмерно облучаемая или открытая для ветра веранда может оказаться на практике непригодной. Так например, веранды и палаты, выходящие на юг в санатории им. Ворошилова (Сочи), вследствие повышенной влажности воздуха превращаются в парники. Не менее важно было бы установить преимущества и недостатки павильонного типа строительства туберкулезных больниц.

Совершенно понятно, что в основу проектирования больницы должен быть положен расчет количества потребных коек. В Мосгорздравотделе недавно обсуждались детальные плановые задания туберкулезной больницы на 300 коек, и эти задания архитекторы могут принять за основу во всех случаях проектирования больниц данного типа.

Общая потребность в больничных туберкулезных койках на 1 000 человек населения выражается 0,8—1,0-койка. В Москве в настоящее время мы не имеем и половины этого количества. Таким образом уже в ближайшие годы в Москве необходимо будет развернуть не менее 1 000 новых больничных коек. Можно было бы, конечно, избрать путь строительства целого больничного туберкулезного городка, но нам более рациональным кажется сооружение нескольких больниц предельной емкостью на 300—450 коек.

Архитектурная общественность и врачи-специалисты должны объединиться и уже в ближайшее время разработать такие проекты туберкулезных больниц, в каждом архитектурном штрихе которых чувствовалась бы великая любовь к больному и забота о живом человеке.

Клиника Института
оздоровления
раннего детства
в Москве
Боксированная
палата



Clinique de l'Institut
pour le traitement
des petits enfants
à Moscou. Box

ДЕТСКИЕ БОЛЬНИЦЫ

Арх. Л. КАШКАРОВА

В своем большинстве детские больницы, выстроенные за последние годы в Москве и на периферии, выполнялись по типовым проектам мастерских Наркомздрава. Эти проекты не отличались большими архитектурными достоинствами. Сейчас, после сосредоточения всей проектной работы в мастерской Госздравпроекта детские больницы на 100 и 50 коек разрабатываются с большей тщательностью.

Особенно значительные изменения внесены в интерьер детских лечебных учреждений. В этой области забота о детях, характерная для народов Советского Союза, проявилась очень ярко.

Туберкулезный диспансер в Иваново-Вознесенске осуществлен по проекту арх. Г. Павина, при участии Доктора Титова. Здание, вступившее в эксплуатацию в 1928 году, отличается четким плановым решением, но в наружной архитектуре, несмотря на последующие доделки, еще сохраняет общие для всего строительства того времени черты сухости и невыразительности. Зато образцово в этом случае использована территория больницы, расположенной на обширном хорошем участке.

Из московских больниц подробно

следует отметить детское отделение больницы на Соколиной горе, клинику Института оздоровления раннего детства и 1-ю образцовую детскую больницу.

Больница на Соколиной горе представляет собой целый комплекс, детский сектор которого включает хирургическое, терапевтическое, грудничковое отделения, три детских инфекционных, административный корпус, прачечную, центральную котельную, гараж, жилой дом для персонала и другие служебные постройки. Весь комплекс расположен на открытом участке, занимающем около 32 га в местности, удаленной от городского шума и защищенной от пыли. В дальнейшем, когда будет закончена планировка участка, здания комплекса окажутся расположенными в прекрасном парке.

Генеральный план больницы в архитектурном отношении разрешен очень удачно.

Весь комплекс прекрасно воспринимается при приближении к больнице со стороны шоссе. К сожалению, грубая ошибка допущена при размещении инфекционных и незаразных корпусов. Проект предполагает размещение по одной оси трех корпусов, из которых два инфекционных и третий хирургический. Параллельно этой группе размещены еще два корпуса — третий инфекционный и отделение грудных детей. Целесообразнее было бы выделить все три инфекционных корпуса в одну группу с самостоятельным, изолированным подходом к ним.

Авторы проекта, архитекторы Мо-

тылев и Сенатов остановились на павильонной системе решения зданий, с максимальной высотой корпусов в два этажа.

Законченные детские корпуса, терапевтический и хирургический, емкостью на 52 койки каждый, были переделаны авторами из изоляторов мельцеровской системы, рассчитанных на 30 коек каждый.

Хирургический корпус на 52 койки запроектирован одноэтажным, с



Лестница

Escalier



Клиника Института оздоровления раннего детства в Москве
Комната ожидания для кормящих матерей

Clinique de l'Institut pour le traitement des petits enfants à Moscou
Salle d'attente pour les mères-nourrices

закругленными торцами, в которых помещаются застекленные отапливаемые веранды. В каждом крыле здания, вдоль одностороннего коридора расположено 5 однокочных палат, 3 — трехкочных и 2 — шестикочных. Все вспомогательные помещения

находятся в трех пристройках, расположенных перпендикулярно к главному корпусу. В каждой из боковых пристроек размещены: столовая, мойка, буфет, комната персонала, перевязочная, ванная, уборные и умывальные. В средней пристройке на-

Васильевостровская детская инфекционная больница в Ленинграде. Палата 1-го отделения

Hôpital de Vassilievski-ostrov pour maladies contagieuses d'enfants à Léningrad. Salle de malades



ходятся две операционных с предоперационными, рентгеновский кабинет с фотолaborаторией, кабинет врача, лаборатория, раздевальная персонала, приемная для посетителей с гардеробом и прием больных со смотровой и ванной. График движения и схема расположения помещений простые и четкие. В терапевтическом корпусе сохранена та же конфигурация и плановое решение, нет лишь операционных.

Наружная архитектура этих зданий производит приятное впечатление: главный вход оформлен небольшим полукруглым портиком, выходящим на неширокую открытую террасу, которая тянется вдоль главного фасада и замыкается торцовыми частями здания. Корпуса завершаются высокими парапетами. Несмотря на простоту их отделки, здания хирургического и терапевтического корпусов, выполненных из кирпича, производят хорошее впечатление.

Палаты окрашены разными цветами, причем каждый цвет дан в двух оттенках — более темном на панели и более светлом в верхней части стены. Полы в палатах и некоторых служебных помещениях выложены плитками, также в комбинации из двух цветов — темнокрасного и желтого. Стены бонсированных палат облицованы белыми глазурированными плитками.

Три инфекционных корпуса строятся по одинаковому плану, представляющему собой вытянутый прямоугольник с тремя пристройками, расположенными перпендикулярно к главному корпусу. Схема та же, что и в предыдущих решениях, но в этом случае архитекторы допустили темный двусторонний коридор, на ось которого механически нанизаны все помещения.

Главная лестница с тремя маршами расположена в центре здания, справа и слева от нее в 1-м этаже размещено по девять мельцеровских боксов, со входами с улицы, ванными и уборными, а во 2-м этаже — ожидальная, ванная, пять трехкочных палат и три — четырехкочных. Вход для больных и лестницы во 2-й этаж расположены в торцах боковых пристроек. Раздевальные и души персонала, буфетные и подача пищи находятся в средней пристройке и имеют изолированные входы с улицы. Фасадам здания приданы несколько вычурные и тяжеловесные формы,



Проект детского инфекционного корпуса на 74 койки для
Русаковской и Боткинской больниц в Москве
Фасад
Арх. Мотылев, Сенатов

Projet d'un bâtiment pour maladies contagieuses d'enfants à 74
lits pour les hôpitaux Roussakovski et Botkinski à Moscou
Façade
Arch. Motylev, Sénatov

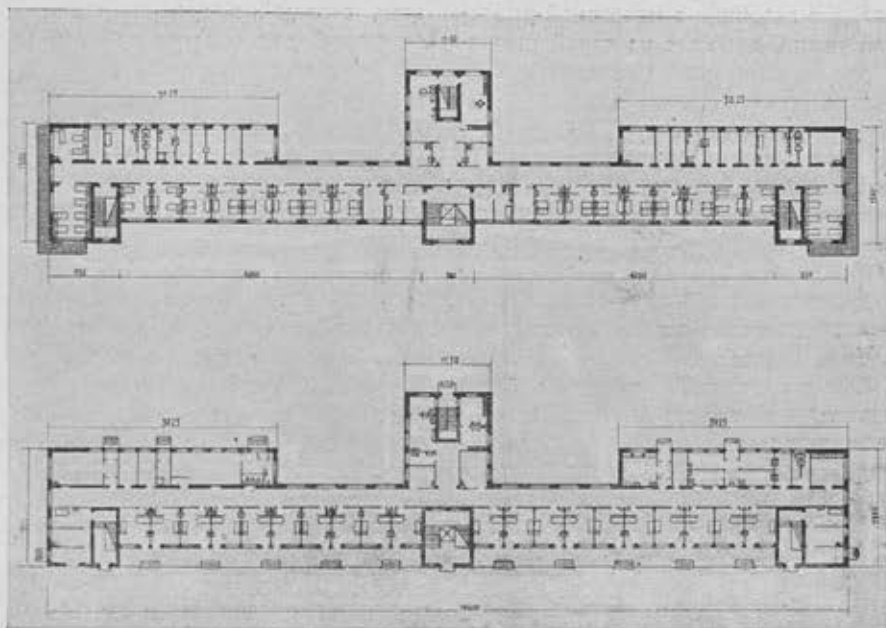
благодаря введению непомерно раз-
витого парапета и немасштабных ба-
рельефов на боковых частях здания.
И тому же фронтоны главного входа
слишком жидок по сравнению с
массивом парапета.

По проекту тех же авторов строит-
ся из крупных блоков один инфек-
ционный корпус при Русаковской
больнице и два при Боткинской. Кор-
пуса представляют собой в плане вы-
тянутые прямоугольники с выступа-
ющей средней частью и частично од-
носторонним коридором. Здания двух-
этажные. В центре расположен вход
и просторная лестница с лифтом.
Справа и слева от лестницы распо-
ложены в первом этаже по 10 мель-
церовских боксов, каждый из кото-
рых имеет отдельный вход с ули-
цы, ванную и уборную; во втором
этаже смотровая, ванная, кабинет
врача, шесть полубоксов, с ванными
и уборными, три трехкоечных и одна
шестикоечная палаты. Все обслужи-
вающие и вспомогательные помеще-
ния размещены с другой стороны ко-
ридора. Каждая половина второго
этажа имеет отдельную лестницу и
ход с улицы. Отдельный ход преду-
смотрен также для персонала и пода-
чи пищи. Такая планировка дает воз-
можность совершенно изолировать
обе половины каждого этажа. Сей-
час авторы заняты переработкой это-
го типа для районных больниц из
74-коечного в 92-коечный.

Институт оздоровления раннего
детства с клиникой для детей от
грудного до трехлетнего возраста
помещается в одном из бывших бар-
ских особняков Замоскворечья. Зда-
ние довольно удачно приспособлено
к своим новым задачам. Здесь особен-
ный интерес представляют внутрен-
няя отделка и оборудование, выпол-
няемые по рисункам и под наблюде-

План 1-го и 2-го этажей

Plan du rez-de-chaussée et du 1-er étage



Больница
на Сокольной горе
в Москве
Генплан



Hôpital montagne
Sokolnaia à Moscou
Plan d'ensemble

1—административный корпус, 2—приемный покой на 10 коек, 3—терапевтический корпус на 116
коек, 4—физио-терапевтический корпус на 74 койки, 5—детский хирургический корпус на 62 койки,
6—детско-терапевтический корпус на 62 койки, 7—корпус для грудных детей, 8, 9, 10—инфекцион-
ные корпуса, 11—хирургический корпус, 12—корпус для тифозных больных, 13—патолого-анатомиче-
ский корпус, 14—жилой корпус, 15—трансформаторная подстанция, 16—служебные постройки



Больница на Соколиной горе в Москве
Проект детского инфекционного корпуса на 72 койки
Фасад
Арх. Мотылев, Сенатов

Hôpital montagne Sokolinaia à Moscou. Projet d'un bâtiment
pour maladies contagieuses d'enfants à 72 lits
Façade
Arch. Motylev, Sénatov

нием художницы института Н. Машковой.

Очень хорошее впечатление производит лестница с массивной решеткой перил, панелью из серой штукатурки с имитацией рустовки и торшером, установленным на перилах средней площадки.

Прекрасно оборудованы детские палаты на 6, 4 и 2 койки. Белоснежные металлические кровати отделены одна от другой стеклянными перегородками. Эти перегородки могут передвигаться. В последнем случае они ставятся на ножки и превращаются в экраны.

Около каждой кровати белое кресло, оживленное скромным цветным рисунком, и индивидуальный шкафчик с полками в верхней части,

два ящика посередине и отдельным помещением внизу. Также по специальному рисунку выполнен стол, стоящий в центре комнаты и служащий для осмотра ребят и производства манипуляций.

Оформление в целом убеждает, что самыми скромными средствами можно добиться создания очень интимного и очень выразительного интерьера в детском лечебном учреждении.

В образцовой детской больнице в Москве также принята павильонная система застройки; максимальная высота корпусов не превышает двух этажей. Главное достоинство этого больничного комплекса заключается в чрезвычайно четком решении генерального плана со строго выдержан-

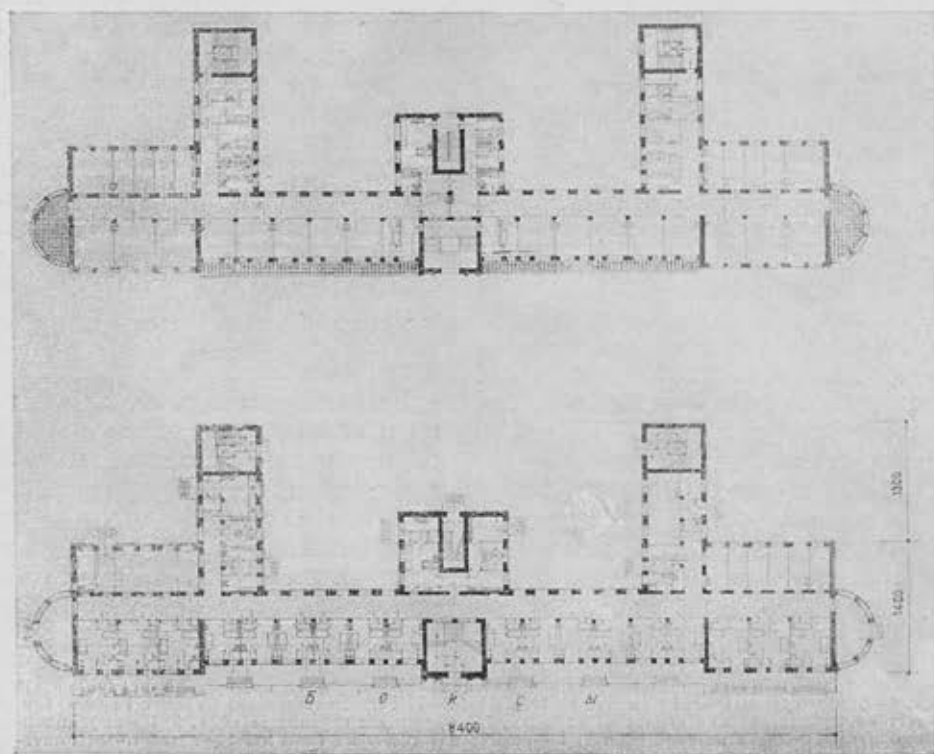
ным графиком движения. По средней оси участка расположены один за другим три корпуса, из которых первый, находящийся прямо против ворот, является приемным покоем, а два других отведены для предварительного пребывания сомнительных больных. Справа от центральной части расположены незаразные корпуса (ревматический, ушной и горловой, хирургический и др.), а слева инфекционные корпуса. В заднем конце участка находятся теплофикационная станция, центральная кухня, прачечная и другие хозяйственные помещения. К каждому больничному корпусу примыкает собственный садик для прогулок больных, изолирующий здание от общих путей сообщения. Благодаря центральному положению приемного покоя заразные и незаразные больные никогда не встречаются и кратчайшим путем попадают из приемного покоя в свой корпус.

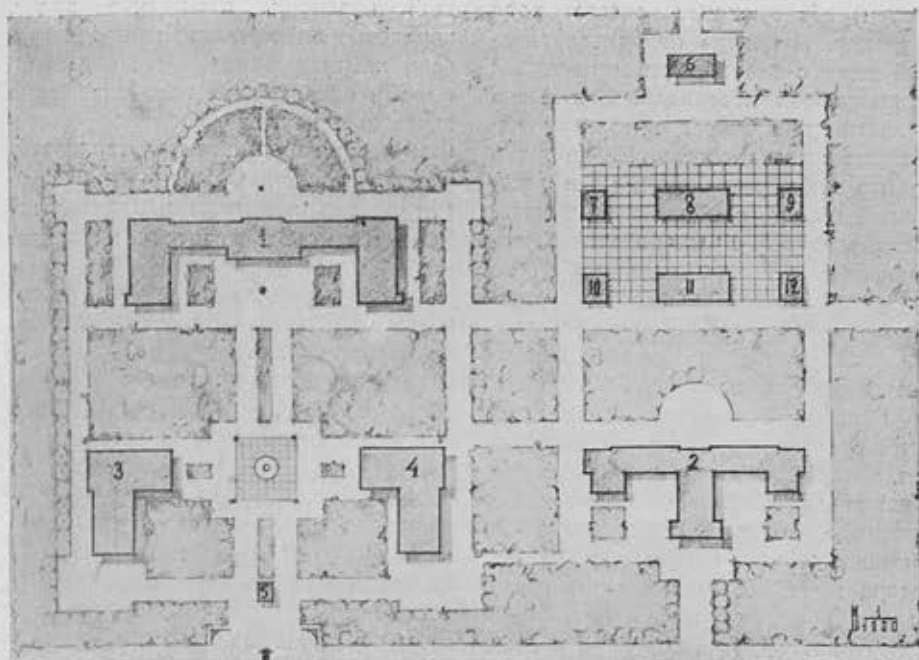
Одно из старых зданий больницы недавно заново оборудовано под ревматическое отделение, рассчитанное на 36 коек. Так как в этом корпусе находятся больные-хроники, обреченные на длительное пребывание в больнице, то при его отделке авторы проекта стремились к максимальному уюту. Вдоль одностороннего коридора расположены трехкоечные полубоксы, отделенные один от другого стеклянными перегородками. Таким образом обслуживающий персонал из коридора и из любого отделения видит сразу всех больных. Коридор упирается в общую палату, имеющую непосредственный выход на открытую веранду. Окраска стен светлых тонов очень приятна.

Два карантинные двухэтажных корпуса выстроены недавно; первый закончен в 1933 году, второй — в 1936 году. Наружная архитектура

План 1-го и 2-го этажей

Plan du rez-de-chaussée et du 1-er étage

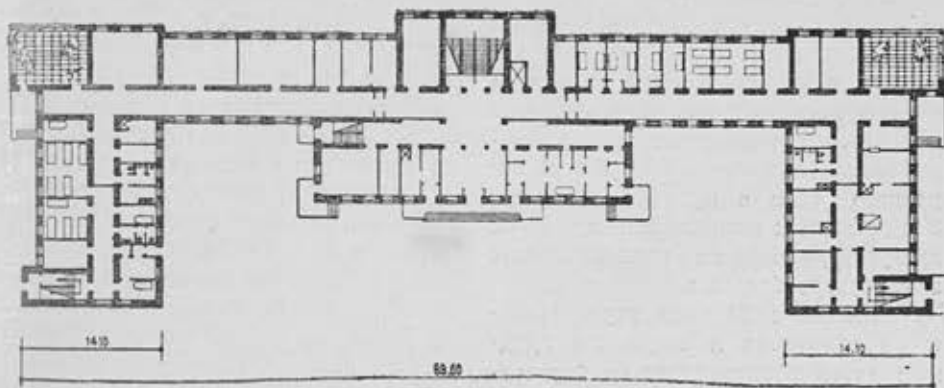




Проект типовой детской больницы
на 150 коек
Генплан
Арх. Елисеева, Любимов

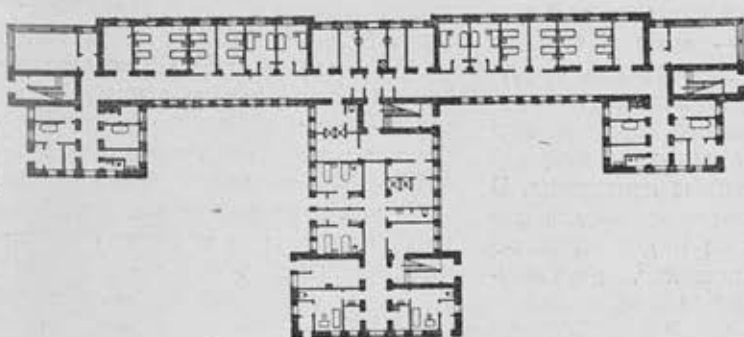
Projet d'un hôpital-type pour enfants
à 150 lits
Arch. Elisséeva, Lubimov

1—неинфекционный корпус, 2—инфекционный корпус, 3—поликлиника, 4—школа сестер, 5—контрольная будка, 6—патолого-анатомический корпус, 7—ледник, 8—гараж, 9—сарай, 10—овощехранилище, 11—прачечная, 12—котельная



Проект типовой детской больницы
на 150 коек
Неинфекционный корпус на 100 коек
План 1-го этажа

Projet d'un hôpital-type pour enfants
à 150 lits
Bâtiment à 100 lits
Plan du rez-de-chaussée



Проект типовой
детской больницы
на 150 коек
Инфекционный
корпус
на 50 коек
План 1-го этажа

Projet d'un
hôpital-type pour
enfants à 150 lits
Bâtiment pour
maladies
contagieuses
à 50 lits. Plan
du rez-de-chaussée

этих зданий носит все следы увлечения конструктивизмом. Только закругленные остекленные лестничные клетки и круглые окна входных частей вносят известное оживление в сухой геометризм фасадных плоскостей.

Внутренняя планировка корпусов производит лучшее впечатление. Из вестибюля хорошо освещенная лестница с широкими маршами ведет в находящуюся во втором этаже приемную. В первом этаже лестница примыкает к помещению постоянной выставки. Влево от этих комнат тянутся длинные двусторонние коридоры, по обеим сторонам которых расположены однокоечные полубоксы, каждый из которых имеет свое санитарное оборудование. Коридор очень светлый, так как все перегородки стеклянные. Пропускники-душевые для персонала облицованы глазурованными плитками фиолетового тона. Очень приятны желтоватые и розовые тона, в которые окрашены стены палат и лестницы; излишне резкую ноту в общую гамму расцветки вносят лишь яркоголубые плафоны лестничной клетки.

Новый изолятор, построенный в одноэтажном корпусе, с мельцеровским боксом, производит еще более неприятное впечатление, чем холодные, казенные фасады старых зданий, входящих в комплекс 1-й образцовой детской больницы. Голый торец здания выходит на главную магистраль участка, совершенно ее уродуя. Здание необходимо хотя бы срочно оштукатурить.

Одноэтажное здание изолятора на 15 коек переделано из старого барака по схеме, предложенной врачом больницы, тов. Розановым. Средняя опорная кирпичная стенка коридора была вынута и заменена двумя рядами стеклянных перегородок, обрамляющих однокоечные боксированные палаты. Каждой палате приданы ванная с уборной, тамбур с умывальником и шкафчиком-шлюзом, верхняя полка которого служит для хранения белья, а нижняя — столовой и чайной посуды больного. Такими шкафчиками оборудованы все боксы и полубоксы в больнице. Врачи считают, что такой метод обслуживания больного, при котором чистые предметы подаются из коридора, а побывавшие в употреблении у больного — оставляются у него до его выздоровления, является самым

надежным с точки зрения борьбы с внутрибольничной инфекцией. Внутренние помещения изолятора залиты светом, коридор окрашен в мягкие, не раздражающие глаза тона, стенки боксов облицованы белыми глазурованными плитками.

Для строительства 1938 года в мастерских Наркомздрава архитекторами Любимовым и Елисеевым разрабатывается типовой проект смешанной детской больницы на 150 коек. В состав комплекса входят следующие объекты: 1) лечебные корпуса — детский незаразный корпус на 100 коек и детский инфекционный корпус на 50 коек; 2) вспомогательные корпуса — административный корпус с аптекой и лабораторией; поликлиника; прачечная с дезинфекционной камерой; патолого-анатомический корпус; школа сестер; ледник; пропускная будка; овощехранилище; гараж; оранжерея. Все эти здания располагаются на участке размером около 4,5 га. Больницы этого типа на 150 коек будут строиться в городах с 50—75-тысячным населением.

Генеральный план решен достаточно четко. В левой части участка сосредоточены неинфекционный корпус с административной частью, инфекционный корпус и школа сестер. Между заразным и незаразными секторами обеспечен достаточный разрыв. Справа, совершенно отдельно, поставлено здание поликлиники с таким расчетом, чтобы приходящие больные не нарушили нормальную жизнь больницы и не сталкивались с заразными больными. К задней границе участка отнесена хозяйственная часть с ледником, гаражом, сараем, овощехранилищем, прачечной и котельной. Тут же, совсем на отлете, расположен патолого-анатомический корпус, оторванность которого от основного ядра больницы вызывает некоторые возражения.

Трехэтажный детский незаразный корпус на 100 коек состоит из отделений: терапевтического на 30 коек; хирургического на 40 коек; отделения для грудных детей на 20 коек и для выздоравливающих на 10 коек. В плане здание представляет собой прямоугольник с двумя пристройками по бокам, расположенными перпендикулярно к основному его мас-

сиву и образующими своего рода курдонер. В центре находится главный вход с вестибюлем и парадной трехмаршевой лестницей. Вестибюль и лестницы придают интерьеру известную импозантность. Плохо лишь то, что лифт расположен не в лестничной клетке, а в помещении кабинетов, вследствие чего искажена форма комнат по всем этажам. Кроме центральной лестницы предусмотрены еще две вспомогательные, расположенные в торцах здания. В каждом этаже две веранды.

В первом этаже левой боковой части здания сосредоточено отделение для матерей с двумя пятикоечными палатами, столовой, смотровой и санитарным узлом, а также буфетная с мойкой. Вдоль одностороннего коридора идут две пятикоечные палаты для выздоравливающих, кабинет исследований, две лаборатории и комната дежурного врача. Справа расположены — комната дежурного врача и палаты терапевтического отделения (два однокоечных полубокса с ваннами, две однокоечные палаты, одна двухкоечная и одна четырехкоечная), комната персонала, манипуляционная, столовая-игралка, буфетная и кухня со всеми обслуживающими помещениями. К отрицательным моментам в решении плана относится механическое разделение коридора на две части для создания слева изолированного отделения матерей и варочного зала с кухней — справа. Это привело к возникновению темных закоулков, особенно нежелательных в интерьере больниц.

Остальные 20 коек терапевтического отделения и отделение грудных детей расположены во 2-м этаже. В левой пристройке, с одной стороны коридора расположены 6 однокоечных полубоксов и одна двухкоечная палата для кормилиц, а с другой — молочная кухня, бельевая и другие служебные помещения. В правой пристройке — с одной стороны коридора — столовая-игралка, буфетная, помещение персонала, манипуляционная и выписная, с другой стороны — кабинет врача, санитарный узел и хозяйственные помещения. В центральной части слева — две шестикоечные палаты и две однокоечные грудного отделения, двухкоеч-

ный карантин, помещение врача, кварцевая электрическая кардиография, кабинет заведующего отделением, три однокоечных полубокса, одна однокоечная палата, две четырехкоечные и одна шестикоечная терапевтического отделения. В центральной части против лестницы находятся кабинеты рентгена, электро- и светолечения, механотерапии.

Хирургическое отделение размещено в 3-м этаже, центральная часть которого занята кабинетом заведующего и кабинетом болезней уха, горла и носа. Вдоль коридора справа и слева, образуя две изолированные секции по 20 коек, расположены пять однокоечных полубоксов, три однокоечные палаты, две — двухкоечные, четыре — четырехкоечные и две — шестикоечные. Против лестницы — чистая и гнойная операционные с предоперационными, материальной, стерилизационной и гнойной перевязочной.

Инфекционный корпус на 50 коек в плане по форме напоминает аэроплан. В 1-м и 2-м этажах, вдоль одностороннего коридора, в каждом этаже идут по две четырехкоечные палаты, 4 — двухкоечные и 4 — однокоечные полубокса, в боковых частях корпуса две веранды. Санитарные узлы и прием больных в обоих этажах выделены справа и слева в отдельные пристройки. Планировка этого корпуса не лишена недостатков; односторонний коридор почему-то замыкается глухими стенками лестниц, ведущих во второй этаж; очень плохо размещены помещения средней пристройки, изолированной от центральной части корпуса глухой лестничной клеткой, которая превращает в темный тупик двусторонний коридор пристройки. В этой части здания расположены — вестибюль, смотровые, мельцеровские боксы и другие помещения. Специальная лестница, расположенная в торце, ведет во 2-й этаж.

Проекты Любимова и Елисеевой являются эскизными, они утверждены наркоматом и сейчас авторы приступают к разработке технических проектов. Надо надеяться, что архитекторы при этом внесут все необходимые исправления в свои первоначальные проекты.

II. Н О В Ы Е С А Н А Т О Р И И

ОТ РЕДАКЦИИ. В Сочи и Кисловодске закончены строительством и сданы в эксплуатацию два крупнейших санаторных сооружения. Помещая ниже статьи о новых санаториях Наркомтяжпрома, редакция считает необходимым отметить, что в первой из этих статей не дано достаточно развернутой критики общего архитектурного решения Сочинского санатория. Архитектор И. С. Кузнецов избрал для санатория холодные, подчеркнута парадные формы здания старого дворцового типа. Все сооружение перегружено декоративными элементами, примененными в явно преувеличенных дозах и размерах. При высоком качестве строительного выполнения здания, его архитектура страдает декоративными излишествами. Тяжеловесная парадность интерьеров и подчеркнутая пышность внешних форм плохо отвечают существу советского санатория, призванного обеспечить отдых и лечение в удобной обстановке, проникнутой уютom, человеческой теплотой и непосредственной близостью к природе.

Что касается статьи о санатории Наркомтяжпрома в Кисловодске, то в этой статье не отмечены отдельные серьезные недостатки архитектурного решения данного объекта. К оценке бесспорно значительной работы коллектива под руководством проф. М. Я. Гинзбурга, редакция вернется в одном из ближайших номеров.

САНАТОРИИ НАРКОМТЯЖПРОМА В СОЧИ

Н. ДМИТРИЕВ

Одним из значительных объектов нового санаторного строительства является громадный санаторий Народного Комиссариата Тяжелой Промышленности, построенный в Сочи. Здание нового санатория, расположенное на южном склоне горы Бытхи, принадлежит, бесспорно, к числу самых заметных в архитектурно-строительном отношении построек этого типа. Очень большие средства, большое умение и мастерство вложены в строительство этого громадного культурного учреждения. Огромное внимание правительства к здоровью трудящихся сказывается во всем размахе нашего санаторно-курортного строительства, и новый сочинский санаторий — одно из ярких проявлений этой заботы.

Для возведения громадного санаторного здания в сложных условиях данной местности и ее рельефа, пришлось произвести значительные зе-

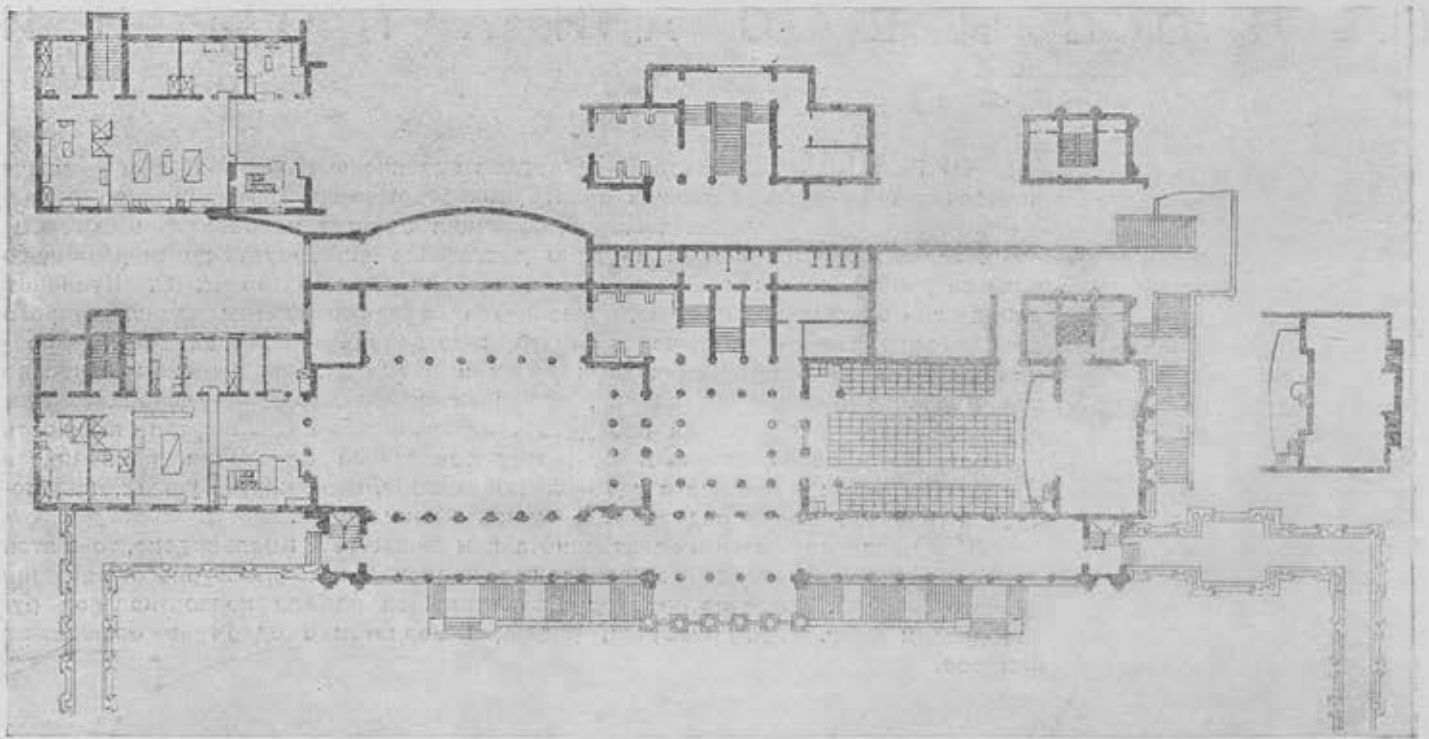
мляные работы. Самое здание задумано и выполнено в формах монументального дворцового сооружения, с пышными, почти торжественными колоннадами, с чрезвычайно «представительной» отделкой интерьера, с применением обильнейших декоративных элементов. Надо совершенно определенно подчеркнуть, что и строительные, и отделочные работы отличаются здесь своим высоким качеством. Этому высокому качеству соответствует очень тщательная разработка рабочих чертежей, деталей и шаблонов архитектором-автором (арх. И. С. Кузнецов).

Достоинством генерального плана здания санатория Наркомтяжпрома является легкая связь жилых корпусов с клубными помещениями и со столовой. Что касается связи санаторного участка с автомагистралью Сочи-Магиста, то эта связь осуществлена при помощи двух дорог. Более затруднена связь жилых корпусов с медицинской частью. Точно также нельзя считать удовлетворительно разрешенным и вопрос о связи с морским пляжем, от которого санаторий отделен автомагистралью и нижележащими участками.

Соответственно общему типу, монументального дворцового сооружения, в основу генерального плана положен принцип выделения центрального корпуса и боковых

крыльев, расположенных по сторонам широкого курдонера. В этом центральном корпусе размещены зрительный зал, клубные помещения и столовая. Боковые — жилые корпуса соединены с центральным корпусом крытыми переходами. Лестница связывает центральный корпус с площадкой второго яруса, где расположен павильон физкультуры и большой бассейн для плавания. Главный двор санатория остается, в сущности, чисто парадным курдонером, так как полное отсутствие тени лишает больных возможности пользоваться им для прогулок и пребывания на открытом воздухе. Здесь архитектор повторил ошибку ряда других проектировщиков сочинских санаториев и домов отдыха, забыв об одном из решающих, кардинальнейших требований, предъявляемых к генплану любого здания в условиях сочинского климата: о максимальной защите участка от палящих солнечных лучей.

Те благодарные возможности, которые дает архитектуре замечательная природа Кавказского побережья, вообще никак не использованы архитектором. Здание санатория спроектировано и выстроено вне всякой связи с окружающей природой, парк находится в стороне от санатория и органически не связан с его архитектурой, различные «малые фор-



Санаторий Наркомтяжпрома в Сочи
План клубного корпуса. 1-й этаж

Sanatorium du Commissariat du peuple à l'industrie lourde
à Sotchi. Club. Plan du rez-de-chaussée

мы» — точно также не стоят ни в какой связи с зеленью. Кажется, как будто архитектор мыслил себе здание санатория вне конкретной природной ситуации.

Монументальные дворцовые сооружения составляют ансамбль, совершенно независимый от окружающей природы, архитектура здания не дает возможности почувствовать эту природу, а, напротив того, противопоставляет ей излишне грузные, массивные и подчеркнута «па-

рдные» формы колоннад, мощных цоколей, парадных открытых лестниц и т. п.

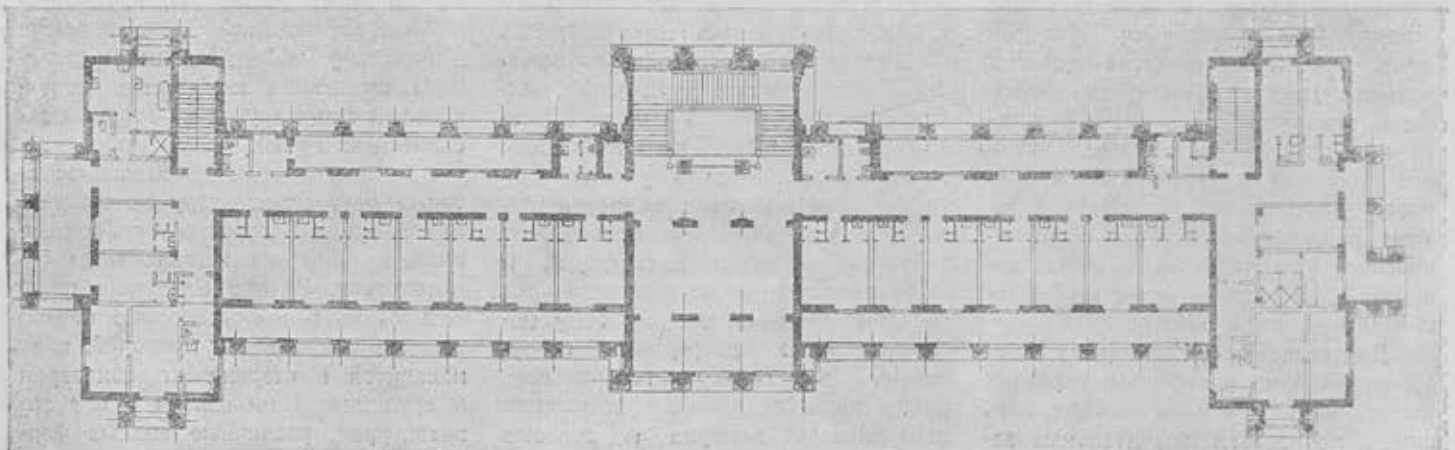
Примененные архитектором псевдоклассические формы лишь усиливают внешнюю «парадность» сооружения, лишая его какой бы то ни было интимности. Эти черты с еще большей резкостью проявляются в архитектурной трактовке интерьеров: лестница центрального холла спального корпуса, лестница клубного корпуса, концертный зал, в особенности

же столовая, решены как «представительные», торжественно-пышные дворцовые помещения, а не как интерьеры здания, в котором отдыхают и лечатся больные, ждущие от санатория комфортабельной и уютной обстановки и возможности постоянного общения с природой.

Жилые корпуса санатория рассчитаны на 150 больных. Из центрального холла ведет коридор, по одну сторону которого расположены жилые комнаты, по другую, — обслуживаю-

План спального корпуса. 2-й этаж

Plan du bâtiment réservé aux dortoirs. 1-er étage



щие. В конце коридора, в торце корпуса, расположены двухкомнатные номера «люкс» и общая ванная комната. Корпус окружен с трех сторон лоджиями, а с четвертой — связан центральными арками крытого перехода с главным зданием. Этот композиционный прием дает возможность хорошо защитить жилые помещения от действия прямых солнечных лучей.

Организация интерьера наталкивалась на противоречие между догматическими требованиями модуля (по Виньоле) и пропорциями самих комнат. Поэтому в нижнем этаже, где высота комнаты достигает 5 м, комнаты кажутся чрезвычайно узкими. Автор не всюду с честью выходит из создавшегося положения, и только в комнатах «люкс», благодаря их большой площади, добивается благоприятного впечатления.

Прекрасным, с большим вкусом обставленным комнатам ни в какой мере не соответствует организация санитарных узлов. Высокое качество столярных и отделочных работ, удачная арматура, красивые ткани — и рядом скверные унитазы, умывальники, ванны.

В санатории, поражающем своим богатством, кажется странным отсутствие, становящихся у нас примитивными, удобств — ванны или хотя бы душа для каждой комнаты и всего того, что в конечном итоге важнее некоторых декоративных элементов обстановки.

В одном из жилых корпусов расположена медицинская часть санатория. Здесь имеются кабинеты, оборудованные по последнему слову техники, с замечательной диагностической и терапевтической аппаратурой. Высокое качество медицинского оборудования не вполне гармонирует с внутренней архитектурой. Хотелось бы, чтобы интерьеры вызывали ощущение большего простора.

Особое внимание автор уделил архитектуре «холла», проходящего через все этажи жилого корпуса и го-

Фасад клубного корпуса

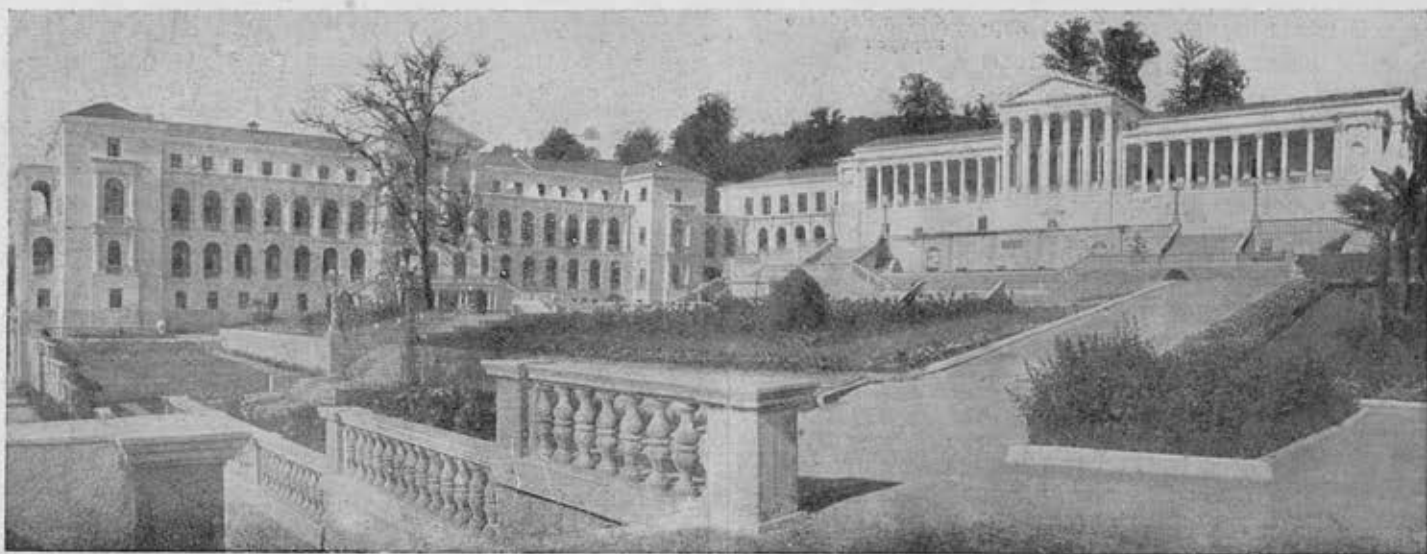


Façade du club

Деталь фасада спального корпуса



Détail de la façade du bâtiment réservé aux dortoirs



Санаторий Наркомтяжпрома в Сочи
Общий вид
Арх. И. С. Кузнецов

Sanatorium du Commissariat du peuple à l'industrie lourde
à Sochi (Caucase Nord). Vue générale
Arch. I. S. Kouznetzov



Лоджия клубного
корпуса

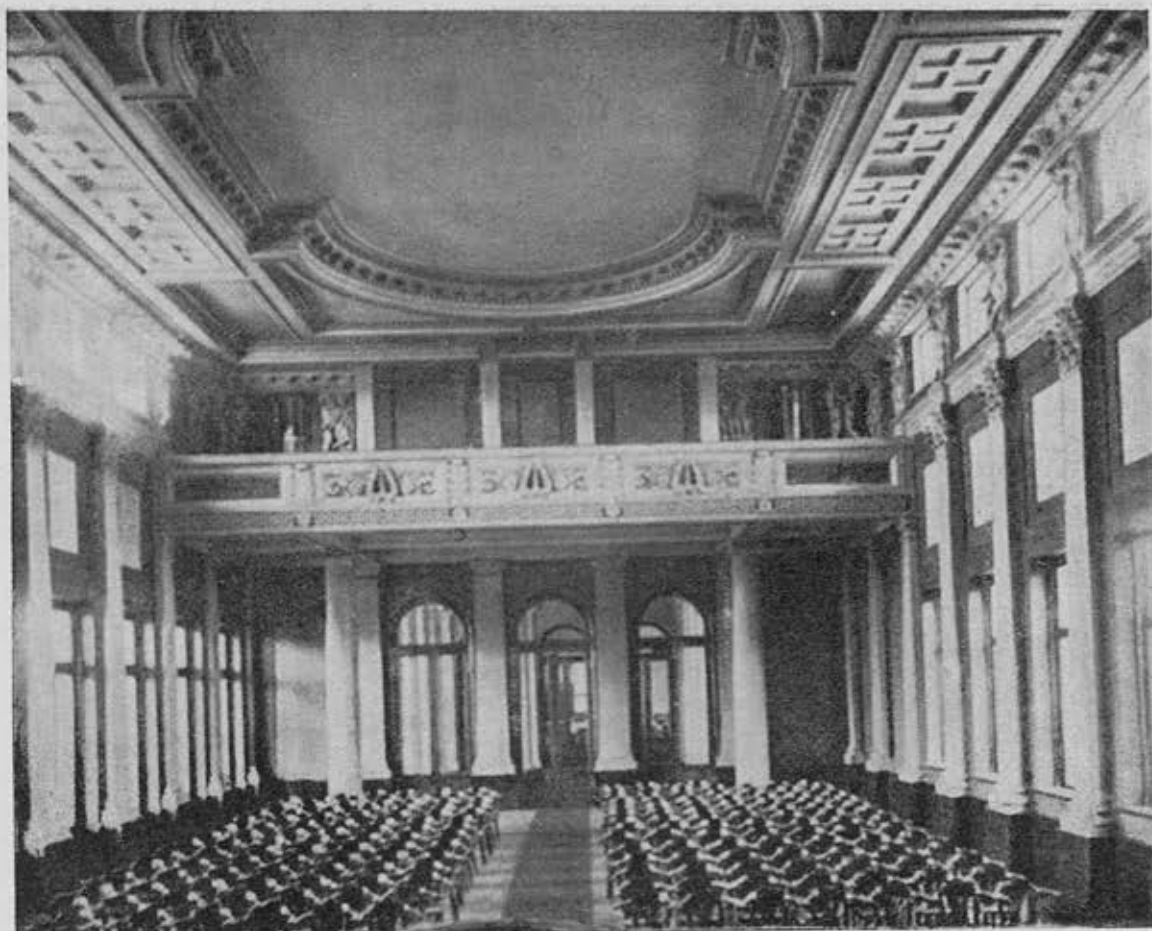
Club. Loggia

стиных. Холл с крестовыми сводами, опирающимися на тосканские колонны, обработан в дереве. Своды и потолки расписаны мастерами Мстеры и Холуя.

Гостиные, решенные в тяжелых позднеренессансных, а порой и барочных, формах, обставлены «современной» мебелью. В архитектуре «холла» и гостиных автор показал знакомство со всем богатым арсеналом выразительных средств старой архитектуры, при помощи которых ему, однако, не удалось создать жизне-радостного единства, созвучного человеку советской эпохи. Каждая деталь, взятая в отдельности, вызывает законное чувство гордости за качество работ, за изобилие прекрасных материалов; все вместе производит холодное, музейное впечатление.

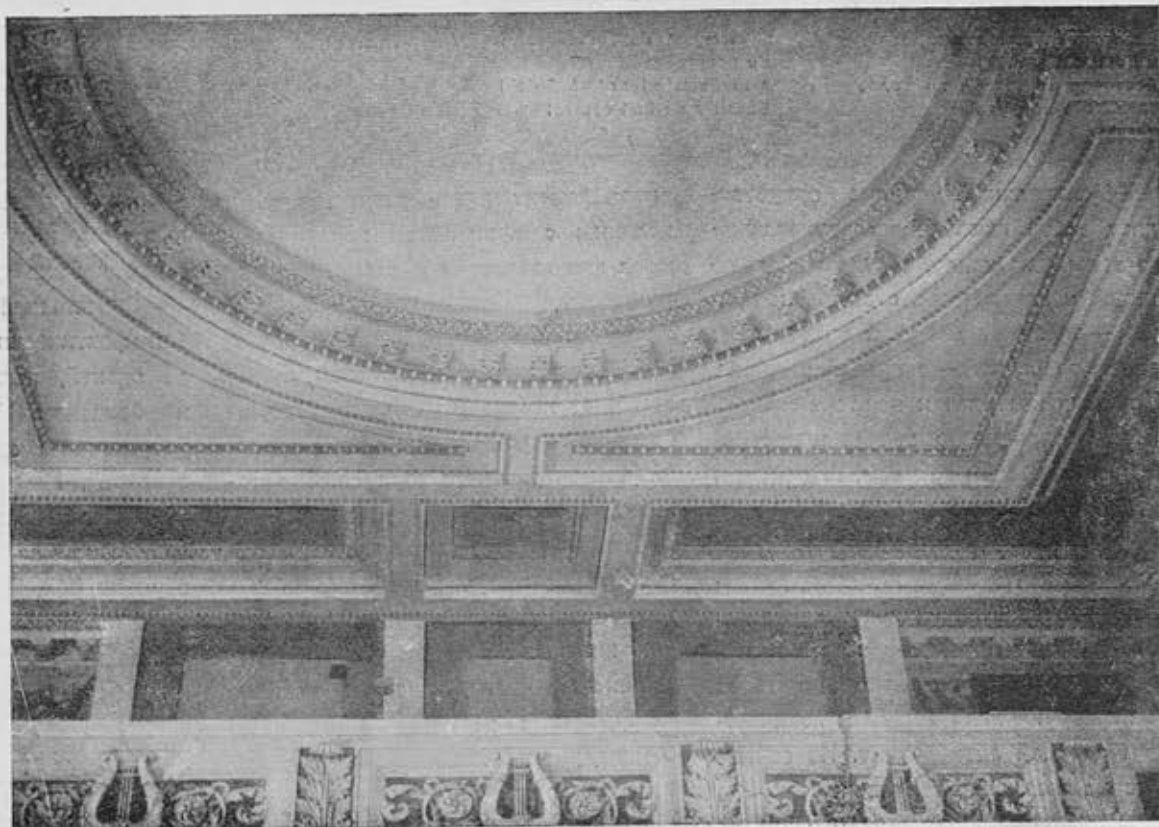
Несмотря на то, что столовая и зрительный зал центрального корпуса решены в этом же плане, они кажутся менее холодными. Это объясняется как большими масштабами интерьера, так и его общественным назначением.

Концертный зал

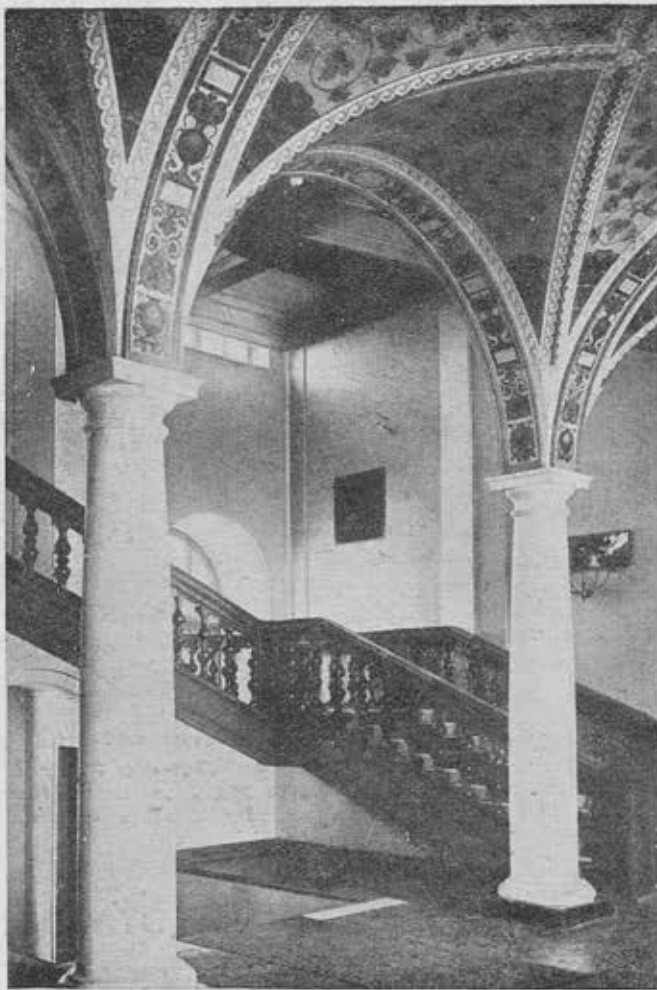


Salle de concert

Деталь концертного зала

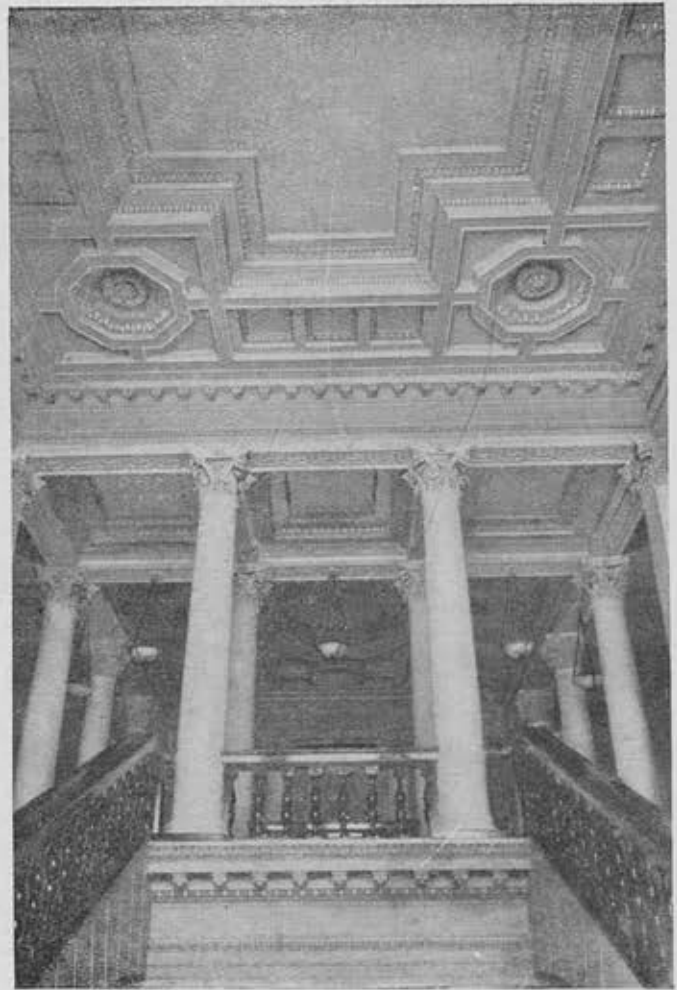


Détail de la salle de concert



Санаторий Наркомтяжпрома
в Сочи
Лестница центрального холла
спального корпуса

Sanatorium du Commissariat
du peuple
à l'industrie lourde à Sotchi
Escalier du hall central



Лестница клубного корпуса

Escalier du club

Центральный корпус представляет собой композицию двухэтажного колонного холла, с открытой лестницей и галереями, столовой и кухней — слева от входа и зрительным залом со сценой — с правой стороны. Клубные комнаты и во втором этаже. Больших размеров зал столовой решен коринфским орденом. Ряд колонн отделяет главное пространство зала от его боковой, более низкой, раскрытой части, что позволило автору ввести двустороннее освещение зала. Это придает интерьеру воздушность, несмотря на очень тяжелый потолок и перегруженный большим количеством деталей антаблемент. Не совсем удачна трактовка торцовых стен, где размещены входы из холла и кухни:

антаблемент здесь разрывается, и колонны с архитравом воспринимаются как «вставка» в стену, чем нарушается цельность приема. Неудачна также цветовая гамма интерьера.

Прилегающая к столовой кухня занимает небольшое пространство, ее объем не выделяется из общей композиции центрального корпуса. Это стало возможным благодаря почти полной механизации всех процессов приготовления пищи. По своему оборудованию кухня напоминает лабораторию химика. Но и здесь, как и в медицинской части, высокая техника оборудования вступает в конфликт с малоприспособленным для этой цели интерьером. Так, например, размеры и форма окон в кухне продикто-

ваны принципами членения фасада и поэтому их трудно открывать и невозможно снабдить сетками.

Зрительный зал представляет собой фактически театр в миниатюре со сценой, заглубленным оркестром и балконом. Интерьер этого зала уступает по своей выразительности столовой. Неприятны в нем соотношения измельченного и изрезанного архитрава к фризу, украшенному скульптурой. Скульптура как по своей тематике, так и по стилю совершенно чужда пространственной идее интерьера. С общим решением композиционно не увязана архитектура портала сцены, членения балкона также не увязаны с боковыми стенами. Клубные помещения во втором



Столовая

Salle à manger



Деталь столовой

Détail de la salle à manger

этаже и особенно лоджия на главном фасаде очень приятных пропорций.

Вся внутренняя архитектура санатория в избранном стилевом плане вполне последовательно и органически увязана с архитектурой фасадов и объемной композицией сооружений. И все же ясно, что только формальный внешний прием определил эту композицию, симметричную по главной оси и застроенную длинными корпусами, с арками, лоджиями и акцентированными портиками-входами, с трех сторон двора.

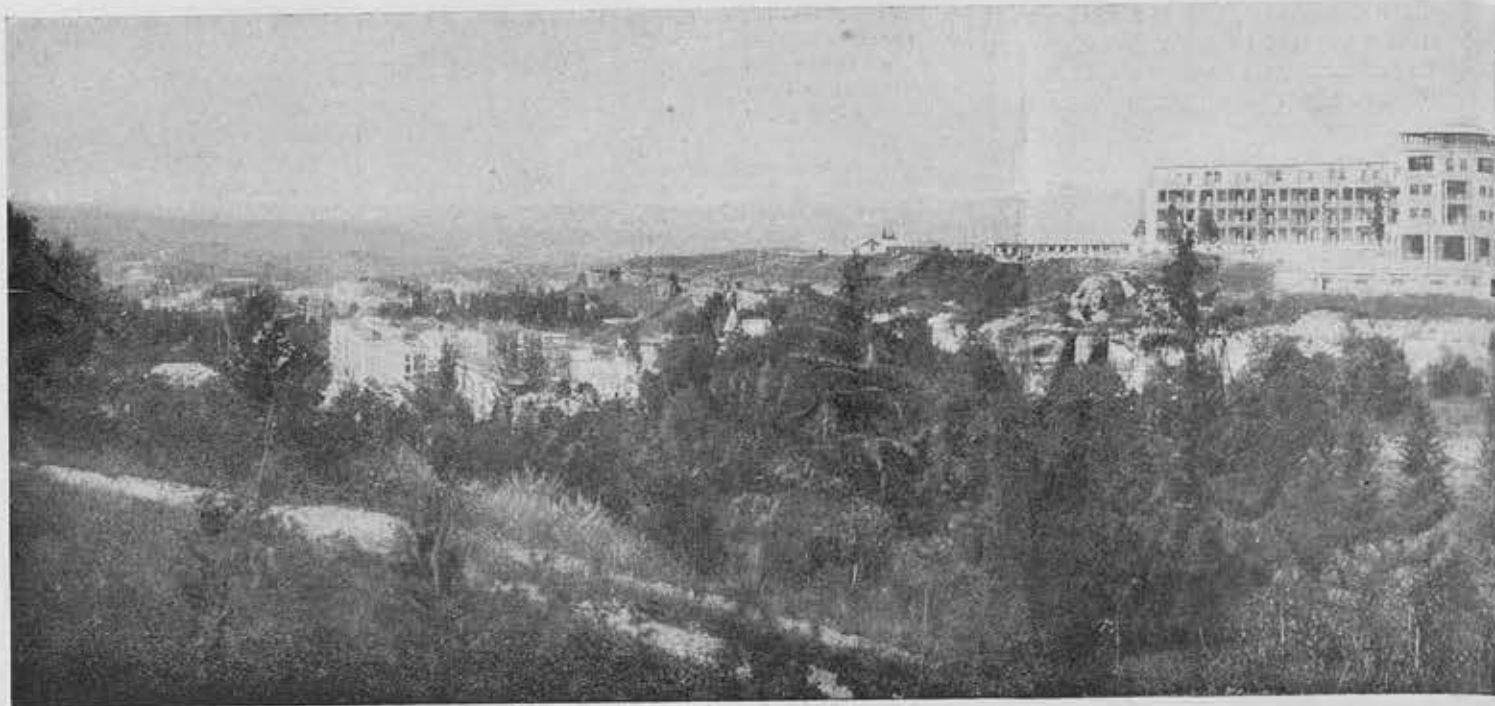
Эта композиция не могла быть продиктована ни рельефом площадки, ни функциональной схемой санатория. Мы критикуем этот порою совершенно оправданный в архитектуре прием только потому, что он потребовал

слишком больших жертв и, в конечном итоге, привел даже к искажению образа санатория. «Римская» концепция ансамбля, все эти триумфальные арки, многочисленные лестницы и подпорные стенки, несмотря на их пышность и величье, своей тяжестью подавляют природные компоненты ансамбля, вместо того, чтобы гармонически с ними слиться. Да не только связь с природой нарушается здесь, но и связь с живым человеком, с его ощущениями и масштабами. Правильное понимание этой связи в архитектуре привело бы, несомненно, автора к использованию совсем других произведений Палладио—его проектов загородных вилл.

В заключение несколько слов о синтезе искусств в санатории.

Архитектор уделил много места живописи, желая ввести ее как органический элемент в архитектурный комплекс. Лоджии, потолки вестибюлей и стены коридоров расписаны орнаментальной росписью мастерами Мстеры и Холуя и другими художниками. Этот интересный замысел архитектора местами себя вполне оправдал, несмотря на то, что орнаментальная живопись здесь по своей технике (масло) не имеет ничего общего с техникой живописи, применявшейся в подобных случаях старыми мастерами Возрождения.

Но живопись все же не стала органической частью архитектуры, не усилила своими средствами архитектурной выразительности, она осталась только элементом декорации.



Санаторий Наркомтяжпрома в Кисловодске. Общий вид
Арх. Л. Богданов, С. Е. Вахтангов, М. Я. Гинзбург, Т. Гумбург, В. В. Калинин, И. Е. Кузьмин, И. И. Леонидов, Е. М. Попов, Т. Б. Раппопорт, И. И. Шпалек. Руководитель проектирования и главный архитектор строительства проф. М. Я. Гинзбург

САНАТОРИЙ НАРКОМТЯЖПРОМА В КИСЛОВОДСКЕ

Л. ЗАЛЕССКАЯ

Строительство новых санаториев в Кисловодске до последнего времени шло вне всякого плана. Участки отводились, как придется, без учета общей планировки, общей архитектурной идеи, возможной вместимости территорий, отводимых для того или иного санатория. Только недавно проф. Семеновым закончена планировка всей минераловодской группы и в том числе Кисловодска. Зонам санаторного строительства отведены твердые места, и есть надежда, что они будут осваиваться соответственно плану.

Результатом непланового строи-

Фасад первого
„режимного“
корпуса



Façade du premier
bâtiment pour
malades „au régime“



Sanatorium du Commissariat du peuple à l'industrie lourde à Kislovodsk. Vue générale
Arch. L. Bogdanov, S. E. Vakhtangov, M. J. Guinzbourg, T. Houmbourg, V. V. Kallnine, I. E. Kouzmine, I. I. Léonidov, E. M. Popov, T. B. Rappoport, I. I. Schfalek. Direction de l'arch. en chef M. J. Guinzbourg

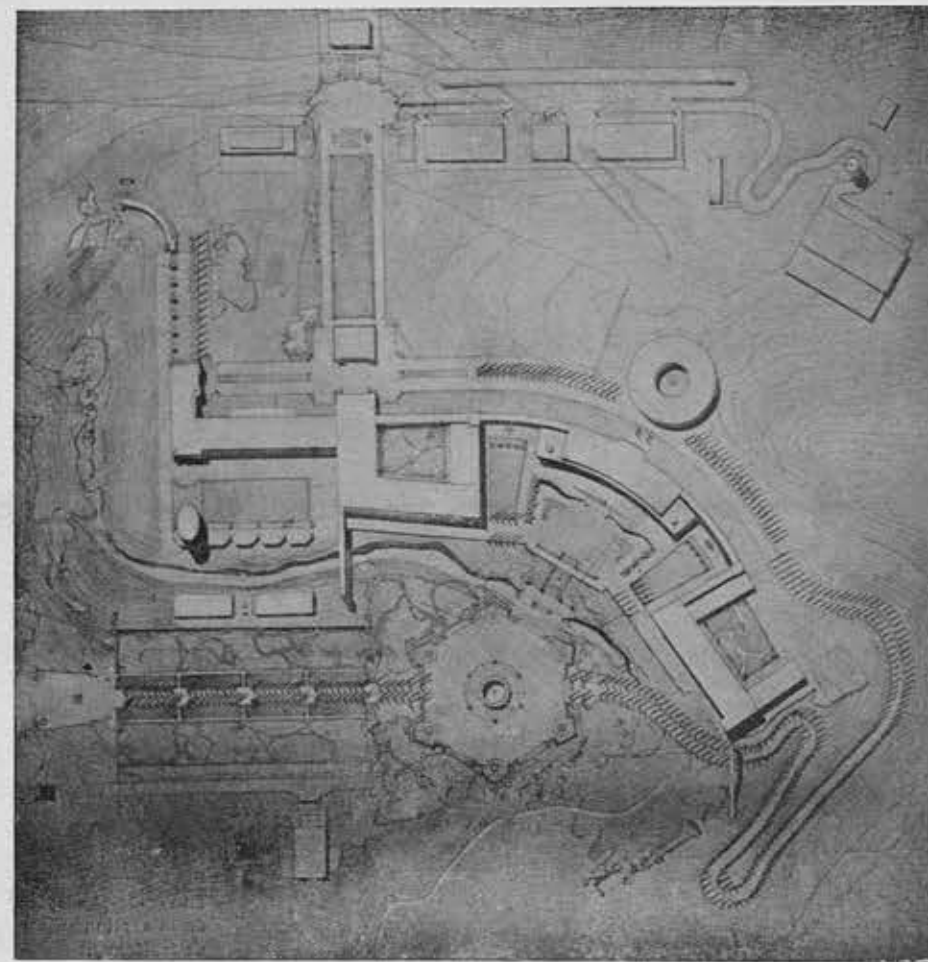
Генплан

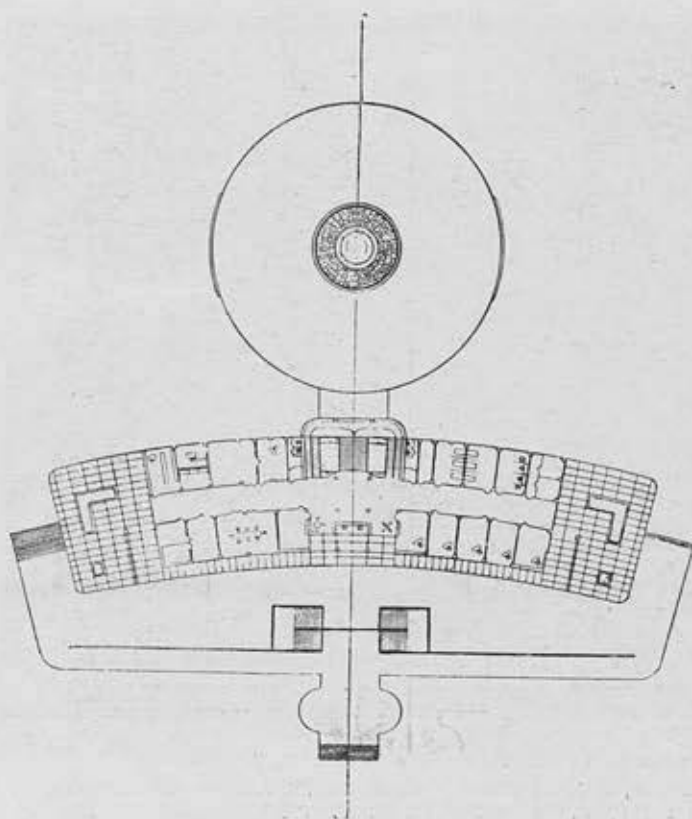
Plan d'ensemble

тельства последних лет явилась скученность санаториев, размещенных на маленьких участках и выходящих своими многоэтажными фасадами прямо на улицы, лишенные зелени. Разностильность, беспорядочное нагромождение объемов, не увязанных с рельефом, невыразительность архитектурного облика — все это характерные черты строительства в Кисловодске.

Типичным районом новых санаториев является район Ребровой балки и основная его ось — проспект Ленина: целый ряд новых домов образует улицу никак не санаторного типа. Четырехэтажные дома санаториев РККА, Наркомзема, Госбанка и др. почти лишены садов и выходят своими фасадами прямо на улицу, залитую асфальтом. На фоне этого строительства выделяется только-что законченный санаторий Наркомтяжпрома на 250 человек, занимающий участок в 35 га.

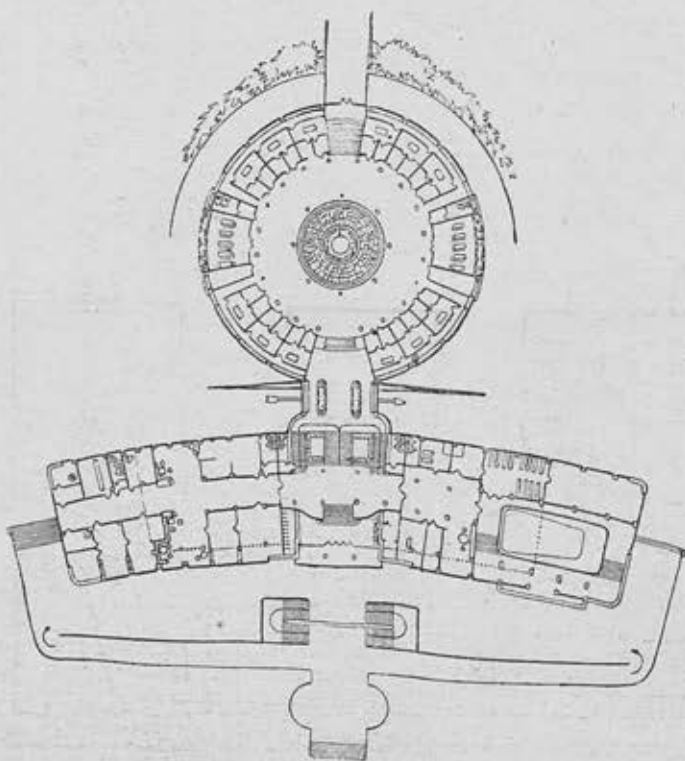
Такая большая площадь впервые была отведена для строительства санатория. Участок, на котором расположены основные корпуса санатория, представляет собой открытое плато, лежащее высоко над Ребровой балкой. Проспект Ленина завершается у глав-





Санаторий
Наркомтяжпрома
в Кисловодске
План лечебного
корпуса, 2-й этаж

Sanatorium
du Commissariat
du peuple
à l'industrie lourde
à Kislovodsk. Plan
du 1-er étage de la
section de traitement



План 1-го этажа
лечебного корпуса

Plan
du rez-de-chaussée
de la section
de traitement

ного входа в санаторий. Отсюда аллея из венковых елей подводит к центральной лестнице. Поднявшись по лестнице, живописно врезанной в скалы, попадаешь на плато санатория.

Основная композиция объемов санаторных зданий, складывающихся из двух «режимных» корпусов, уравновешенных с центральным лечебным корпусом, лучше всего воспринимается с этой центральной лестницы. Необходимо указать, что благодаря особенностям участка, общая композиция генерального плана читается с трудом. Лучше всего она воспринимается с «Храма воздуха». С проспекта Ленина и Ребровой балки эта композиция неясна, вследствие разницы отметок и неувязки основной оси планировки корпусов с центральной подходом по еловой аллее. Зато с центральной лестницы и террасы перед корпусами открывается исключительный, даже для Кисловодска, вид. Все комнаты «режимных» корпусов выходят в ту же сторону, что является большим достоинством планировки, отвечающей как врачебным требованиям (ориентировка на юго-восток), так и природным условиям участка.

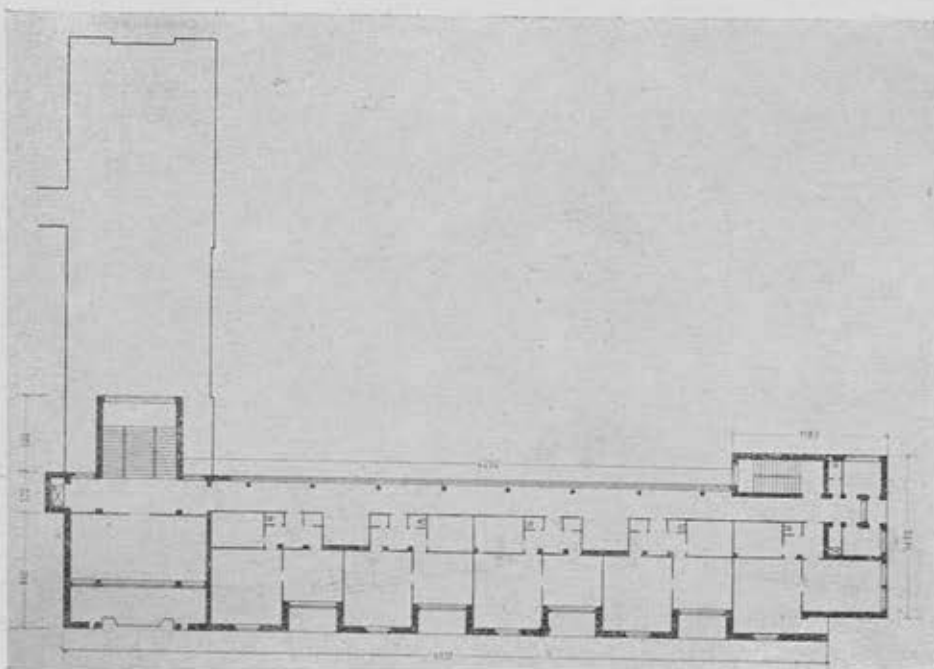
К недостаткам планировки следует отнести изрезанную конфигурацию главного корпуса, вследствие чего с северного фасада взгляду открываются только отдельные части здания.

Размещение второстепенных корпусов (административных, гаража, прачечной, котельной и т. д.) удачно. Они хорошо вписаны в рельеф, но композиционно недостаточно четко увязаны с главными объемами. Восприятие общей идеи генерального плана особенно затрудняет не вполне удачная вертикальная планировка территории.

Переходя к архитектуре самих зданий, необходимо прежде всего отметить большую культуру и сдержанность в насыщении фасадов деталями. В этом отличие санатория Наркомтяжпрома от беспринципных решений фасадов многих санаториев Кисловодска (например, санатория Госбанка). Образ санатория удалось найти архитекторам, несмотря на трудность при устройстве четырехэтажных корпусов добиться интимности и разнообразия основных элементов, характеризующих санаторий. Архитектор оживляет фасады лоджи-

ями, балконами, террасами, перголами. Ниши и балконы в главном корпусе чередуются в простом ритме, а в семейном корпусе в более сложном — шахматном. Сами балконы и лоджии выразительны по рисунку и прекрасно выделяются в игре света-тени.

Наиболее интересно решена восточная часть главного корпуса, где чередование балконов и лоджий с колоннами придает стене особенно выразительную фактуру. Не менее удачна главная лестница, прекрасно вписанная в рельеф и трактуемая как переходный элемент от парковой архитектуры к архитектуре самих зданий. Интересно сочетание тонкой, хорошего рисунка металлической решетки балкончика верхней части лестницы с каменной кладкой стены. Остроумен и прием включения в подпорную стенку ниш с колоннами, но сами колонны в этих нишах неудачного профиля. Обидно также,

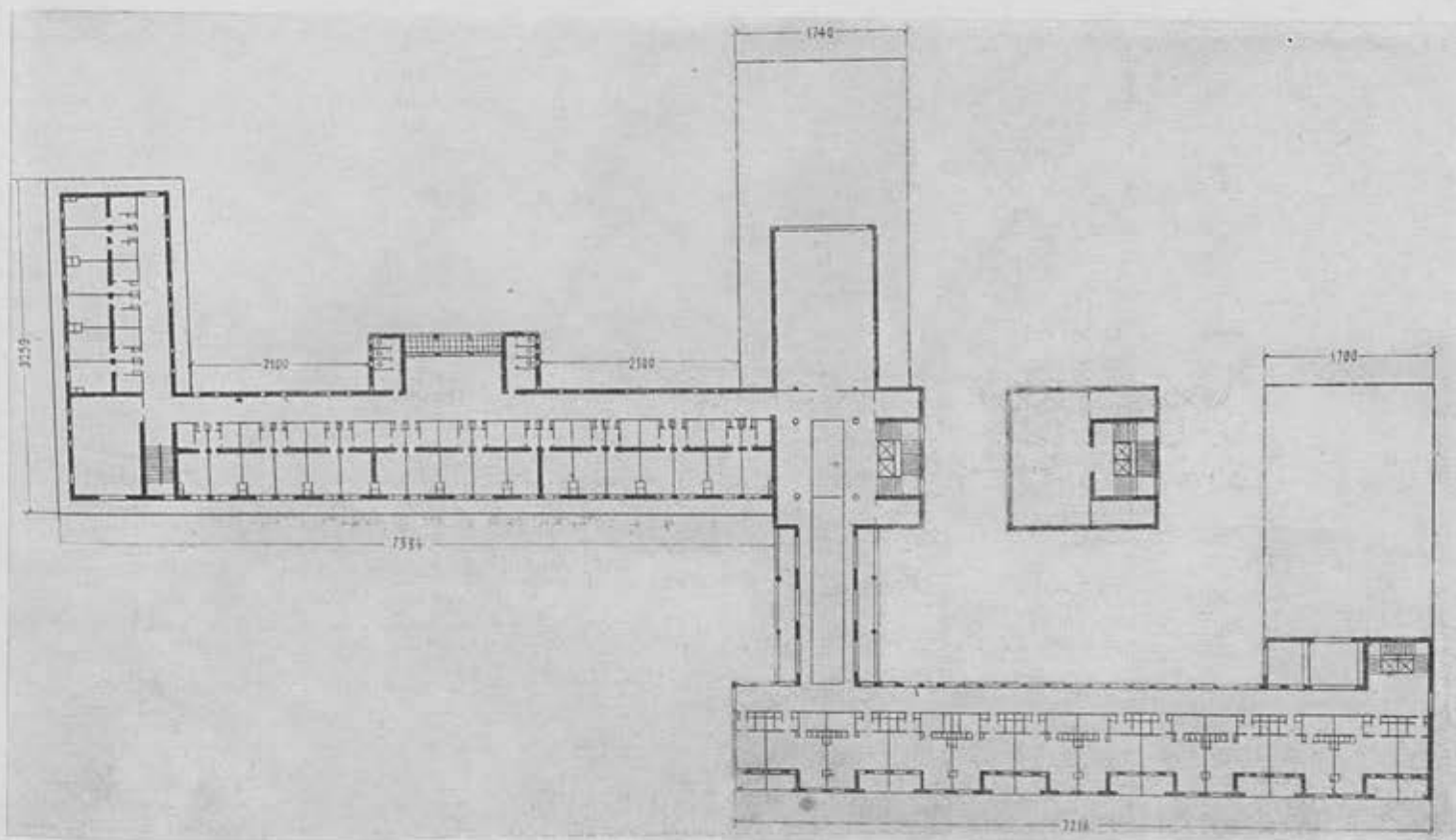


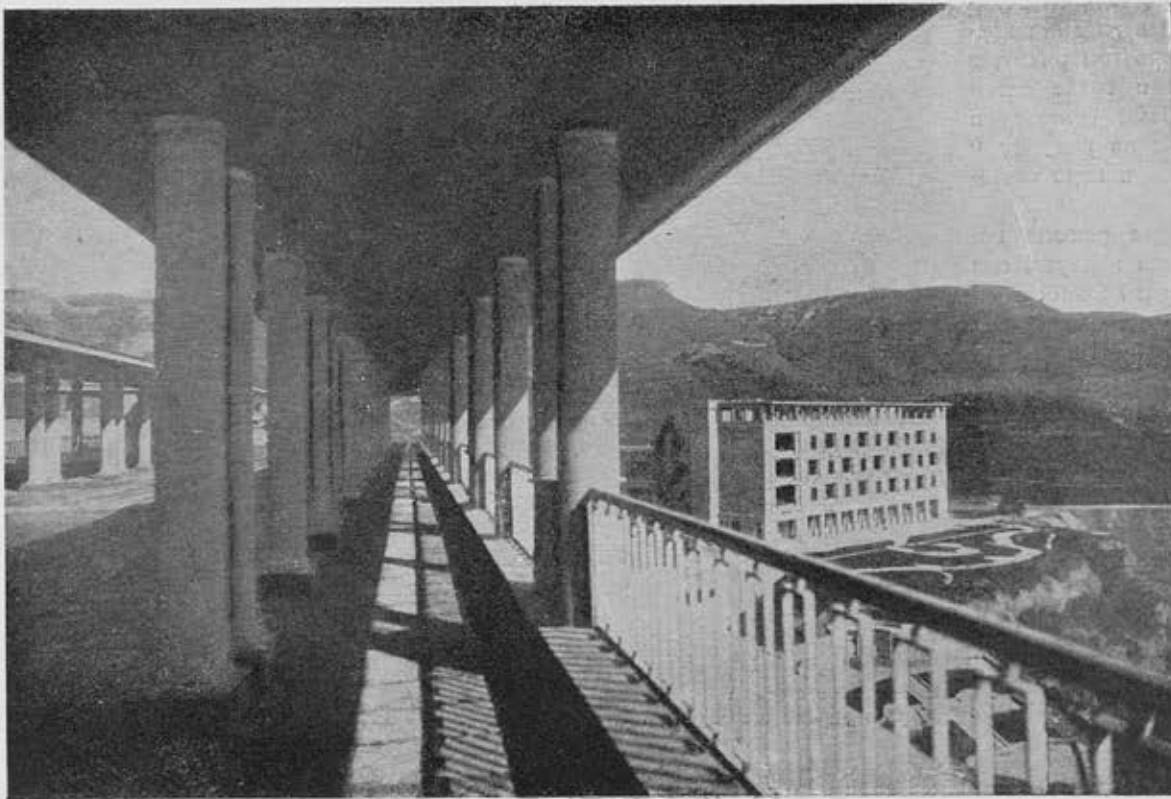
План тип.вого этажа
второго „режимного“ корпуса

Plan de l'étage-type du deuxième
bâtiment pour malades „au régime“

План 4-го этажа
первого „режимного“ корпуса

Plan du premier bâtiment pour
malades „au régime“. 3-me étage





Санаторий
Наркомтяжпрома
в Кисловодске
Пергола первого
„режимного“ корпуса

Sanatorium
du Commissariat
du peuple
à l'industrie lourde
à Kislovodsk. Pergole
du premier bâtiment



Фасад второго
„режимного“ корпуса

Façade du deuxième
bâtiment pour
malades „au régime“

Общий вид
с восточной стороны

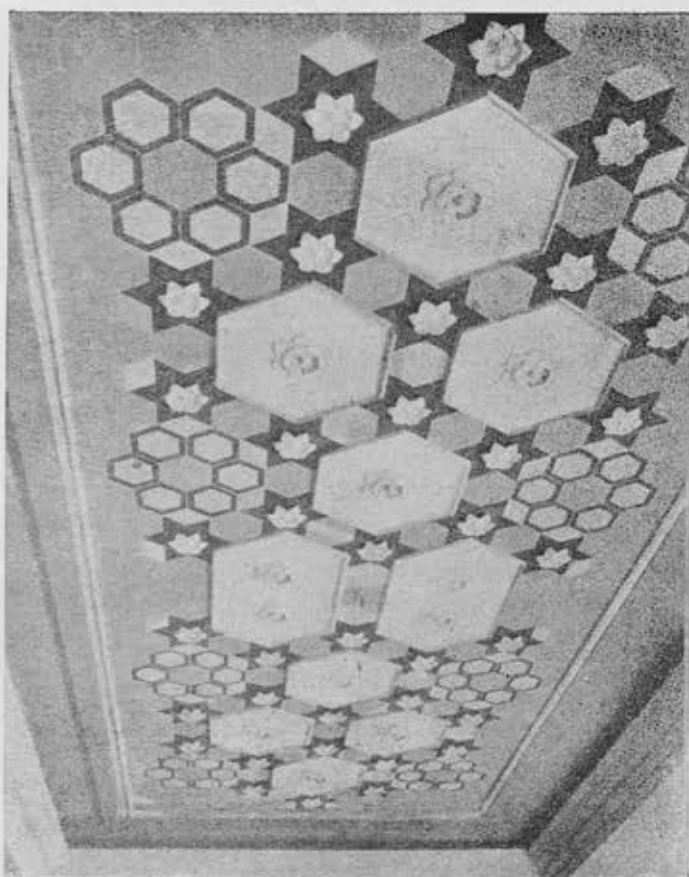


Vue générale prise
de l'est

Задний фасад
второго
„режимного“ корпуса



Façade postérieure
du deuxième bâtiment



Санаторий
Наркомтяжпрома
в Кисловодске
Потолок в
вестибюле столовой

Sanatorium du
Commissariat du
peuple à l'Industrie
lourde à Kislovodsk
Plafond du vestibule



Вестибюль второго
„режимного“
корпуса

Vestibule du
deuxième bâtiment

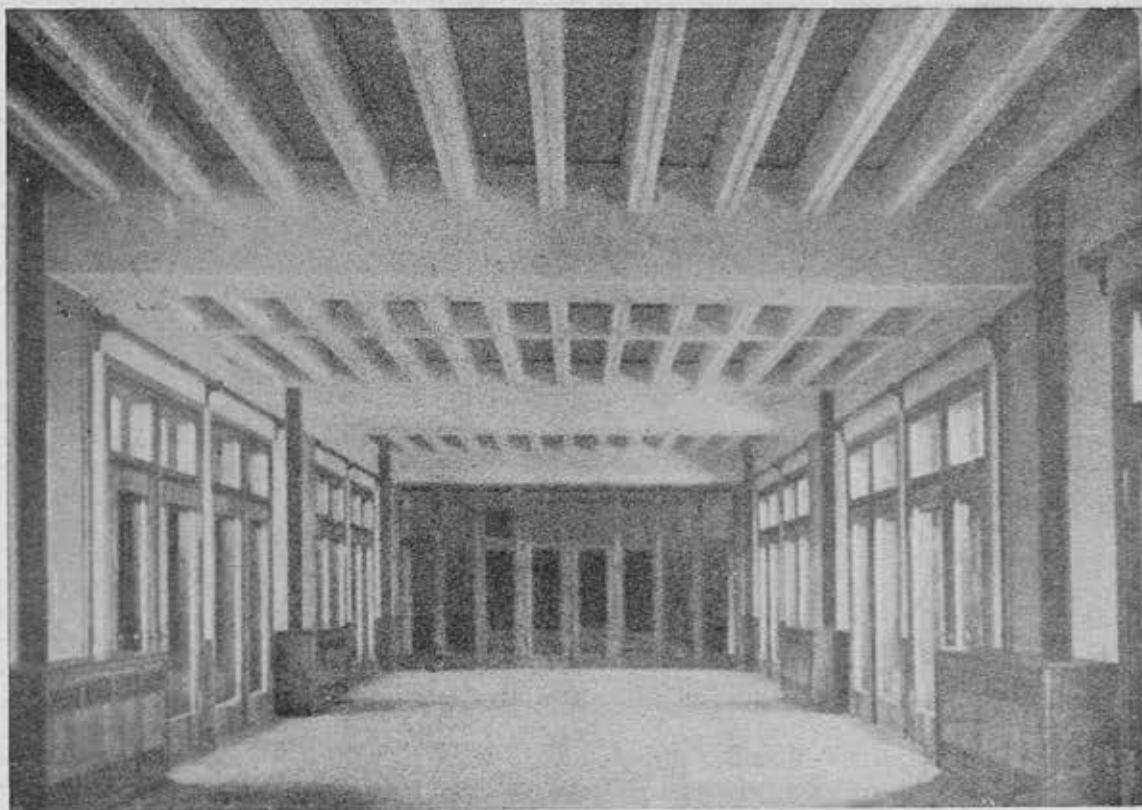
что лестница плохо увязана с ведущей к ней еловой аллеей. Совершенно не оправдано при общем центральном симметричном решении лестницы использование в качестве единственного подхода к ней асимметричного бокового пандуса.

Колоннада главного корпуса, обрамляющая террасу перед столовой, решена достаточно сдержанно. Эта колоннада, а также лестница перед лечебным корпусом, галереи подпорной стены у главного корпуса и перголы плоских крыш служат, помимо своего утилитарного назначения, для связи внутреннего пространства с наружным и пластически выделяют многоярусные корпуса. Подпорные стенки из доломита еще больше содействуют выявлению архитектуры зданий на фоне горного ландшафта. Доломит обработан самым различным способом — под бухарду, под зубатку, под шубу, с чистой и получистой теской камней, с применением различных приемов кладки: армянской, циклопической, римской и смешанной. Особенно привлекательна армянская кладка в служебных корпусах, прекрасно выделяющаяся на гладких поверхностях стен. Весь комплекс служебных корпусов с подпорными стенками и лестницами, снизу из района Буденовки, воспринимается как законченный ансамбль, хорошо вписанный в рельеф.

Общему благоприятному впечатлению от санатория способствует продуманное решение самых незначительных на первый взгляд деталей. Так, крыши в большинстве кисловодских санаториев, доступные для обозрения с более высоких точек, хаотически загромождены трубами вентиляции и дымоходов. В санатории Наркомтяжпрома все крыши плоские. Они покрыты плитками с насаженной в широких швах травой и выделенными в отдельных частях садами с цветниками и газонами. В тех частях, которые не используются для прогулок и отдыха больных, они покрыты гравием. Вынесение котельной в отдельное здание дало возможность полностью удалить дымовые трубы, а тонкие вентиляционные трубы увязаны с фасадами.

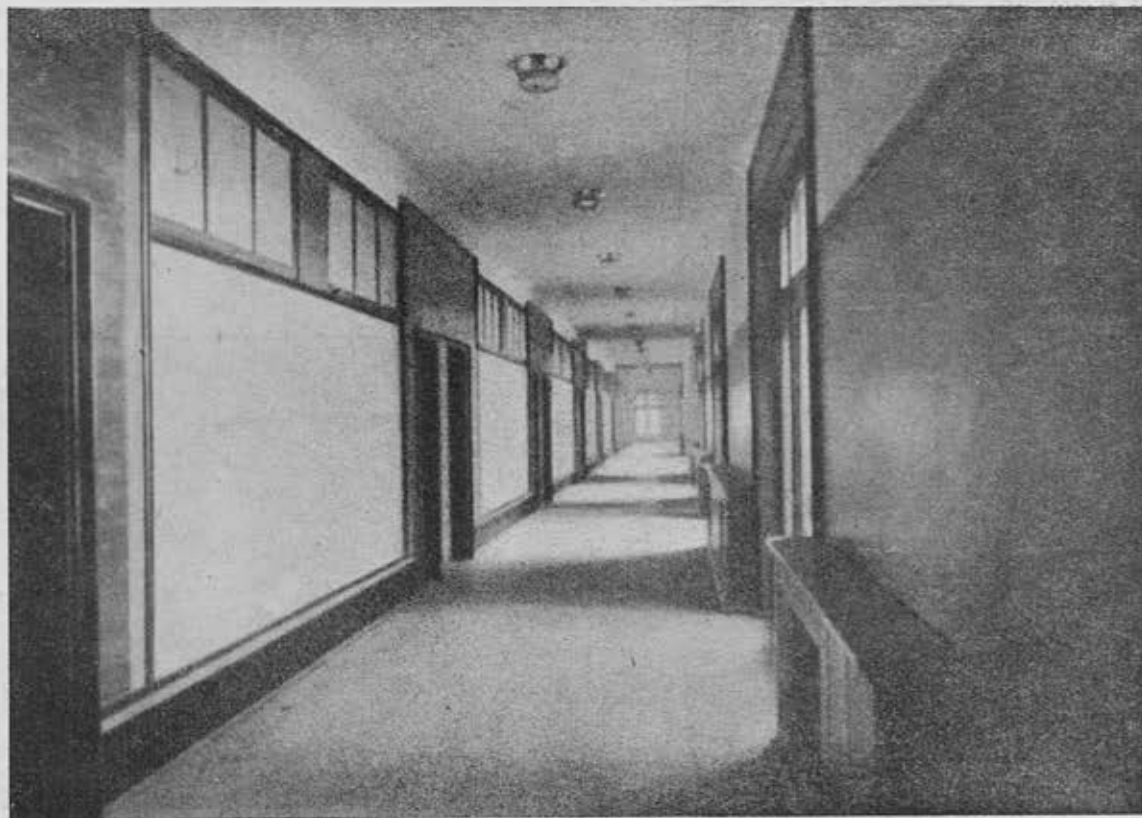
При ознакомлении с интерьерами трех главных корпусов (главный, лечебный и семейный), внимание привлекает прежде всего холл семейного корпуса. В центре холла газон с гравийными дорожками, в нише

Соединительная
галерея первого
«режимного» корпуса

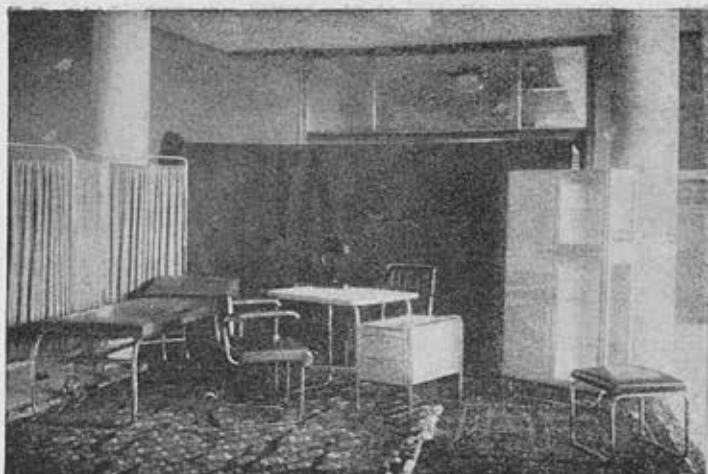


Galerie du premier
bâtiment

Коридор



Corridor



Санаторий
Наркомтяжпрома
в Кисловодске
Мебель
лечебного корпуса

Sanatorium du
Commissariat du
peuple à l'industrie
lourde à Kislovodsk
Meubles de la section
de traitement

стены — фонтан. Приятный по цвету, потолок «со снежинками» и двери, обрамленные деревянными колонками, довершают прелесть этого дворика, который служит как бы промежуточным звеном между парком и помещениями и незаметно подводит зрителя к внутренней архитектуре. Лестница, заключенная в деревянные панели с мягкими дубовыми ступенями и точеными балясинами, вводит посетителя внутрь здания.

Из помещений этого корпуса необходимо отметить наполненную светом и воздухом высокую столовую и ряд помещений общего пользования, хорошо расположенных около главной лестницы по этажам.

Ячейка семейного корпуса состоит из двух комнат, общей площадью до 45 м², с отдельными выходами в тамбур. Каждой ячейке придан самостоятельный балкон-лоджия. Стены ячеек окрашены с исключительным мастерством клеевой краской под штофные обои. Ячейку обслуживает прекрасный санитарный узел, выполненный по специальным рисункам целиком на советских заводах. Ванны вделаны в нишу стены, облицованную черным и белым мрамблитом.

В главном корпусе хочется отметить прекрасные, светлые помещения общего пользования. Группируясь у главной лестницы, они образуют анфиладу различных по высоте и размерам пространственных отрезков. К сожалению, центральный вестибюль с двусветным холлом несколько занижен. Односветные коридоры решены в главном корпусе несрав-

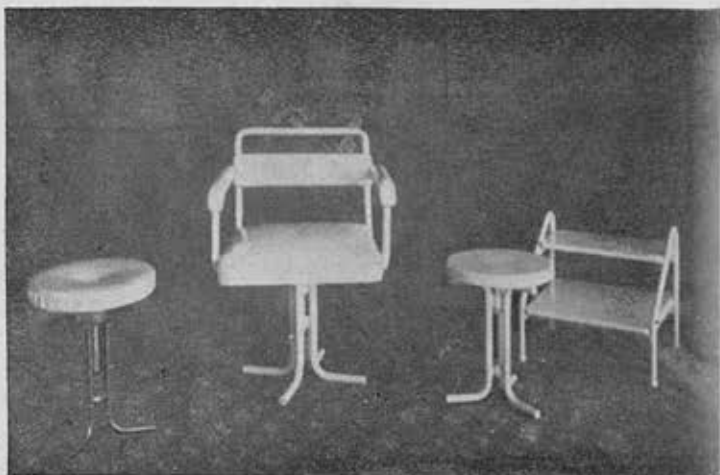
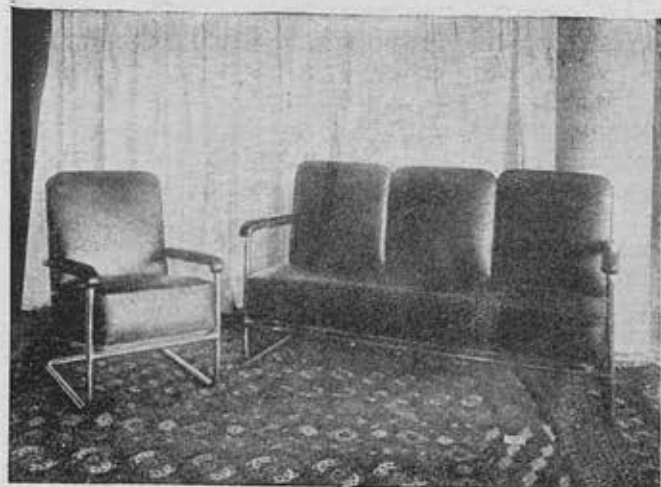


Плетеная мебель

Meubles en paille
tressée

Мебель лечебного корпуса

Meubles de la section de traitement



ненно удачнее, чем в семейном. У части одиночных ячеек здесь коридор превращается в открытую гостиную с большой лоджией. Интересно и оформление колоннадой коридора полуторных ячеек.

Разнообразно, по-новому решены в цвете и обработаны лепниной колонны и потолки. Особенно удачна обработка потолка столовой и гостиной перед нею. Сама столовая хороших пропорций. Менее удачно оформление зала кино. Модернистское решение потолка в этом случае выпадает из общего стиля санатория. Стены оформлены хорошо подобранным мрамором исключительно высокого качества отделки.

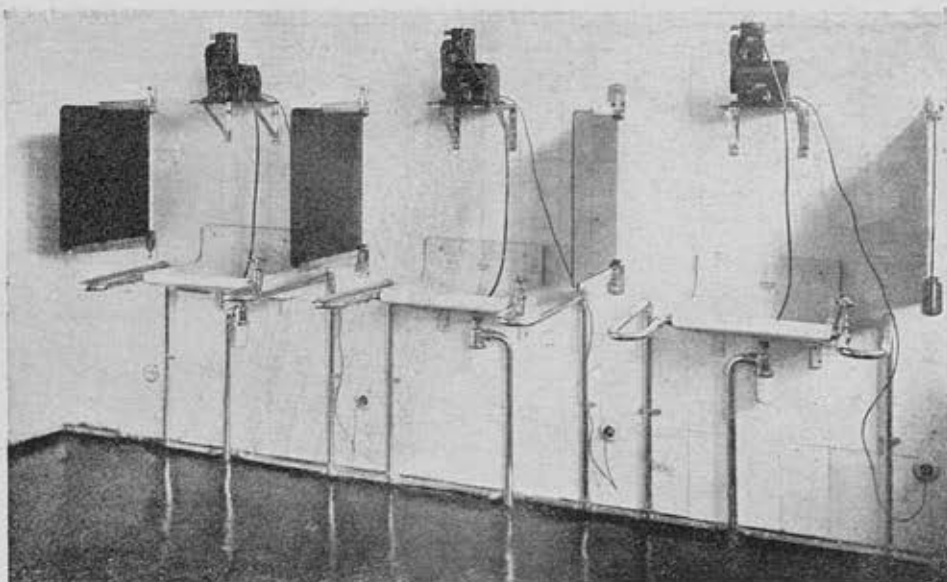
Очень хорошее впечатление оставляют ячейки главного корпуса. Лучшая из них полуторная, общей площадью в 33 м². Благодаря сочетанию большой ниши-комнаты с лоджией, последняя гармонически сливается с планировкой всей ячейки.

Во внутреннем оформлении лечебного корпуса, расположенного между двумя режимными корпусами, допущена некоторая неоправданная помпезность. Необычайно широкая главная лестница, имеющая всего два марша, приводит во втором этаже в сильно заниженное помещение. Нежные цвета мрамора, которым выложены стены, пол и лестница в вестибюле, не вяжутся с яркой окраской потолка и тонким деревянным карнизом.

В круглой части лечебного корпуса нарзанных ванн, с открытым внутренним двориком и фонтаном, тонкая, прозрачная стеклянная стенка отделяет открытый дворик от помещения ванн. Ваннющие кабины перебиваются нишами для отдыха. При одинаковом рисунке окраска потолка в каждой нише индивидуальная. Очень интересна и мозаика пола с изображениями морских животных. В лечебный корпус включен плавательный бассейн. К сожалению, отделка этого помещения несколько груба: черный мрамор в сочетании с белыми плитками и металлической окантовкой здесь выделяется излишне резко.

Общим недостатком, бросающимся в глаза по всем корпусам, является однообразная и плохо подобранная электроарматура.

В заключение необходимо отметить полную функциональную опрzedанность внутренней планировки кор-



Ингаляторий

Cabinet pour inhalations

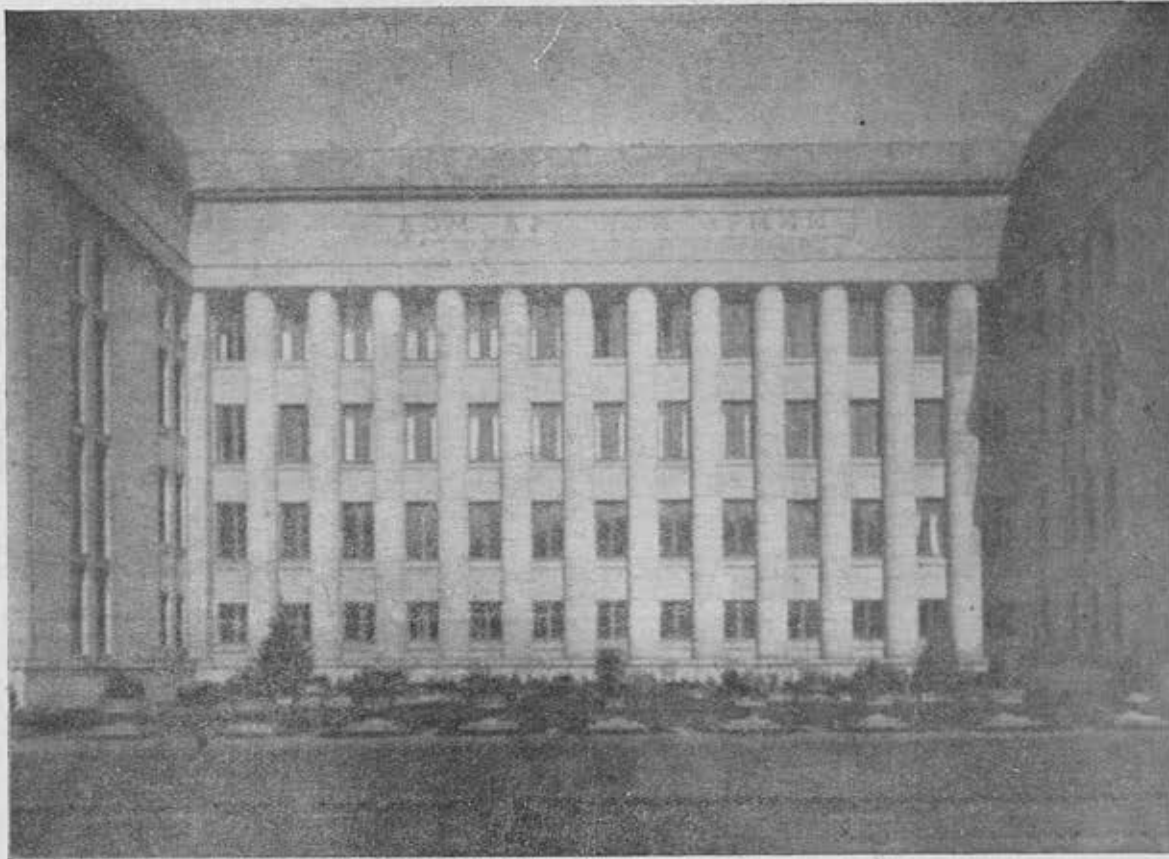
пусов, а также высокое качество отделочных работ, сказывающееся в мельчайших деталях. Санаторий Наркомтяжпрома, выполненный бригадой мастерской проф. М. Я. Гинзбурга,

многому может научить как строителя, так и архитектора, и, несомненно, является одним из лучших образцов нашего санаторного строительства.

Спальная комната первого „режимного“ корпуса



Chambre de malades du premier bâtiment



Дом Красной армии
в Минске
Главный фасад
Арх. И. Г. Лангбард

Maison de l'Armée
rouge à Minsk
Façade principale
Arch. I. G. Langbard

ДОМ КРАСНОЙ АРМИИ В МИНСКЕ

ИГН. ХВОЙНИК

Новый дом Красной армии в Минске является реализованной частью широкого архитектурного замысла, завершение которого явится большим событием в реконструкции столицы Советской Белоруссии.

Дом расположен на великолепном возвышенном участке, и главные его фасады (со стороны сквера — законченный уже фасад, и со стороны парка — противоположный, входящий в композицию еще не законченного театра) воспринимаются в свободной и глубокой перспективе. По замыслу он должен стать стержнем планировки большого, целостного ансамбля, и в такой именно связи осмысливается

подчеркнутая репрезентативность сооружения второй очереди (театр с широким лестничным спуском). Эта опорная роль минского дома Красной армии в будущем ансамбле заслуживает самостоятельного и подробного рассмотрения.

Новый дом отвечает задаче культурно-политического обслуживания Красной армии с импонирующей полнотой и многогранностью. Под одной кровлей, в структуре одного пространственного организма нашло себе место обслуживание самых разнообразных процессов: физкультурных, зрелищно-художественных, учебных, общебытовых.

Здесь расположились: большой кино-концертный зал и библиотечный сектор с великолепно обставленной читальней, книгохранилищем и помещениями для обработки книг; бассейн для плавания — один из крупнейших и лучших в Союзе, и танцевальный зал; бильярдные и парткабинеты; зал тяжелой атлетики и лаборатории с новейшими техническими приспособлениями и аппаратурой

для физических и химических опытов; детский сектор и комплекс жилых помещений для гостей; сектор питания с разветвленной системой богато оборудованных помещений и лекционно-учебная группа с аудиторией, классами, рекреационным залом и учительской; гостиные, комнаты для игр и многочисленные помещения более узкого, функционального назначения. На всем — печать большого размаха и щедрого замысла.

Было бы затруднительно определить, какой сектор из перечисленных должен быть отмечен в качестве носителя основного и ведущего мотива, подчиняющего себе все остальные звенья богатой и сложной архитектурной темы.

Множественность функций Дома синтезируется в идее гармонического человека, дисциплинированного и подлинно свободного, морально и политически стойкого, физически и интеллектуально полноценного, — каким является боец самой сознательной, самой несокрушимой армии в мире — нашей доблестной Красной армии.

Стоявшая перед автором задача — воплотить в цельном архитектурном образе это многообразное содержание сооружения и его синтезирующую идею — представляла собой, конечно, большую творческую сложность.

Как же справился автор (арх. И. Г. Лангбард) с этой задачей?

Общественный характер сооружения ясно выражен в наружной архитектуре Дома. Разворот главного фасада (со стороны городского сквера) в простой трехчленной конфигурации массивов, с неглубоким прямоугольным курдонером дает четкую и строгую пластику основных объемов и крупного торжественного членения их плоскостей.

Видно, что автор стремился смягчить некоторую сухость решения фасада. Однако архитектору не удалось вытравить до конца явно ощутимые следы схематизма. Не надо забывать при этом, что проектирование в данном случае было в известной мере стеснено наличием ранее существовавшего остова старого здания, и по сути задача проекта в значительной мере была задачей более или менее радикальной переработки частей старого, изрядно тусклого сооружения. В итоге архитектор не сумел избежать компромисса между художочным конструктивизмом и сдержанно-классицизирующими приемами.

След этого компромисса резче всего отложился на архитектуре основного, среднего массива, крупная фасадная сторона которого расчерчена однообразной сеткой окон. Мотив трехчетвертных колонн, протянутых по высоте всех четырех этажей, равно как и графика легкой рустовки, вносят в облик этого фасада заметное оживление: его горизонтальный прямоугольник приобретает свой ритм и пластически обогащается игрой светотени.

Однако эти двенадцать колонн, равномерно «прочесывающих» все 13 вертикальных рядов окон, по сути ничего не меняют в безразличном геометризме решения основной части главного фасада: они лишь на свой манер закрепляют, а пожалуй, и усиливают его механический ритм, ни в малой мере не содействуя расшифровке внутреннего содержания сооружения. Какое в самом деле содержание «читается» зрителем за этим однообразием колонн, за этой



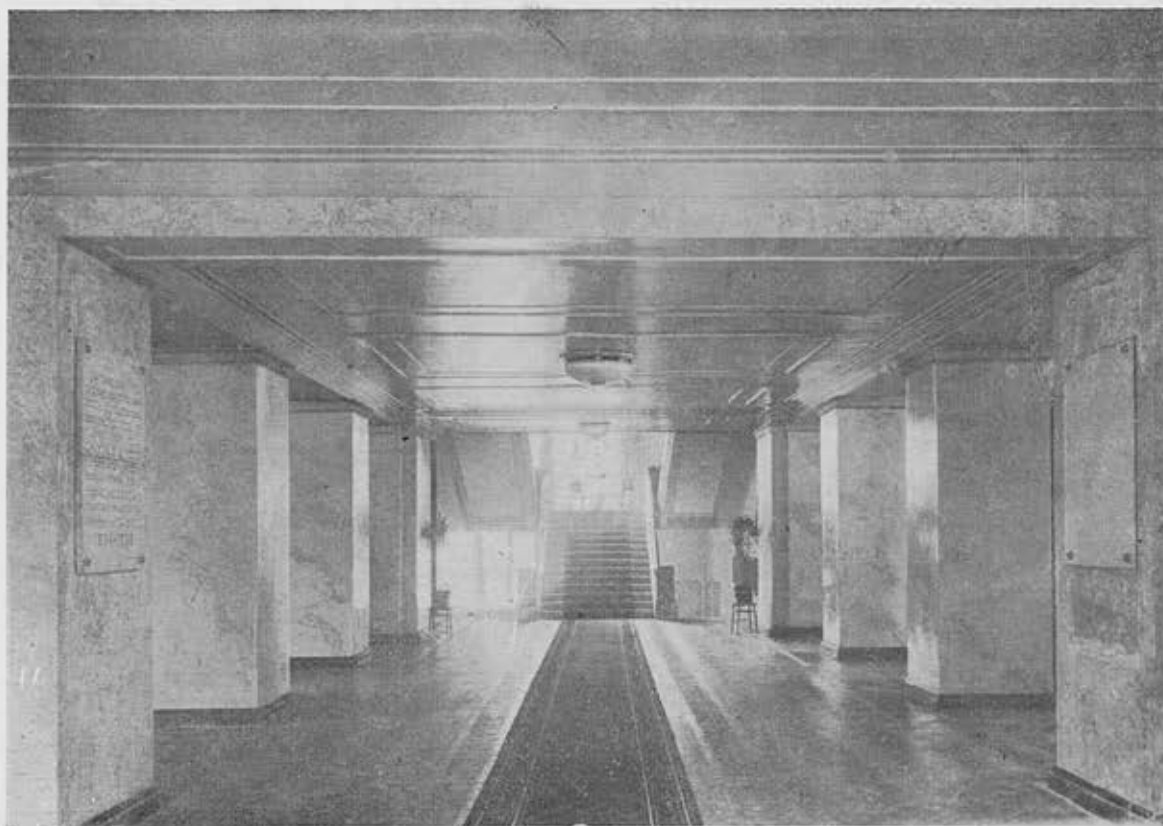
Фасад со стороны сквера

Façade donnant sur le square

Боковой фасад



Façade latérale



Дом Красной армии
в Минске
Вестибюль

Maison de l'Armée
rouge à Minsk
Vestibule

сеткой окон без акцентировок в какой-либо части, если не считать их нижнего, цокольного ряда, за которым угадывается приземистый вестибюль.

Общая сухость и монотонность центральной части фасада значительно смягчается композицией боковых крыльев, где расположены два главных входа. Они обработаны широкими порталами, облицованными черным полированным гранитом. Надо, однако, отметить, что связь этих порталов с архитектурой целого терпит сильный урон из-за резкого контраста глубокого черного тона полированного гранита и светлосерого тона всего здания. Цветовое взаимодействие основных и подчиненных объемов в данном случае не предусмотрено с надлежащей вдумчивостью. Порталы зрительно вытесняются из архитектурной массы; они кажутся механически прилаженными тяжелыми тамбурами, неизвестно откуда взявшимися широкими блоками камня, застрявшими в чересчур узких отверстиях входов.

По контрасту с ними следует отметить весьма кстати примененный

мотив балкона, скромного, но хорошо найденного в пропорциях.

Налет аскетизма и сухости в наружной архитектуре Дома был бы более значительно смягчен, если было бы уделено подобающее внимание проблеме синтеза. Если не считать рельефных изображений двух красноармейских звезд, укрепленных на порталах главных входов, скульптура вовсе не нашла себе места в композиции Дома. Между тем, видная роль Дома в будущем ансамбле, казалось бы, подсказывала использование скульптуры, тем более, что иные участки фасада производят впечатление загодя предусмотренных гнезд для включения рельефных декоративно-образных мотивов. Так именно воспринимаются довольно широкие «слепые» ленты фризов боковых крыльев, словно ждущие заполнения. Введения самостоятельных пластических мотивов требовало и пространство предфасадной площадки. Оформление ее в своем настоящем виде не может считаться сколько-нибудь удовлетворительным — оно по меньшей мере не завершено и, повидимому, имеет временный характер. Ком-

позиция из горизонтальных, небольшого диаметра парковых ваз, низких каменных скамей и клумб представляется по отношению к высоте охватывающих граней фасада приземистой, никлой и бестелесной. Здесь нужны были бы более высотные построения, более весомые и плотные формы и более «мясистая» пластика, которая бы не хирела в солидных масштабах курдонера.

Попутно нельзя не отметить, что входящие в композицию площадки два колоннообразных фонаря, весьма недурные по пропорциям и стилиевой увязке с фасадом, немасштабны.

Связь со старым сооружением оказалась для решения внутренней планировки нового дома, пожалуй, еще более стеснительной, чем для наружной архитектуры. Многие проектировщик в этом случае устранить не мог, так например, низко нависшим потолком первого этажа обусловлено несколько давящее впечатление от вестибюля сравнительно большой протяженности. Не помог тут и корректив, внесенный удачным расчленением пространства вестибюля и разгрузкой большой плоскости по-



Salle des colonnes

толка. Однако вестибюль в целом все же решен удовлетворительно, своеобразный торжественный ритм ему придают два ряда массивных столбов, облицованных розовым искусственным мрамором.

Бросается в глаза и ряд более мелких конструктивных недочетов интерьера (как например, расположение против лестницы окна, сдвинутого относительно оси марша, разный уровень двух частей потолка в фойе аудитории и некоторые другие). Со всем неоправданным представляется уродливый выгиб, допущенный архитектором в продольной стене большого фойе кино; эта «изнанка» эстрадного сегмента, вырезанного в киноконцертном зале, обнажена в фойе без крайней необходимости — следовало, если не совсем избежать этого недочета, то, по крайней мере, замаскировать его, не портя стены прекрасного помещения.

Все эти частные минусы не имеют, впрочем, сколько-нибудь решающего значения для характеристики внутренней планировки в целом. Более значительным и более принципиальным недочетом всей планиров-

ки является отсутствие крупного интерьерного стержня, некоего централизованного пространственного ядра, от которого шло бы разветвление отдельных групп помещений и более специальных частей, разобщенных лестничными маршами и коридорными переходами. Отсутствие больших перспектив и пространственных разворотов мешает осознанию связи отдельных частей внутренней планировки и сильно препятствует впечатлению их единства.

Однако, несмотря на ряд недочетов в расположении и взаимной связи внутренних помещений, несмотря на неосновательное порою сокращение одних групп помещений в пользу других (так например, малы и явно «зажаты» помещения общих гостиных), Дом располагает рядом великолепных интерьеров, просторных и светлых, отвечающих всем требованиям массового культурного обслуживания.

В числе интерьеров, наиболее цельных по замыслу и единству стиля, привлекают внимание следующие: бассейн, отлично облицованный плитками, снабженный вышкой и вообще

тщательно оборудованный; читальный зал, один из наиболее целостных по решению и импозантных интерьеров Дома Красной армии (проект художника Л. Ю. Кроль); бильярдная и шахматная комнаты, где с большим тактом использованы декоративные свойства разных пород дерева (проект художника П. В. Щепанского); спортивный зал; парадная гостиная; танцевальный зал (арх. Калнин). Здесь же должны быть отмечены лаборатории, тщательно и вдумчиво отделанные и технически прекрасно оборудованные.

Один из самых крупных и ответственных интерьеров — киноконцертный зал на 500 человек — производит своей архитектурной обработкой и оформлением впечатление банальности замысла и неоправданной скудости решения (сухо и бедно проработанный мотив пилястр, скука большой нерасчлененной плоскости потолка, мелкий и чересчур легкий карниз рамп, жиденькая по лепке обработка балкона, «дешевый» стандартный тип кресел и т. п.).

Не в пример наружной архитектуре Дома обработка интерьеров



Дом Красной армии
в Минске
Гино-концертный зал

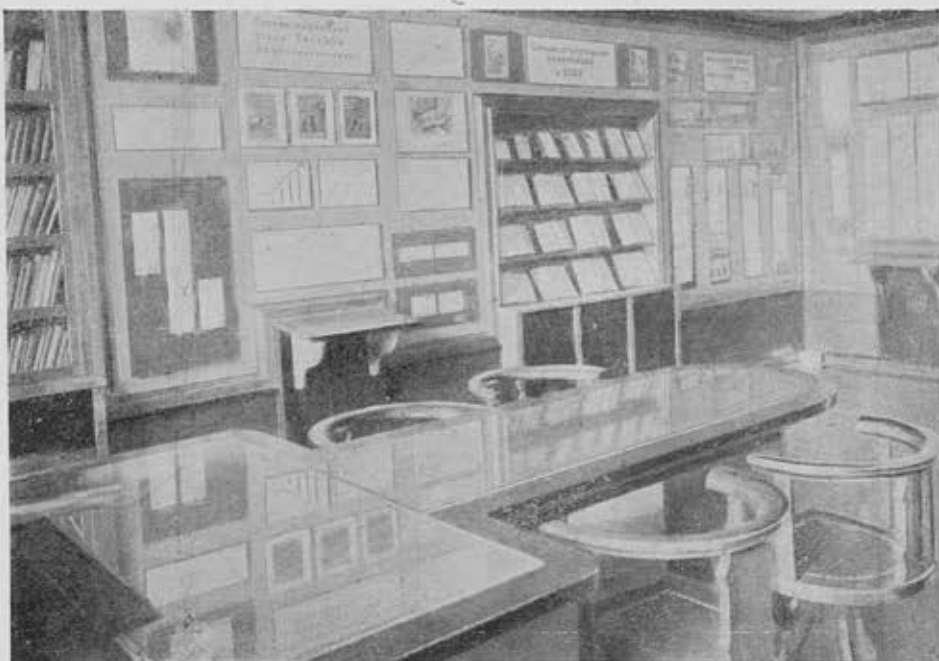
Maison de l'Armée
rouge à Minsk
Salle de cinéma et
de concert



Фойе
Барельефы скульпт.
Глебова и Орлова
Мебель по проекту
хвд. Л. Ю. Кроль

Foyer
Bas-reliefs par
sculpteurs
Glébov et Orlov
Meubles d'après les
dessins du peintre
L. J. Krol

Консультационная комната парткабинета



Cabinet de consultation

свидетельствует о значительно большем внимании к проблеме синтеза и об эффективном в ряде случаев использовании скульптуры и живописи. С большим художественным тактом использованы скульптурные мотивы в фойе кино (фриз из рельефных вставок на сюжеты технической оснащенности Красной армии); в парадной гостиной (картуши); в читальном зале и аудитории (барельеф «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин», работы скульптора Г. Д. Алексеева); в помещении бассейна (барельефы вдоль балкона на сюжеты водного спорта, работы бригады скульптора Мотовилова).

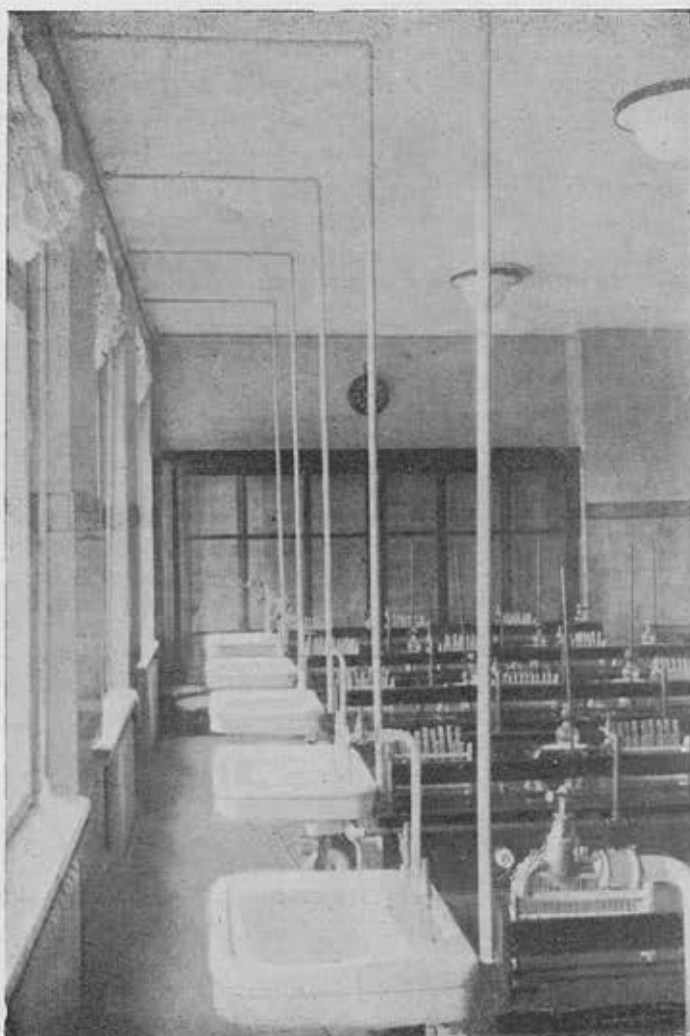
В большой зал спорта, суховатый по самому характеру своей специфической аппаратуры, внесен сильный художественный аккорд двумя крупными монументальными панно, заполняющими поверхность поперечных стен («Кросс» и «Физкультурный парад», работы художника А. Дейнека). Своим мужественным стилем и четким композиционным ритмом эти панно хорошо увязываются с общим стилем спортивного зала. Одна из стен зала тяжелой атлетики украшена большой двенадцатифигурной композицией худ. В. Н. Яковлева.

В обработке помещений широко применена деревянная обшивка стен с использованием разных пород дерева. Каменный пол в вестибюле снабжен

Читальный зал
Оформление
по проекту
худ. Л. Ю. Кроль
Барельеф скульпт.
Г. Д. Алексеева



Salle de lecture
Décoration d'après
le projet du peintre
L. J. Krol
Bas-reliefs
par sculpteur
G. D. Alexéev



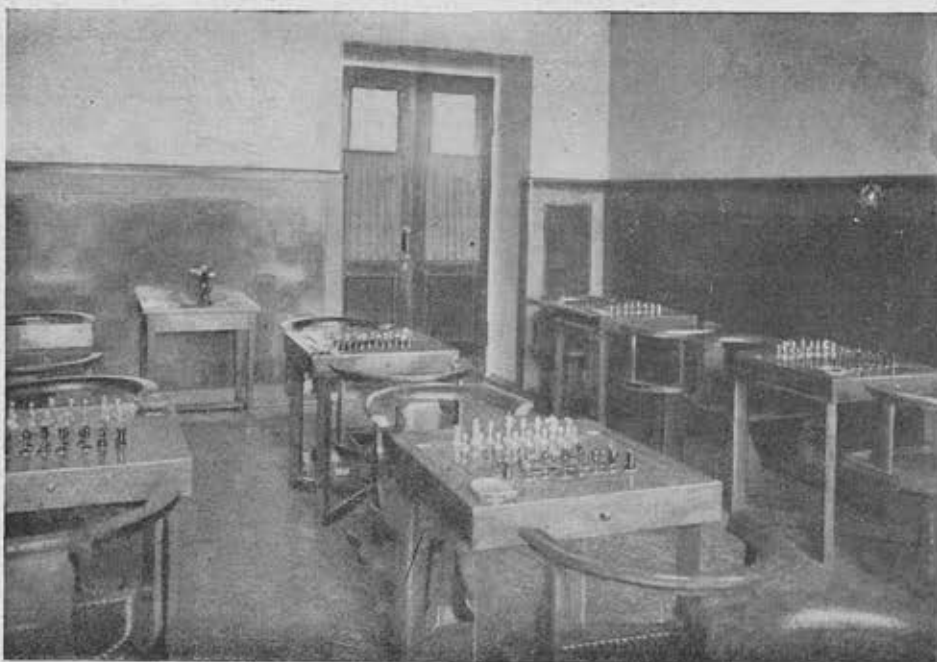
Дом Красной армии
в Минске
Химический кабинет

Maison de l'Armée
rouge à Minsk
Cabinet de chimie

мозаичным узором; в ряде помеще-
ний паркет и деревянные панели об-
работаны прекрасно выполненными
инкрустационными вставками. Обра-
щает на себя внимание исключитель-
но широкое и разнообразное исполь-
зование архитектурной керамики и
разноцветного стекла в облицовке по-
мещений санитарно-гигиенического и
узкотехнического назначения. Обли-
цовочные работы по качеству выпол-
нения заслуживают самой высокой
оценки. В этой связи хотелось бы
вообще особенно подчеркнуть выдаю-
щуюся работу белорусских штукату-
ров, облицовщиков, краснодеревцев,
столяров, плотников, маляров, прини-
мавших участие в строительстве мин-
ского Дома Красной армии.

В порядке контраста приходится
отметить явную небрежность в под-
боре мотивов лепных деталей и укра-
шений, за исключением тех немногих
случаев, где лепная обработка потол-
ков, карнизов и капителей была пред-
метом специального внимания отдель-
ных художников и мастеров (как на-
пример, в танцевальном колонном за-
ле). Нельзя же считать «художествен-
ной» обработкой потолка прием кан-
целярской «окантовки» его центра
простой квадратной тягой. Этим скуд-
ным приемом проштамповано изряд-
ное количество потолков (даже в дет-
ском секторе).

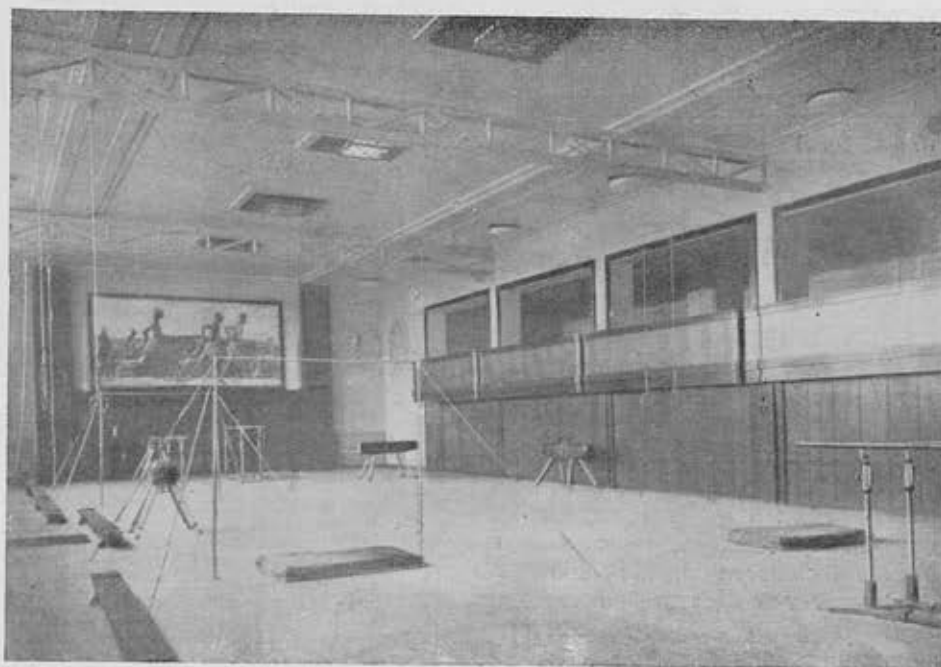
В выполнении художественных



Шахматная комната
Оформление по проекту
худ. П. В. Щепанского

Salle d'échecs
Décoration d'après le projet du peintre
P. V. Schépanski

Физкультурный зал



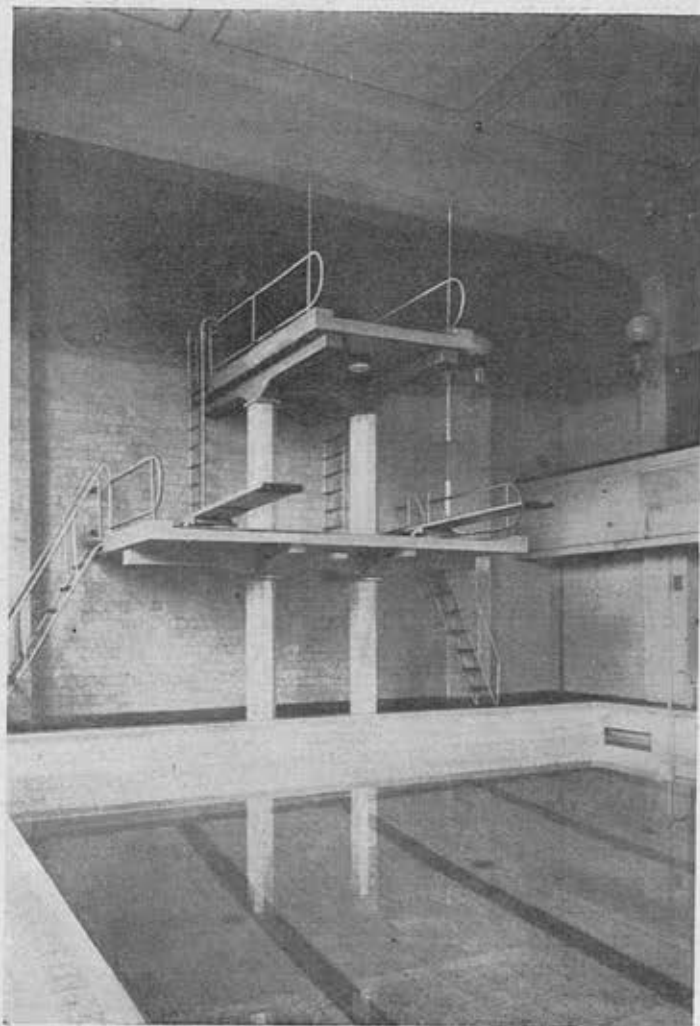
Salle de gymnastique

заданий по Дому Красной армии участвовали: из минских мастеров — художник Л. Ю. Кроль, скульпторы — Глебов, Орлов, Азгуз, арх. Калнин. Из московских художников был привлечен П. В. Щепанский, принимавший более широкое участие в проектировании оформления, в руководстве цветовой обработкой интерьеров и отделочными работами. Кроме того из москвичей привлекались: художники А. Дейнека, В. Н. Яковлев, П. М. Шухмин, скульптор Мотовилов с бригадой и Г. Д. Алексеев.

И все же участие хороших художественных сил не гарантировало интерьеры Дома от стилевой разногласности. Это прямое следствие отсутствия единой художественной «режиссуры», единого руководства в определении частных художественных заданий. В убранстве и оборудовании помещений (и прежде всего в мебели и осветительной арматуре) диапазон стилевых колебаний получил особый размах — от солидного «ампира» до жеманной графики «модерна», от рококо до конструктивизма.

Хочется думать, что в дальнейшем эта дисгармония будет смягчена и будет достигнуто более цельное сочетание всех отдельных элементов интерьера минского Дома Красной армии, — этого нового культурного сооружения в столице Советской Белоруссии.

Бассейн



Bassin

НОВЫЕ МОСКОВСКИЕ ЖИЛЫЕ ДОМА

Н. НАРСКИЙ

Дом Наркомсвязи

Жилой дом Наркомсвязи по Сретенскому бульвару (арх. Вейс и Шасс) решен в очень примитивных формах. Архитекторы мало заботились о внешности здания, они довольствовались достаточно элементарными деталями. Достоинством композиции является лишь обработка торцевой стороны. Обычно у нас хорошо отделяют одну фасадную плоскость, не учитывая ее сопоставления с глухим неоштукатуренным торцом. В доме по Сретенскому бульвару, в силу архитектурной «завязки» углового возвышенного массива, фактически воспринимается весь объем здания в целом.

Основным ритмическим ударом фасада здесь являются лоджии, сгруппированные по-двое на основной плоскости и повторенные на угловом объеме в сконденсированном сильном пятне. Так как на «торце» этого объема введены по оси его лоджии — здание приобретает композиционное единство. К сожалению, авторы не сумели углубить и усилить положительных черт общего архитектурного приема в пропорциях и деталях здания.

Пропорциональные членения по высоте лишены ясной схемы (нарастание или убывание) и вносят известную долю путаницы в организацию плоскости. Прорисовка тяг, наличников, балюстрад и карнизов и их сопоставление не всюду достаточно логичны. В частности, неприятное впечатление оставляет постановка балюстрады балконов непосредственно на горизонтальную тягу фасада вместо плиты балкона. Не продуманы некоторые тяги и в практическом отношении — неудачный закругленный профиль их без обработки верха железом приводит к образованию потеков, безобразящих фасадную плоскость.



Жилой дом Наркомата связи
на Сретенском бульваре в Москве
Общий вид

Арх. Ю. Е. Шасс, Е. Т. Вейс

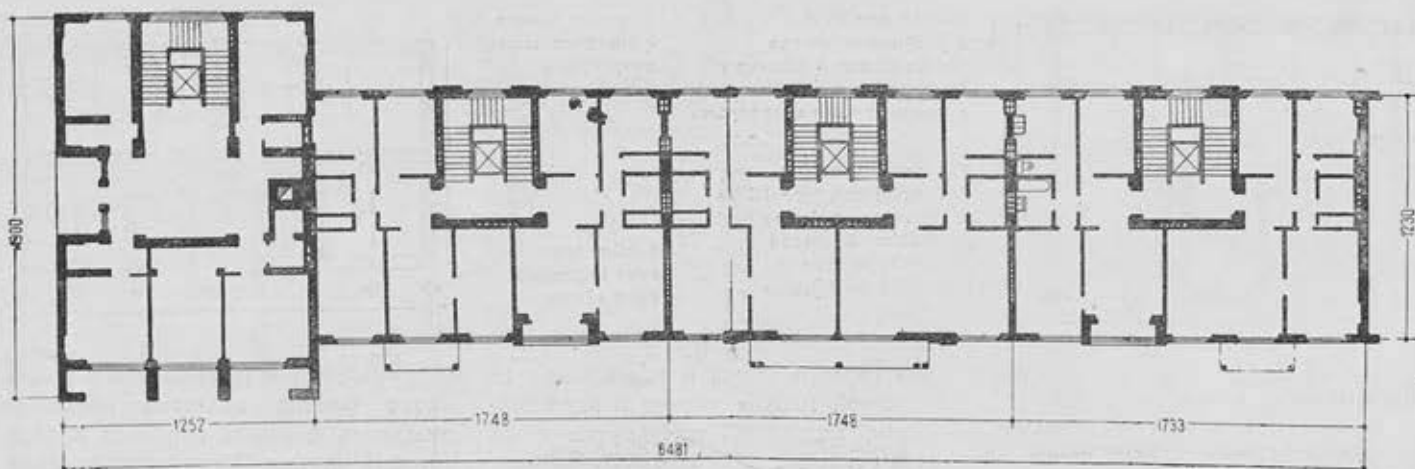
Maison d'habitation du Commissariat
du peuple aux P.T.T. boulevard Srétenski
à Moscou. Vue générale

Arch. J. E. Schasse, F. T. Weiss

Деталь фасада



Détail de la façade



План типового этажа

Plan de l'étage-type

Внутри здания имеются квартиры типовые и нетиповые. Квартиры нетиповые при хорошей по качеству работ внутренней отделке комнат и санитарных узлов не блещут большими художественными достоинствами.

Типовые квартиры достаточно удобны по планировочной схеме, но качество отделки в них гораздо ниже, чем в квартирах анфиладного типа.

Характерно для этого дома использование верхнего чердачного пространства для организации двухэтажных квартир седьмого этажа. В каждой такой квартире можно из передней полость по внутренней лестнице в оба уровня квартиры. Если бы каждый «этаж» такой квартиры имел свой санитарный узел, она была бы очень удобна для заселения двумя семьями. В нынешнем же своем виде такая двухэтажная квартира, заселяясь двумя или несколькими семьями (как это имеет место на практике), представляет известное неудобство в быту. Однако сам прием использования внутреннего объема чердака заслуживает внимания и дальнейшей разработки. В угловом приподнятом массиве дома расположена гостиничная часть, требовавшаяся по заданию и используемая сейчас как жилье обычного типа. Основной прием планировки здесь — центральный холл с расположением вокруг него сравнительно небольших по площади комнат и вспомогательных помещений. Эти центральные холлы каждого этажа приятны по пропорциям и очень просторны, но неэкономны, если учесть, что на такой холл в каждом этаже приходится

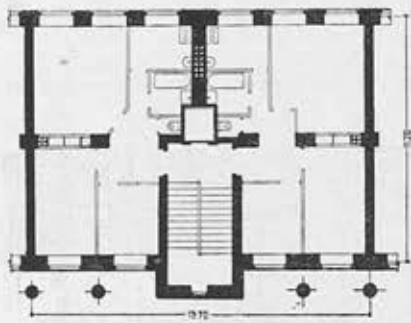
всего 4—5 небольших жилых комнат. Возможно, что большая стоимость кубометра здания (около 150 рублей) вызвана до известной степени и этим расточительным использованием полезной кубатуры дома.

Необходимо отметить чрезвычайно высокую стоимость постройки, главным образом вызванную непомерной растяжкой срока строительных работ и никак не оправданную архитектурными качествами здания.

Жилой дом ИТР и ударников завода им. Авиакхим
Москва
Фасад
Арх. Н. А. Метлин



Maison d'habitation des ingénieurs, techniciens et ouvriers de l'usine «Aviakhim» à Moscou
Arch. N. A. Metline

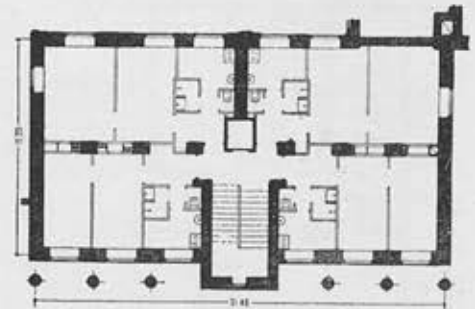


Жилой дом ИТР
и ударников завода
им. Авиахима в Москве
Типовая секция
с 3-комнатными квартирами

Maison d'habitation
des Ingénieurs, techniciens
et ouvriers de l'usine
„Aviakhim“ à Moscou
Section-type avec
logements de 3 pièces

Типовая секция
с 2-комнатными
квартирами

Section-type
avec logements
de 2 pièces



Дом завода им. Авиахима

Жилой дом завода им. Авиахима по улице «Правды» был начат постройкой еще в 1931 году по типовому проекту, имевшему малопригодную внутреннюю планировку и невзрачную фасадную схему. В процессе постройки были введены изменения и в задание, и в организацию квартир, и в систему фасадов. Надо сказать, что автору этих основных архитектурных корректировок и осуществлявшемуся типовому проекту (арх. Метлину) удалось во многом исправить недостатки, присущие безликой схеме старых типовых проектов жилых домов. Но, отмечая некоторые достоинства в решении его фасада (парадные входы с улицы, известная ритмичность и наличие определенной тектонической идеи в трактовке фасада), надо сказать все же, что в целом этот фасад нельзя признать удавшимся. Возражения вызывает прежде всего колоннада нижнего пояса дома, обрамляющая мага-

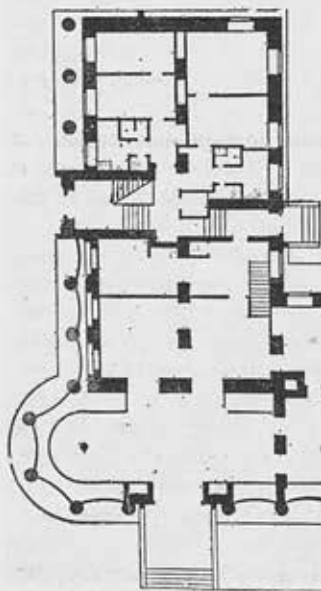
зин первого этажа и вынесенная за основной массив здания в виде галереи, заходящей полукругом и на торец дома.

Здесь ясно видно, что прием этот имеет чисто «оформительское» значение и должен был бы, по замыслу автора, ввести известную остроту и динамичность в восприятие дома. Фактически же автор введением этой галереи ничего положительного не достиг и лишь усложнил и удорожил постройку. Прием этот имел бы некоторый смысл, если бы галерея и ее закругленная часть были бы обращены в сторону Ленинградского шоссе. Тогда они играли бы некоторую роль при восприятии дома с основной и главной точки зрения. Фактически же закругленная галерея сделана с противоположной стороны. Она заслоняется соседним домом и никакой ориентирующей роли в восприятии сооружения не играет. Кроме того, что эта галерея художественно не нужна, она и практически не имеет никакого смысла. Терраса второго этажа, образованная плоской кровлей над магазином, охваченная галлереей, никак не используется ни магазином, ни жилыми квартирами, так как квартиры и террасы находятся в разных уровнях.

Следующим недостатком в разработке фасада является излишняя мощность входных порталов в лестничные клетки. Они настолько велики, что архитектор был вынужден отказаться от введения окна на первой площадке лестницы.

Планировка и размещение квартир в самом доме, а также качество отделки, оставляют желать лучшего. Серьезным недостатком в планировке квартир является размещение дверей в уборную и душевую друг против друга в узком проходе в кухню. Открываясь наружу, обе двери не дают возможности обитателям квартиры свободно разойтись в коридоре. Двери в некоторых комнатах мало благоприятствуют правильной и удобной расстановке мебели. Покраска комнат плохо согласована с их ориентацией по странам света (некоторые комнаты, обращенные на север — окрашены почему-то в темносерый цвет). Встроенные шкафы очень узки, и практически их трудно использовать. То же можно сказать и о балконах, на которых едва может разместиться один человек.

В итоге — жилой дом завода Авиахима не может быть причислен к лучшим новым жилым строениям Москвы.



План 1-го этажа

Plan du rez-de-chaussée

НОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИНТЕРЬЕРОВ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А. ГАБРИЧЕВСКИЙ

Всякий, кто посещал залы Исторического музея до их настоящей переделки, выполненной арх. А. К. Буровым, вероятно, выносил из этого посещения образ чего-то тяжелого и сумбурного. Ценнейшие экспонаты трудно было разглядеть — они были погружены в полумрак, обычно свойственный антикварным лавкам, их форма и цвет были почти неразличимы под темными сводами, сплошь записанными назойливыми псевдорусскими орнаментами. Зритель невольно терялся, не будучи в состоянии провести определенную границу между подлинником и тем фальшивым комментарием, который ему навязывали авторы росписей — ученые ревнители мнимо-народного «русского стиля» 80-х годов прошлого столетия.

Стараясь воссоздать самый доподлинный, археологически выверенный, «стиль русс», Шервуд и его сподвижники всеми средствами добились уменьшения и затемнения пространственных объемов, создали архитектурное обрамление, основанное на механическом сочетании «подлинных» элементов и орнаментального фона, состоявшего опять-таки из «подлинных» мотивов, но по большей части заимствованных из рукописных и миниатюрных источников, а потому лишенных всякой монументальности и уж, конечно, утративших все следы живого почерка, который некогда был присущ подлиннику и который бесследно стерся под руками калькировавших его стилизаторов.

Прежнее оформление не отвечало

Архитектурное оформление выставочных зал Исторического музея в Москве Зал XIII

Арх. А. К. Буров

Architecture des salles d'exposition du Musée historique Salle XIII

Arch. A. K. Bourrov



своему основному «музейному» назначению: оно, во-первых, мешало обозрению экспонатов и, во-вторых, искажало их природу, навязывая зрителю исторически ложные художественные образцы под предлогом археологической реконструкции древнерусских интерьеров.

Теперь совсем не то. Экспонаты прекрасно видны даже в самых тесных и мало освещенных залах, благодаря белым сводам и цветовому решению, которое всюду строится на удачно подобранном трезвучии: цвет стены, цвет поверхности щита и цвет его деревянного обрамления. Нигде никаких орнаментальных излишеств, нигде автор архитектурного обрамления себя не навязывает, нигде не отвлекает посетителя от созерцания выставленных предметов. Он берет слово только при входе или у выхода из каждого зала, а также в конструктивно наиболее

выразительных точках архитектурной композиции зала, главным образом в консольных капителях или угловых пилястрах, поддерживающих распалубки сводов. При всей скромности, сдержанности и лаконичности архитектурного языка, вы сразу же, однако, чувствуете, что автор поставил себе правильные задачи и что он нашел для них правильные и притом творчески значительные решения.

В целях музейного показа экспонатов, архитектор должен был добиться максимальной их освещенности. Он этого достиг введением больших белых поверхностей и цветовой композицией стен и щитов. Но кроме того необходимо было опять-таки в целях наглядности преодолеть то впечатление тесноты и придушенности, к которому стремилась школа Шервуда, пытаясь осуществить реконструкцию древнерус-



Архитектурное оформление выставочных зал Исторического музея в Москве
Зал XV

Architecture des salles d'exposition du Musée historique à Moscou
Salle XV



Вид из зала XV в зал XVI

Vue de la salle XVI prise de la salle XV

ских интерьеров. После того как была удалена прежняя отделка, обнажились пространственные объемы очень неопределенных размеров, другими словами, архитектор получил в свое распоряжение ряд помещений, очень мало характерных по своим пропорциям — помещений менее приземистых, чем это было характерно для древнерусского зодчества, и одновременно менее стройных, чем это наблюдается в ренессансной традиции. Нашему архитектору, который отнюдь не хотел идти по пути археологического натурализма и стремился к созданию современного музейного интерьера, пришлось в своих наличниках и прочих архитектурных элементах прибегать к таким пропорциям и масштабам, которые вызвали бы впечатление наибольшей стройности и наибольшего простора.

Далее, опять-таки исходя из задач музейного показа, арх. Буров отказался от включения в свою архитектурную композицию каких бы то ни было подлинных объектов или деталей. Он понимал, что, во-первых, всякий законченный архитектурный мотив, заимствованный из другого памятника и перенесенный в инородную среду, всегда, и это можно утверждать а priori, останется инородным элементом, который всегда будет выпадать из целого и прежде всего из его масштаба. Во-вторых, всякая точная копия архитектурного объекта, включенная в оформление музейного зала, неминуемо будет восприниматься как экспонат, хотя бы он и не был снабжен этикетом, и этим самым будет стерта граница между экспонатами и их современным обрамлением (достаточно указать на такие примеры, как итальянский дворик в Музее изящных искусств, где это смешение принципов создает совершенно антиисторический и антихудожественный эффект). Особенно показателен в этом отношении тринадцатый зал Исторического музея, который является самым слабым местом работы арх. Булова. Здесь архитектор без изменения включил над входом розетку из церкви в Острове, а в одну из стен — лопатки из Коломенского; розетка превратилась в музейный экспонат, совершенно излишний в общей композиции интерьера; лопатки, поддерживающие глухие арки, работают как столбы или пилястры и потому совершенно

утратили свой первоначальный архитектурный конструктивный смысл.

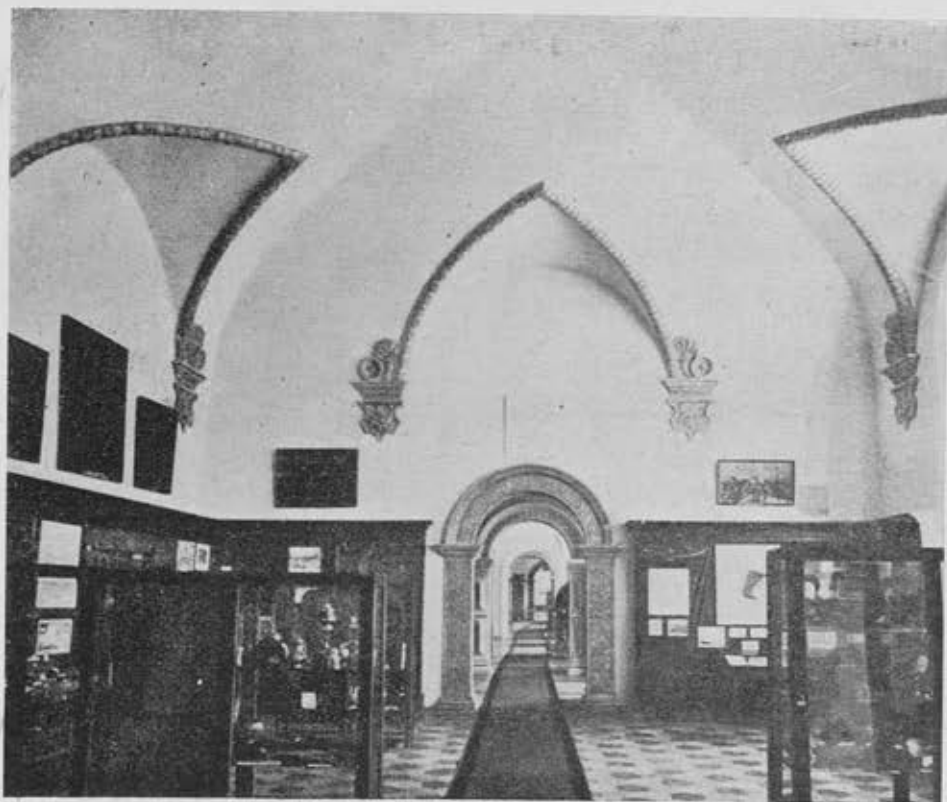
Во всех остальных помещениях автор избег этой опасности. Широко пользуясь отдельными мотивами, характерными для той или иной эпохи, автор никогда не применяет их в «сыром» виде, а всегда видоизменяет и перерабатывает их как в связи с тем архитектурным образом, который он воплощает в данном интерьере, так и в связи с данной архитектурной композицией (например, наличника) в целом, которая всегда имеет у него совершенно самобытный характер. Наконец, видоизменяя и перерабатывая тот или иной заимствуемый им архитектурный элемент, автор исходит не из формы данного элемента, а из принципа, лежащего в основе данного стиля или его варианта. Создавая свой, хорошо нарисованный шаблон, А. К. Буров никогда не копирует тот или иной абак, волюту, каблучок, но наблюдает и исследует закон их сочетания. Поэтому он дает нечто принципиально новое, хотя и коренящееся в традициях прошлого.

Этому как-будто противоречит тот факт, что на наличниках шестнадцатого зала путем отливки в точности воспроизведен орнамент из московской Грузинской церкви. Но, во-первых, этот орнамент служит только заполнением совершенно оригинально скомпонованного наличника, во-вторых, автор прибег в данном случае к механической репродукции именно для того, чтобы не исказить подлинного народного почерка, в то время как его предшественники из школы Шервуда калькировали или стилизовали древний орнамент, вытравляя из него всякий след творческой руки мастера. Такой прием орнаментального заполнения принципиально отличается от археологического натурализма и не противоречит основному методу автора. Идя по путям осмысления, а не копирования древнерусского художественного наследия, автор естественно проявил свои симпатии к определенным сторонам этого искусства и произвел соответствующий отбор на основе глубокой творчески-исследовательской работы. Дело в том, что всякий раз как со времен Петра так или иначе «возрождались» древнерусское искусство, это было всегда «возрождением» его внешних форм, воспринимавшихся по преимуществу

Вид из зала XVI
в зал XV

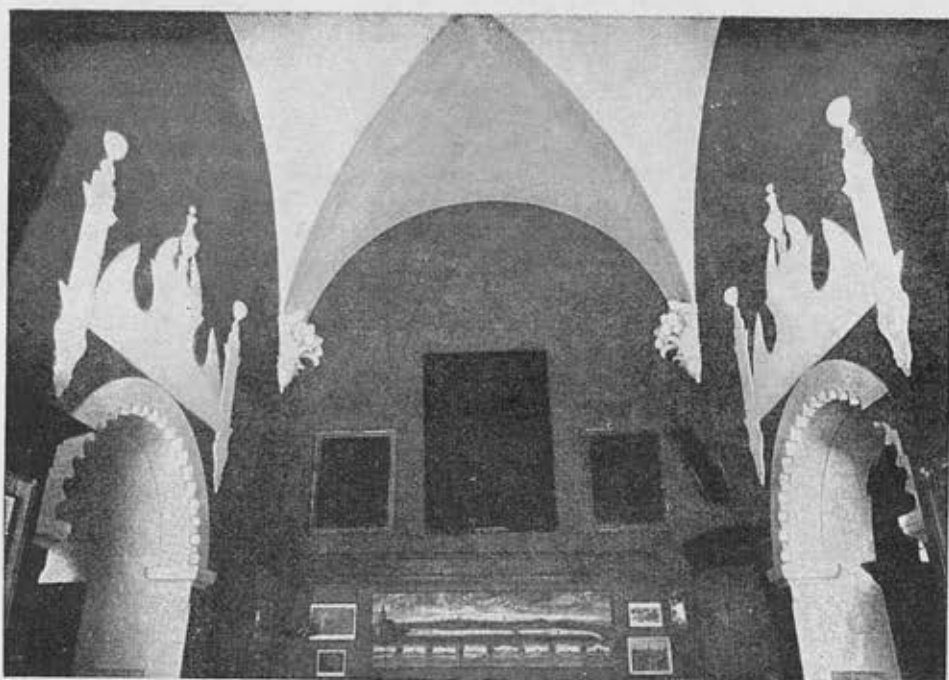


Vue de la salle XV
prise de la salle XVI



Зал XVI

Salle XVI



Архитектурное оформление выставочных зал Исторического музея в Москве. Зал XIX

Architecture des salles d'exposition du Musée historique à Moscou. Salle XIX



Вид из XX зала

Vue prise de la salle XX

живописно. Более глубокие закономерности, заложенные в древнерусском зодчестве, в особенности в «классических» образцах зодчества Киевского, Владимирского и Московского и, несомненно, роднящие его с традициями античного, главным образом греческого, искусства, еще не вошли в творческий обиход нашей архитектуры и соответственно совершенно почти не освещены исторической наукой. Изучая и пытаюсь творчески освоить законы построения той или иной фазы развития древнерусского зодчества, арх. Буров полюбил и подчеркнул в этом зодчестве именно те черты и те формы, в которых эти традиции сказывались наиболее ярко. «Русский стиль» для него характеризуется не причудливыми комбинациями «петушков», кокошников, гирек и т. п., а той самобытной силой, с которой народный гений создал, на основе античной традиции, новое зодчество, неразрывно с ней связанное и ничем не уступающее зодчеству Византии, проторенессанса или Возрождения. Поэтому неудивительно и кажется вполне законным, когда автор в композиции большинства своих «древнерусских» интерьеров определенно вдохновляется интерьерами Урбинского дворца, созданными Лучано да Лаурана, этим замечательным, в высшей степени самобытным мастером, который, будучи родом из Далмации, внес совершенно новую и весьма плодотворную струю в искусство Возрождения. Оказывается, что Лаурана отлично вяжется с русскими формами и что это отнюдь не случайное «влияние» и не парадокс, а глубоко продуманный и творчески оправданный шаг в процессе осмысления художественного наследия.

Такой подход к русскому зодчеству не как к экзотическому, провинциальному курьезу, а как к самобытной, полнокровной ветви мирового зодчества в целом, подход творческий, обнаруживающий все то, что есть «классического», т.-е. для нас действительно ценного в этом искусстве, позволил автору дать в скромных, по существу «служебных» и только обрамляющих, композициях нечто очень свежее, радостное, молодое и в подлинном смысле современное. Строго придерживаясь музейной задачи показа, нигде не впадая в археологический фетишизм и натурализм, но бережно относясь

к выставленным экспонатам, архитектор сумел подвести посетителя и сокровищам нашего прошлого.

Остается сделать несколько беглых замечаний по поводу отдельных залов.

О недостатках тринадцатого зала нам уже приходилось говорить. После четырнадцатого, особенно скупого по своей обработке, зала, в пятнадцатом зале зрителя поражает прекрасное, простое балочное перекрытие; не имея соответствующих древнерусских образцов, автор обратился, повидимому, к Венеции, что, однако, нисколько не помешало цельности общего впечатления. Очень красив шестнадцатый зал, в котором, на основе упоминавшихся выше мотивов Грузинской церкви и орнаментации ребер сводов по образцу кремлевских теремов, при помощи очень лаконичных средств достигается впечатление пышности и нарядности. В семнадцатом зале, где в наличнике имеются граненые колонны, заимствованные в переработанном виде опять-таки из Грузинской церкви, предполагался по техническим условиям не выполненный роскошный потолок. В восемнадцатом зале автор воспользовался мотивами наружного оформления знаменитого лизогубовского дома, но соответственно перекомпоновал их применительно к масштабам и условиям интерьера. В девятнадцатом, Нарышкинском, зале на первый взгляд поражает слишком, казалось бы, сильный контраст между плоскими фронтонами над дверьми и очень сочной пластикой консольных капителей, однако наличие плоских рам наряду с объемными экспонатами, повторяя этот контраст, тем самым его нейтрализует. В двадцатом, Петровском, зале автор не придерживался строго каких-либо петербургских образцов, а скорее вдохновлялся голландскими мотивами того времени. Очень удачен последний, Елизаветинский, зал, в котором автор придерживается более скупых, дорастреллиевских форм, очевидно, приберегая более пышные варианты для следующих, екатерининских, залов.

Архитектору предстоит еще большая работа по оформлению следующих в историческом порядке выставочных помещений. Мы уверены, что он удачно справится со своей задачей.

Зал XX



Salle XX

Зал XXI



Salle XXI

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕДЕЛОК И РЕСТАВРАЦИЙ ХРАМА ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

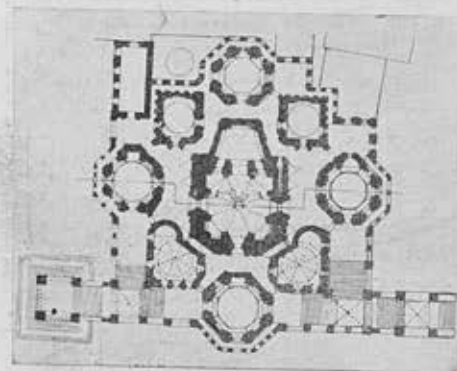
С. БЕЗСОНОВ

Московский Покровский, «что на рву», собор, более известный под именем храма Василия блаженного, является одним из самых выдающихся памятников русского народного творчества. Он построен между 1554—1560 гг. русскими мастерами Постником и Бармой, как о том совершенно определенно свидетельствует рукопись XVII века: «дарова ему (царю-заказчику Ивану IV — С. Б.) бог дву мастеров русских, по реклу (по прозвищу — С. Б.) Постника и Барму, и быша премудри и удобни таковому чудному делу». В ознаменование побед над татарами, на Красной площади в половине XVI века были поставлены: один каменный и семь деревянных храмов. Вместо них Постнику и Барме было поручено возвести на том же месте восемь каменных храмов, они же, решив все храмы объединить в единый художественный ансамбль, поставив их на общем основании, вопреки царского заказа, построили не восемь, а девять, что дало им возможность симметричного размещения объемов на основании. «Повеле им (царь) здати церкви каменны завет-



Храм Василия блаженного в Москве
1555—1560 гг.
Общий вид после реставрации

Basilique de Basile le Bienheureux à Moscou
1555—1560
Vue générale après la restauration



План

Plan

ные восемь престолов», пишется в той же рукописи; мастера же... основали девять престолов, не яко же повелено им, но яко по бозе разум даровася им в размерении основания».

В итоге получилась группа, «стая» храмов, размещенных на довольно высоком арочном основании, увязанных между собою единством замысла, единством стиля и единством выполнения. Храм производил на современников сильное впечатление, и летописцы говорили: «поста-

влен храм каменный, преудивлен, различными образцы и многими переводами, на едином основании девять престолов». Олеарию рассказывали даже, что Иван IV велел ослепить строителей, чтобы они не сделали где-либо лучшего сооружения. Эта легенда, обычная для многих выдающихся сооружений феодального запада, например: собора Марка в Венеции, собора Стефана в Вене и др., должна быть оставлена, так как нам известны другие постройки псковского мастера Постника.

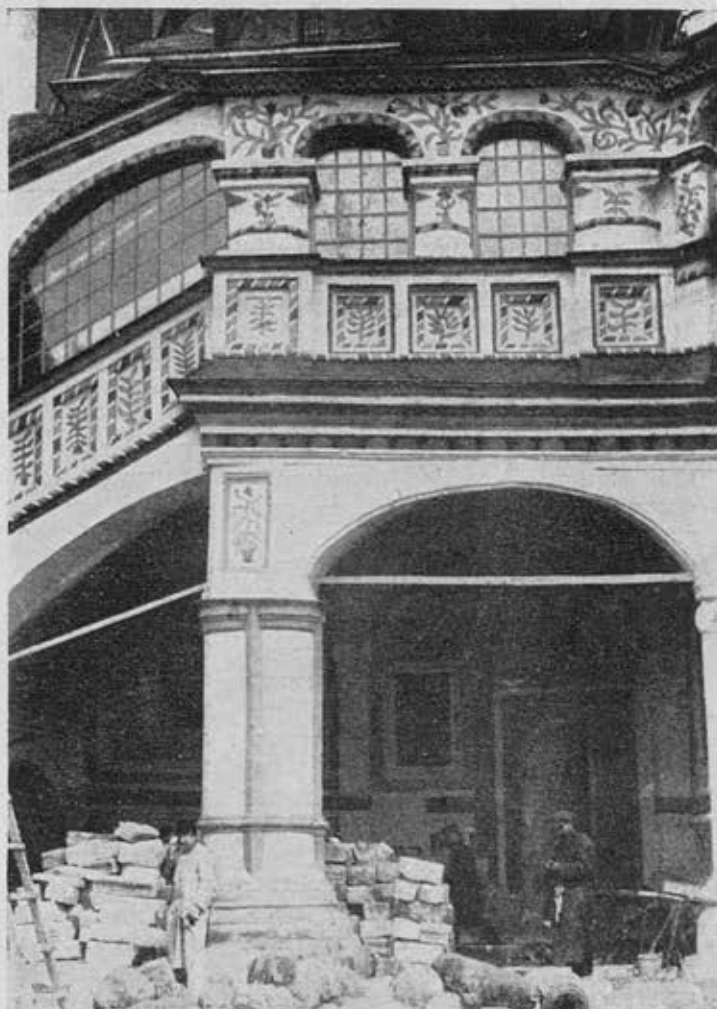
Вопрос о генезисе храма является одним из наиболее спорных в нашей искусствоведческой литературе. В первой половине XIX века не особенно разбиравшиеся в стилях исследователи называли храм готическим (например, Карамзин). Снегирев же трактовал здание как «исключение из господствовавшего у нас в XVI веке стиля» и находил в нем смешение стилей мавританского, готического, индийского и византийского. Иностранцы исследователи видели в формах храма влияние азиатского востока. Так Куглер утверждал, что храм относится «к законченному периоду искусства мугаммеданского». Виоле ле Дюк, написавший в 1877 году специальную книгу о русском искусстве, рассуждал, что, «не покидая искусства византийского, которое существовало тогда (в XVI веке) не более как предание, русские художники старались, и не без успеха, присоединить к нему те многочисленные источники, которые доставлял им восток, столь блестящий в XIV и XV столетиях». Наконец, кроме утверждений о восточных влияниях на стиль храма, в настоящее время проф. А. И. Некрасов в нескольких своих работах утверждает, что «живописно-графический стиль XVI века» представляет «явление пришлое», «отзвуки романо-готического западного зодчества», пришедшие к нам через Литву и Белоруссию. Большинство же русских ученых считает храм Василия блаженного созданием русского гения, указывая на то, что русский народ на своем историческом пути дал много в области искусства самостоятельного и ценного, что искусство русского народа не было только простым наслоением различных влияний. Наоборот, то, что приходило к нам с востока и запада, здесь не просто воспринималось, а творчески перерабатывалось и использовалось в полном соответствии с экономическими и социальными условиями жизни. Храм Василия блаженного является примером того, как на национальной основе, с творческим использованием строительной техники запада, принесенной к нам в XV веке, развилась в XVI веке архитектура, создавшая такие шедевры из кирпича, как храм Вознесенья в Коломенском и интересующий нас храм Василия блаженного в Москве.



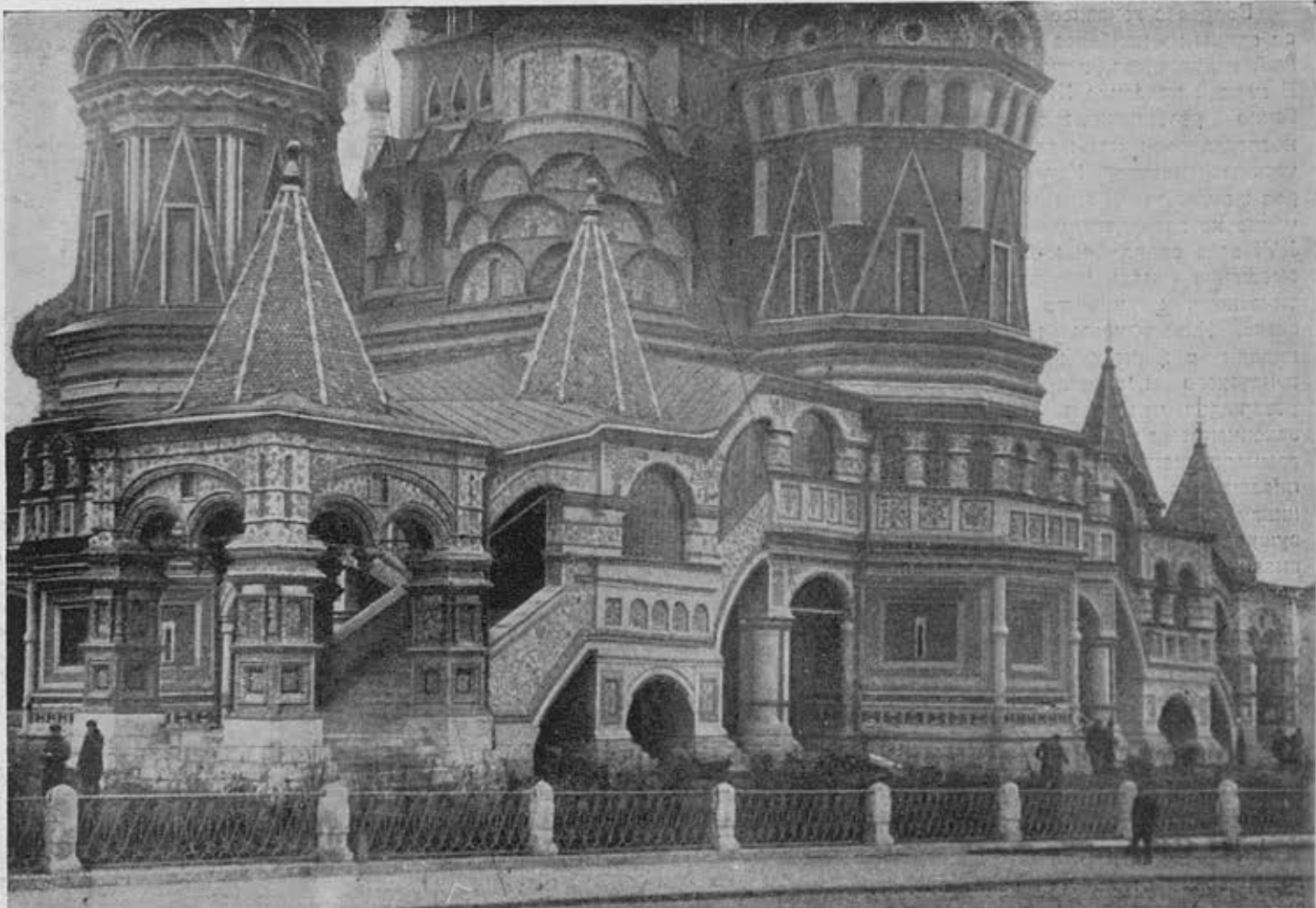
Реставрированный цоколь на абсидах

Socle restauré

Реставрационные работы на южной стене



Travaux de restauration du mur sud



Общий вид западной стены
Реставрация и окраска 1937 г.

Vue générale du mur occidental
Restauration de 1937

Взгляд на чисто русский характер архитектуры храма еще в 1835 году высказывал архитектор Александр Брюллов, писавший, что храм Василия блаженного «может служить образцом русской архитектуры, которая... в своем начале показывает какой-то блеск пиитический народа, выходящего из состояния варварства и начинающего чувствовать свою самобытность». Эту мысль обосновал в конце XIX века И. Е. Забелин в своей работе: «Черты самобытности в древнерусском зодчестве». Забелин устанавливает, что русские каменные столбовые и шатровые храмы являются воспроизведением в кирпиче деревянных шатровых храмов, возникших на Руси в глубокой древности и которых много еще сохранилось до настоящего времени. Усвоив принципы строительной техники из

кирпича от европейцев, русские мастера не пошли за ними в отношении использования их композиционных приемов. Только немногие декоративные мотивы, понравившиеся русским мастерам, были ими использованы. Общее же развитие архитектуры продолжает тот путь, который намечился в деревянных формах русского строительства. Теория Забелина принята Султановым, Сусловым, Горностаевым, Красовским, Котовым, Романовым и другими, писавшими в XX веке на данную тему.

За свое свыше 350-летнее существование храм Василия блаженного не раз подвергался различным перестройкам и переделкам, почему утратил свой первоначальный вид и раскраску. Первоначально объемы храма, возведенные на общем основании, были поставлены симметрично

по отношению к центральному шатровому — четыре большие по кресту и четыре меньшие по диагоналям. Между храмами и вокруг них не было крытых переходов. Стены здания не имели раскраски, они были сложены из кирпича и оживлялись белокаменными деталями и профилями. Уже в 1588 году к законченному комплексу храма делается в северо-восточном углу пристройка придела Василия блаженного; главы храма покрываются железом — «каждая разной фигурой», кровля и паперть — черепицей; все здание штукатурится в белый цвет, возможно, что в это время переходы уже расписываются орнаментом (в цвете). Над переходами появляется, часто менявшаяся впоследствии, деревянная кровля.

Эта перестройка, несомненно, сказала на общем впечатлении от



Западная галерея храма
Реставрация и окраска 1937 г.

Galerie occidentale de la basilique
Restauration de 1937

здания. Храм стал более скульптурен, чем архитектурен, на белых его стенах, как на экране, профили и детали давали игру света и тени.

Облик храма еще более изменился между 1680—1688 гг., когда в храм были перенесены восемь престолов из снесенных на Красной площади деревянных церквей, которые, возможно, были частично размещены в подклетах храма, что повлекло заделку некоторых арок основания. Тогда же над переходами между храмами и вокруг них были устроены каменные своды, появились шатры над крыльцами и возведен шатер над колокольней. К этому времени можно относить появление изразцов на шатрах центрального храма и колокольни и раскраску, по тогдашней моде, в яркие цвета стен храма. Эти работы производили рус-

ские мастера: Степан Патрикеев с Ваги и олончане Федор и Лев Григорьевы с товарищами. Облик XVII века храм в основном сохранил до настоящего времени. Благодаря появлению крытых переходов, храм производит снаружи впечатление единого сооружения с большим внутренним пространством, что не соответствует его внутренней расчлененности на девять, небольших по размерам, отделенных одна от другой толстыми стенами и внутренними переходами, церковок.

После пожара 1737 года, когда в храме выгорело все внутреннее убранство, ремонт храма производился под руководством архитектора Мичурина. С 1772 по 1784 г. храм почти все время ремонтировался. В это время получил новые профили опоясывающий храм цоколь, над старым полом настилагся новый — из

лещади, появляется декоративная роспись внутри галерей и переходов, возможно, в первый раз покрываются живописью белые стены центрального храма. Размещенные до сего времени на ребрах центрального шатра декоративные главки снимаются. Постепенно восстанавливался храм после войны 1812 года, когда стены боковых его приделов были расписаны живописью. Текущий ремонт производился и в конце XIX века, но когда стал вопрос о капитальном ремонте, требовавшем затраты 175 000 рублей, то ни правительство, ни синод, ни московская городская дума денег на это дело не отпустили.

После Великой Октябрьской социалистической революции Покровский собор (храм Василия блаженного) превращен в музей.

Ремонтно-реставрационные рабо-



Северное крыльцо храма. Окраска 1937 г.

Entrée nord de la basilique

ты по храму начались только при советской власти, с 1918 года, восстановлением западной главы храма, разбитой снарядом во время Октябрьских боев. Эти работы велись под руководством проф. Курдюкова и арх. Желябужского до 1921 года. С 1921 года до настоящего времени ремонтно-реставрационными работами по храму руководит арх. Д. П. Сухов. Он не только ремонтирует храм, но и ведет над зданием, как архитектурным памятником, научно-исследовательскую работу, что дает ему возможность науч-

но обосновывать производимые реставрации. Им обнаружены были фрагменты древнего цоколя, отличающегося изяществом и своеобразием деталей, и по ним в 1926 году восстановлена облицовка цокольной части храма из белого камня и кирпича. Реставрировано южное крыльцо и лестница, удалены позднейшие заполнения арочных пролетов основания храма, что сделало здание более воздушным. Внутри храма был найден дубовый пол из квадратных шашек, открыта старая роспись стен у северного входа, заложены вновь

пробитые окна и печуры. В текущем 1937 году, ко дню двадцатилетия Великой Октябрьской революции, храм был заново окрашен. При окраске руководствовались той росписью, которая ближе всего подходит к первоначальной раскраске здания, произведенной в конце XVII века, что особенно удачно вышло на северном крыльце. Роспись северного крыльца была произведена в полном соответствии с той, которая найдена на стенах переходов внутри здания, — в красный, синий и зеленый цвета.

ПО СТРАНИЦАМ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

Ж. Мерлен. Современные течения в больничном и санаторном строительстве. „Travaux“, 1937 г. т. 21, № 57, стр. 401—411, илл.

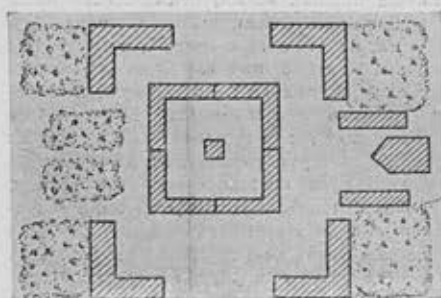
Автор делит историю больничной архитектуры на три периода. Больницы XVIII века зачастую представляли собой стильные монументальные здания, окруженные парком. Специальная комиссия фримера V-го года отказывается, однако, от типа монументальной больницы с замкнутым двором и предписывает постройку отдельных барачков, расположенных параллельно друг другу.

«Пастеровская эпоха» в терапии несколько усложняет программу фримера V-го года, внося, между прочим, ряд изменений в требованиях, предъявляемые к операционным комнатам. С этих пор плановые решения становятся все более симметричными, и в то же время их архитектура становится казарменной и сухой. Прекрасные монументальные композиции уступают место сооружениям менее долговечного характера, которые по мере прогресса в медицинской науке поддаются всякого рода переделкам и изменениям.

Изменения в больничное строительство приносит и то обстоятельство, что сфера действия больниц непрерывно возрастает и усложняется, не говоря уже о том, что больницы все более превращаются в лаборатории медицинских факультетов, и строителям приходится учитывать не только лечебные, но и учебные, и научные цели.

В современном больничном строительстве существует два основных течения: европейское (система невысоких отдельных павильонов) и американское (централизация всех видов медицинского обслуживания в многоярусном здании).

Американская система, несравненно более экономичная, стала возможна только при высоком развитии техники, позволяющем осуществлять полную изоляцию этажа. Каждый такой этаж представляет собой замкнутое архитектурное целое, с отдельной администрацией, собственными лабораториями и библиотекой.



План больницы св. Людовика эпохи Сюлли Париж „Travaux“ № 57, 1937 г.

Большая общая палата в настоящее время уступает место индивидуальным комнатам или же палатам в 6 и, самое большое, 8 коек.

Операционные залы устраиваются отдельно для операций сепитических и асептических, причем каждый вид операционных сосредоточен в другом крыле или в противоположных концах здания. Операционные обращены окнами на север. В них проникают только по лифту, лестницы совершенно устраняются для максимального ослабления риска инфекции. Анестезирующие газы подаются в операционную по трубопроводам. В операционную входят только хирурги и их помощники, студенты же наблюдают за операцией через стекло в потолке или в верхней части стен из особых помещений, куда объяснения хода операции передаются при помощи громкоговорящего аппарата. В некоторых больницах операции отражаются на особом экране. Верхний свет в операционных все более уступает место боковому, проникающему через большое окно. Место операции заливадается искусственным светом, в остальной же части зала парит во время операции полумрак, для усиления которого белая окраска стен, и даже белья, заменяется темной серой в Германии и зеленой в некоторых французских больницах.

Междуетажные перекрытия, в видах наилучшей звукоизоляции, рекомендуется делать из железобетона, на который накладываются пробковые плиты и слой асфальтированного войлока. Полы в палатах и коридорах покрываются прорезиненными пробковыми плитами или, предпочтительнее, линолеумом, который, по последним изысканиям, не только заглушает звуки, но обладает также свойством убивать бактерии, причем это свойство с течением времени усиливается.

Переходя к описанию четырех главных типов современных лечебных заведений: больничного городка, небольшой больницы, диспансера и санатория, автор статьи подробнее всего останавливается на больничном городке г. Лилле. Здесь, на участке в 30 га, архитекторам предложено было запроектировать больницу, богадельню и психиатрическую лечебницу, всего на 4 836 коек.

По проекту Валуа-Портвена предполагалось поместить в центре всей композиции здание медицинского факультета, рас-

положив зубцами по обе его стороны больничные здания и здания богаделен.

В проекте Вальтера, Кассана и Маделена больница, медицинский факультет и амбулаторное обслуживание сосредоточены в одном блоке, главная часть которого имеет 22 этажа. Факультет вышиной в 5 этажей соединен с больницей тремя галлереями. Богадельня располагается отдельно, в южной части больничной территории, и отделяется от больничного блока обширным свободным пространством, а здание для персонала — в северо-западной части, мастерские, кухня, антека, покойничная — в восточной, северной и южной частях.

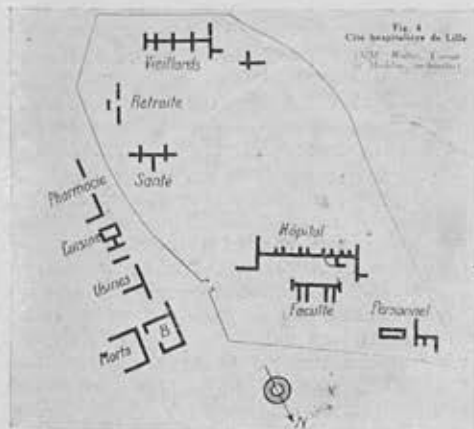
Больничный корпус в проекте Нельсона имеет в итоге по конфигурации форму аэроплана. Фюзеляж этого аэроплана образует клинчатый амфитеатр, входной холл с лифтами с одной стороны, залами для заведующих отдельными клиниками и для врачей интернов и ассистентов, с другой стороны, и с кабинетом секретаря данного этажа в центре. Крылья отведены под больничные палаты: правое крыло состоит из индивидуальных палат для тяжелых больных, а левое — из палат на 4 койки каждая — для более легких больных. Раздвоенный хвост аэроплана образует медицинским факультетом и амбулаторией.

Студенты встречаются здесь с больными только в зале для осмотра.

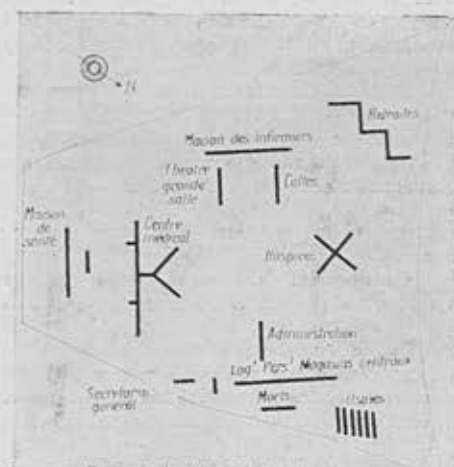
Посетители совершенно не соприкасаются с заразными больными и проходят по открытой галлее, идущей вдоль каждого этажа.

Операционные получают анестезирующие газы по особому трубопроводу. Над каждой операционной — особое помещение для студентов, где операции отражаются на специальном экране.

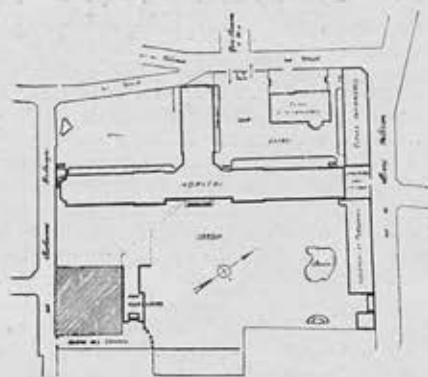
Типичной современной больницей является больница Вокон в Клиши — тринадцатипятиэтажный небоскреб на 1 000 коек. В цокольном его этаже размещены кухня, столовая, ванны, гараж и антека; в первом — родильное отделение; в третьем и четвертом — хирургическое, в следующих четырех этажах — терапевтическое отделение. Под



Проект больничного городка в Лилле Арх. Вальтер, Кассани, Маделен „Travaux“ № 57, 1937 г.



Проект больничного городка в Лилле Арх. Нельсон „Travaux“ № 57, 1937 г.



Больница „Fondation Foch“
Генплан
Арх. Фуке
„La Construction Moderne“ № 1, 1937 г.

болезни носа, горла и уха отведен девятый этаж. Туберкулезные занимают два верхних лучше освещенных этажа. Все этажи распланированы одинаково, с палатами на южную сторону, причем общие палаты расположены зубцами. С северной стороны находятся служебные помещения, отделенные от палат центральным коридором. Операционные размещены в крайних частях этажей, занятых хирургическим отделением.

Медико-хирургический центр в Сюрене.
Арх. Фуке. „La Construction Moderne“, 1937 г., т. 53, № 1, стр. 2—13, илл.

Медико-хирургический центр, расположенный в одном из предместий Парижа—Сюрене, построен на территории парка, разбитого на склоне Сюренского холма. Центр состоит из терапевтического, хирургического, радиографического отделений, амбулатории, родильного дома, заразного барака и т. д. Кроме того, особый корпус занят под школу сестер милосердия с интернатом на 120 человек, залами для собраний, библиотекой и т. д.

Корпус стационаров имеет форму буквы Т с длинной верхней перекардиной и короткой ножкой. Длинная часть проходит поперек всего участка от улицы Ришелье до улицы Мон-Валерьян, а более короткая поперечная часть выходит на главный двор со стороны улицы Ворта.

В центре здания, в месте пересечения поперечного и продольного корпусов — находится в каждом этаже обширный холл, в котором сходятся все три коридора, обслуживающие палаты. В центральном холле каждого этажа устроен наблюдательный пункт, контролирующий обслуживание палат.

Со стороны главного двора здание имеет семь этажей. В нижнем этаже размещены амбулатория, квартиры директора и врачей, в следующих четырех этажах — терапевтическое и хирургическое отделения, в шестом этаже — родильное отделение, а в седьмом этаже, построенном только над центральной частью здания — операционные залы, зал анестезии и радиографическое отделение. В этой наиболее возвышенной части здания устроен проход на крышу-террасу шестого этажа, украшенную перголами и зелеными насаждениями.

Со стороны парка, благодаря значительной разнице в уровне между главным двором и парком, устроено три дополнительных нижних этажа, находящихся ниже уровня первого этажа, выходящего на двор. Верхний из этих трех этажей, так же как средний, отведен под комнаты для сиделок, с залом для собраний, столовой и библиотекой, а нижний — под кухню, мойку и склад посуды, кладовые и т. п. Этот этаж сообщается через служебный двор с подвалом корпуса школы сестер милосердия, в котором находится холодильник, прачечная и гладильная. Котельная центрального отопления устроена под служебным двором. Она обслуживает корпус стационаров, заразный барак и школу сестер. Уголь опромывается с грузовиков непосредственно в воронки, через которые он попадает в угольный склад при котельной. Топки котельной приспособлены также для мазута, резервуары для которого равным образом устроены под служебным двором.

Во внутреннем устройстве больницы интересны палаты для больных; каждая палата отделена от служебной галлерей тамбуром, по одну сторону которого расположена уборная с умывальником и ватерклозетом, а по другую — глубокие стальные шкафы.

Палаты (исключительно одиночные) имеют в ширину от 3 до 3,50 м и в глубину — от 4 до 4,70 м. В целях звукоизоляции, перегородки между комнатами двойные с воздушной прослойкой. Перекрытия



Больница „Fondation Foch“
Общий вид
„La Construction Moderne“ № 1, 1937 г.

каждой палаты отделены от перекрытий соседних палат разделительными швами, скрытыми в двойной перегородке. Проникновение шума из этажа в этаж ослабляется воздушной прослойкой между потолками и перекрытиями, а также резиновыми коврами в коридорах и лифтеуеме в палатах. С той же целью бетонный каркас здания изолирован от междуэтажных перекрытий слоями пенобетона.

Звонки заменены световой сигнализацией, остроумное устройство которой, подробно описанное в статье, обеспечивает строгий контроль быстроты обслуживания больных.

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

С. Борисов. Юго-запад Москвы. Под редакцией арх. Л. О. Бумажного (Социалистическая реконструкция Москвы, вып. 1). Изд. «Московский Рабочий», Москва, 1937 г. Цена в переплете 6 р. 50 к.

Книга начинается с краткого общего описания генерального плана Москвы и значения для будущей Москвы новой юго-западной территории. Следующие главы содержат характеристику современного состояния территории современного юго-запада Москвы, перспективного плана ее освоения, проектов планировки кварталов, проектов жилых домов, садов и парков. В заключительной главе делается попытка представить картину юго-западного района Москвы через 10 лет. В книге даны таблицы, характеризующие население и землеустройство района, описание дачных местностей и садов, а также таблицы транспортных средств и культурно-благотворного обслуживания по проекту планировки. Кроме того, приложения: схема планировки Москвы и схемы юго-западной территории, посвященные: 1) районированию, 2) озеленению и обводнению, 3) водоснабжению и канализации и 4) внутригородскому транспорту.

В своей книге автор уделяет особое внимание природным условиям новой территории. При этом отмечены границы района, его высокий и живописный овражистый рельеф, наличие значительных массивов зелени, сухие трюнты, удачные по своему направлению, преобладающие ветры и ряд других благоприятных природных условий, которые побудили принять в качестве основного направления

дальнейшего развития Москвы юго-западный район.

Историческое постановление ЦК партии и Совнаркома СССР о генеральном плане реконструкции Москвы послужило образцом для планировки других городов СССР и явилось одним из самых ярких проявлений сталинской заботы о человеке, а потому популяризации прекрасных природных данных юго-западной территории и обоснование этой территории, как нового района Москвы, приобретает огромное политическое значение.

В главе, посвященной описанию перспективного плана юго-западного района, говорится о процессе составления перспективного плана — о детальном изучении территории, зеленых массивов, геолого-разведочных работах и геодезической съемке — о всей той опломной подготовительной работе, которая была произведена до начала проектирования. Особо нужно отметить непосредственное участие в осмотре и изучении этой территории тов. Л. М. Кагановича и его указания о композиционном плане, которые легли в основу при составлении схемы планировки юго-запада.

В этой же главе описаны результаты первого конкурса по проекту планировки юго-запада (как известно, некоторые участники этого конкурса дали абстрактные формалистические проекты, которые получили заслуженную отповедь на заседании Архплана, возглавлявшегося тов. Л. М. Кагановичем).

В описании самого проекта указаны: население будущего района, проектируемое в 1 500 000 человек, данные о раз-

мере территории и жилого фонда в 22 000 000 м² жилой площади (при норме в 15 м² на человека), основная сетка магистралей — радиальных и кольцевых, будущие центры и парки. Кроме того, приведены данные о внеочередном строительстве, о магистралях связи новой территории, о новых мостах, которые должны связать ее с остальным городом, и т. д. К недостаткам этой главы следует отнести помещение в ее конце никому ненужных пространственных и беспредметных рассуждений арх. Шусева о том, как он представляет себе постройку социалистического города.

Последующие главы книги, содержащие материал о кварталах, жилищах, садах и парках, менее целыны и менее интересны, как, впрочем, и самые проекты, описанные автором. Описание жилых домов дано безотносительно к юго-западной территории. Планировки этих квартир не разобраны, хотя соответствующие проекты и приводятся в книге. Мало конкретного сказано и о парках юго-западной территории.

Глава, рисующая картину юго-западной территории через 16 лет, написана с известным пафосом, но без необходимой деловитости.

К общим недостаткам книги следует вообще отнести излишнее «приподнятость» стиля при отсутствии критических положений, слишком большое количество «воды» в тексте, относительно малую конкретность изложения, порою недостаточную архитектурную точность автора. Автору надо было к тому же дать более подробные описания отдельных районов, составленных юго-западных районов: Ленинских гор, Рублева, Кунцева, Потылихи, Теплого стана, Котлов, района Ленина и др.

Издана книга чрезвычайно хорошо. Удачны натурные снимки и репродукции с проектных материалов.

Н. X. Поляков

Обзор Москвы в три, пять и десять дней. Путеводитель. Составили В. Л. Длугач и П. А. Португалов. 336 стр. «Московский Рабочий». 1937 г.

Каждый гражданин Советского Союза стремится побывать в Москве, осмотреть ее исторические памятники и ознакомиться с огромным строительством нашей столицы.

В Москву ежедневно прибывает несколько десятков тысяч человек, и поэтому потребность в хороших путеводителях по городу очень велика. К сожалению, все старые путеводители, даже независимо от того, что устарел их материал, не отвечали своей задаче, так как являлись только адресными книгами, в которых без всякой системы перечислялись памятники и учреждения города.

Авторы рецензируемой книги впервые попытались дать разработанные маршрутные программы осмотра Москвы, рассчитанные на различные периоды времени. В путеводителе помещены маршруты, охватывающие один из районов города и включающие целый ряд интересных объектов. По каждому из этих объектов дана краткая историческая справка. Здесь отмечается как история данного здания или участка, так и перспективы строительства в связи с реконструкцией Москвы.

Некоторые сооружения, представляющие особый интерес, как например, мавзолей В. И. Ленина, станции метрополитена и т. д., входят в каждый из рекомендуемых маршрутов. Сведения и описания изложены в популярной форме хорошим литературным языком и читаются с интересом. Словом, по замыслу новый путеводитель по Москве заслуживает положительной оценки. К сожалению, он не свободен от очень существенных недостатков.

В основу схемы каждого маршрута положен территориальный признак, т. е. взят определенный участок города и освещено все наиболее интересное в этом участке. В результате каждый из маршрутов объединяет случайный «набор» зданий и мест. В один маршрут попадают музеи, парки, жилые дома, стадионы, зато нет ни одного нового завода, рабочего поселка, школы; в другой маршрут включена целая группа заводов (хотя, быть может, хватило бы и одного), два-три парка, стадиона и т. д. Таким образом, хотя по форме путеводитель составлен по определенной системе, по существу системы не получилось. А разработать совершенно определенную и четкую систему не представляло большого труда. Нам кажется вполне целесообразным, наряду с комплексными маршрутами, дать маршруты специализированные. В комплексный маршрут должны были войти некоторые исторические памятники и объекты самого различного назначения. В такой маршрут, наряду, допустим, с Красной площадью, надо было включить завод, детский сад и если при нем, жилой дом,

школу и театр, какое-либо учреждение лечебного порядка, стадион и реконструированную усадьбу. Другими словами, маршрут должен дать туристу представление о прошлом Москвы, а также об условиях работы, отдыха и учебы, обеспеченных грандиозной реконструкцией города.

В свою очередь специализированный маршрут должен давать возможность углубленного осмотра той или иной области городского строительства. Маршрут, посвященный, например, теме внешкольного воспитания, должен подробно знакомить с детскими садами, яслями, детскими парками, клубами, техническими станциями. Не следует забывать, что тысячи людей приезжают в Москву для того, чтобы ознакомиться с опытом в той или иной области, и им надо в этом деле помочь.

Другим крупным недостатком предложенной авторами системы является явная перегрузка однодневных маршрутов. Так, например, один из взятых наудачу маршрутов включает 60 объектов, среди которых имеются и такие крупные, как стадион «Динамо», Парк культуры и отдыха и т. д. Разумеется, что такой «осмотр» сведется к «объезду», ибо каждому объекту экскурсант сможет уделить не более двух-трех минут.

Сведения, сообщаемые путеводителем, весьма лаконичны и, в большинстве своем, для специалистов интереса не представляют. Так, например, при описании крупнейших памятников архитектуры авторы обычно ограничиваются лишь указанием даты постройки и автора.

Разумеется, что общий путеводитель не может удовлетворить специальных интересов архитектора, и одновременно поставить вопрос о выпуске особого архитектурного путеводителя по Москве.

Вторая часть рецензируемого путеводителя, содержит сведения о музеях, театрах и парках столицы. Следует пожалеть, что всему этому материалу отведено так много места. Ведь каждый музей имеет свои более полные путеводители, и посетитель всегда будет пользоваться ими, а не общим, сокращенным. Точно так же не следовало давать по театрам репертуар — с ним легко ознакомиться из газет и афиш. Путеводитель издавался больше года. По этому в только что вышедшей книге много устаревших сведений. Остается желать лучшего и полиграфического качества издания. Иллюстрации плохо опечатаны, их размеры не всегда соответствуют значимости объекта.

Л. Луц

СПРАВОЧНИК АРХИТЕКТОРА

Приведенные в этом номере примеры решений лестничных перил заимствованы как из иностранной лите атуры, так из советской практики. Перила от № 1 до 27 приняты Горстройпроектом как типовые, для массового строительства и в значительном количестве были осуществлены в строительстве Москвы.

Весь материал, собранный и систематизированный Горстройпроектом, разделяется на три группы по видам крепления перил к ступеням.

Первая группа (№№ 1—9) — перила с одной стойкой на ступени — простые по рисунку, делаются в основном из квадратного и полосового железа и легко осваиваются заводами при массовом механизированном изготовлении.

Стандартность расстояний между стойками дает также полную возможность заводской массовой заготовки ступеней, независимо от будущего рисунка самих перил.

Вторая группа (№№ 10—18) — перила с двумя стойками на ступени — та же простого рисунка, из такого же сортамента железа. И эти перила рассчитаны на массовое заводское изготовление. Отдельные стойки их могут быть свободно заменены другими, независимо от рисунка перил.

Это обстоятельство дает возможность заводам заранее заготавливать верхнюю полосу перил со стандартно размещенными отверстиями, в которые потом могут быть набраны любые стойки, что даст ряд рисунков перил.

Стандартность размещения стоек и закрепленные размеры для отверстий в ступенях позволяют делать стойки на заводах, не определяя заранее самого рисунка. Достаточно указать, какой группы будут перила, чтобы затем их собрать.

Третья группа (№№ 19—27) — перила с решетками между разреженными стойками. Сюда относятся перила более сложного рисунка, причем крепление их производится не к ступеням, а к борту, идущему в виде тетивы.

Эта группа перил допускает к применению, кроме металла, также дерево. Благодаря стандартности отдельных элементов и эти рисунки легко могут быть освоены для массового заводского изготовления. Ступени при таком виде обработки концов проще в изготовлении и в отделке — не требуется отделка концов и отверстий в них.

Во всех образцах Горстройпроекта видно определенное направление к индустриализации производства перил.

Направление верное. Но материал Горстройпроекта был бы значительно ценнее, если бы с архитектурно-художественной стороны перила были прорисованы более тонко, с большим вкусом. Так, перила №№ 8, 9, 25 очень грубы, а ряд других (№№ 10, 20, 21) сух, не прорисован и слишком примитивен.

Перила №№ 28 и 29 — представляют собой тип, принятый в Америке, причем в них виден характерный для Америки прием — это второй пристяжной поручень, который там делается, как правило, во всех лестничных клетках. Крайний же поручень делается глухим, оштукатуренным с поручнем из алюминиевой трубы.

На рисунках №№ 30—31 дается пример бескосаурной лестницы, с креплением перил в торец ступени.

Такой прием крепления позволяет полностью использовать всю ширину марша лестницы, не отнимая места для перил.

Перила № 32 дают возможность использования полосового или листового металла незначительной толщины.

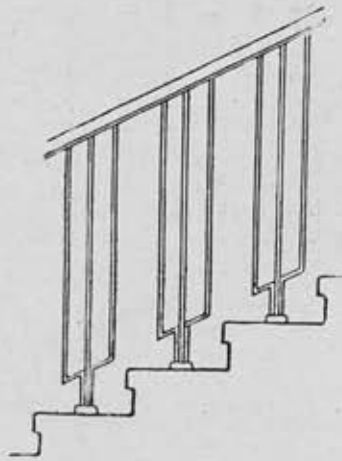
Перила № 33 строятся из искусственного материала, из прессованных отходов древесины.

Очень интересны „алундные“ накладки для ступеней, широко применяемых в Англии и США. Эта прочная и удобная в эксплуатации деталь может использоваться как при изготовлении новых ступеней, так и при ремонте старых. Сопротивление бетонных ступеней изнашиванию значительно повышается при наличии таких накладок. Внешний вид ступеней при этом не портится, так как накладки в новых ступенях легко укладываются заподлицо с телом ступени.

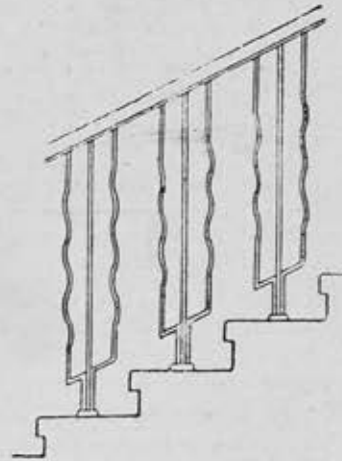
Общая редакция отдела „Справочник архитектора“ — арх. Б. Н. БЛОХИН

Информационный материал справочника составил инж. И. А. КОВЕЛЬМАН

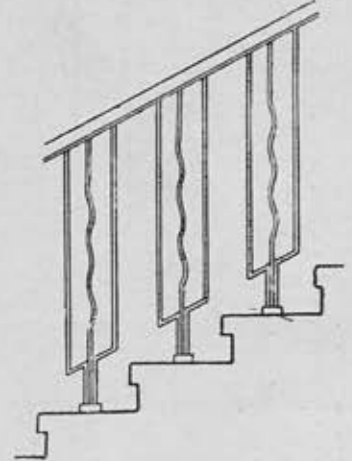
ЛЕСТНИЧНЫЕ ПЕРИЛА, принятые Горстройпроектом как типовые ПЕРИЛА С ОДНОЙ СТОЙКОЙ НА СТУПЕНИ



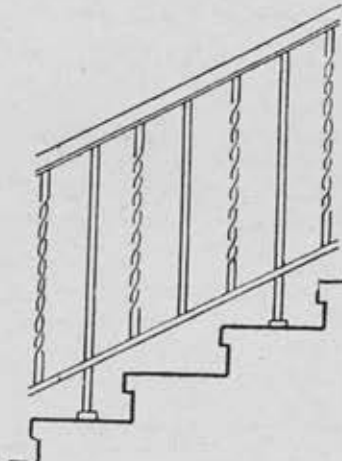
Отдел проектирования Моссовета
Черт. № 20/014¹



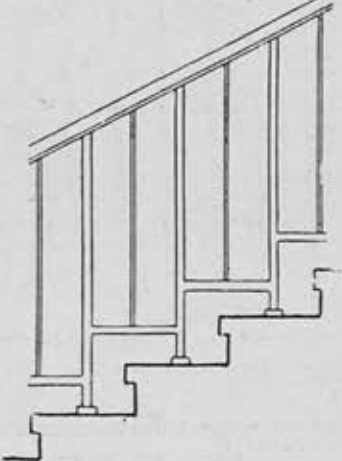
Отдел проектирования Моссовета
Черт. № 21/014



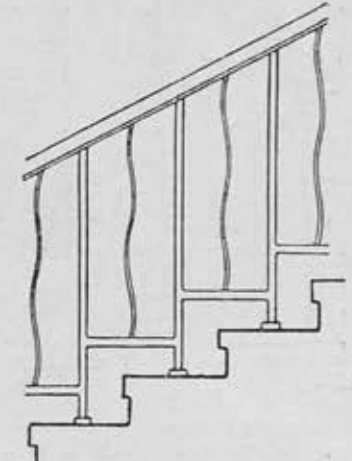
Отдел проектирования Моссовета
Черт. № 27/014



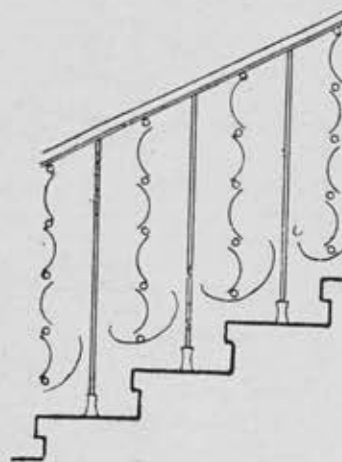
Горстройпроект
Черт. № 24/014



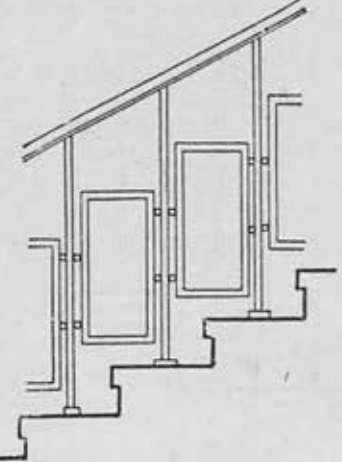
Горстройпроект
Черт. № 25/014



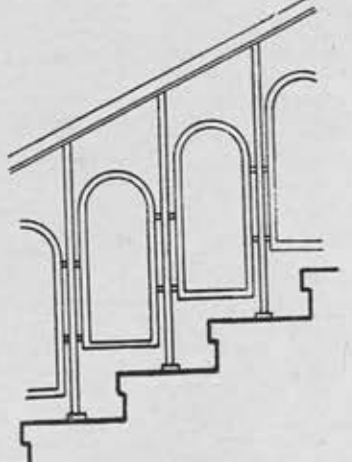
Горстройпроект
Черт. № 26/014



Горстройпроект
Черт. № 27/014



Горстройпроект
Черт. № 28/014

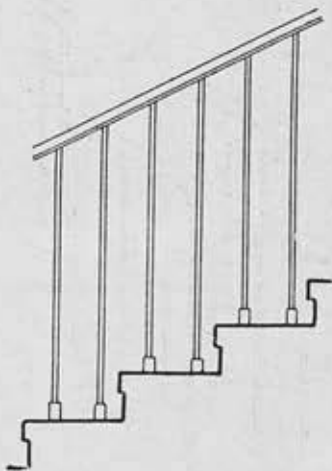


Горстройпроект
Черт. № 29/014

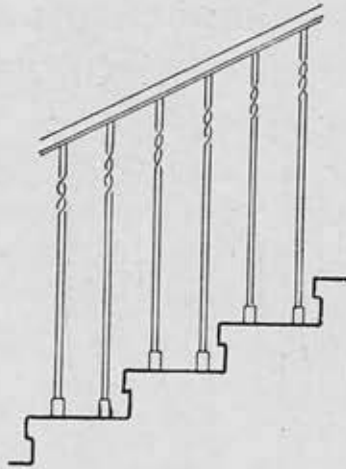
¹ №№ типовых детальных чертежей, разработанных Горстройпроектом

Л И Н И И Я О Т Д Е Л А

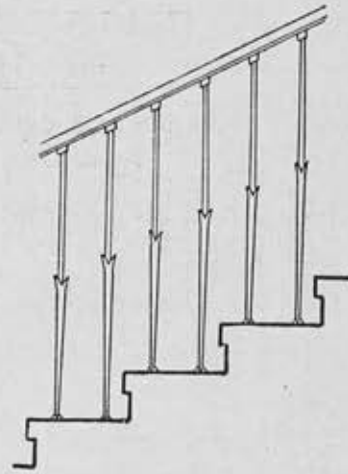
ПЕРИЛА С ДВУМЯ СТОЙКАМИ НА СТУПЕНИ



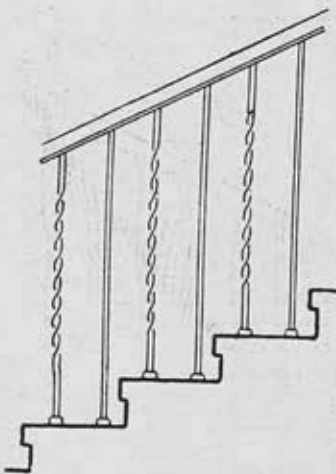
Горстройпроект
Черт. № 10/014



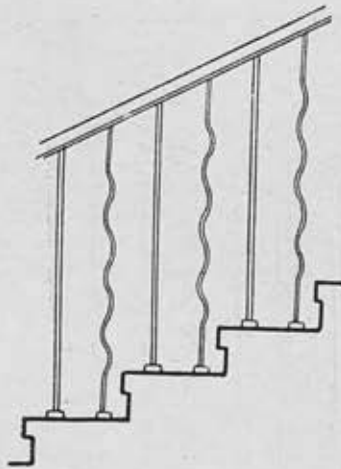
Немецкий образец
Черт. № 11/014



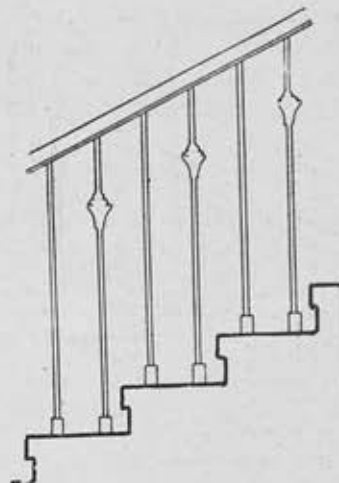
Американский образец
См. "American Architect" 1935 г.
Черт. № 12/014



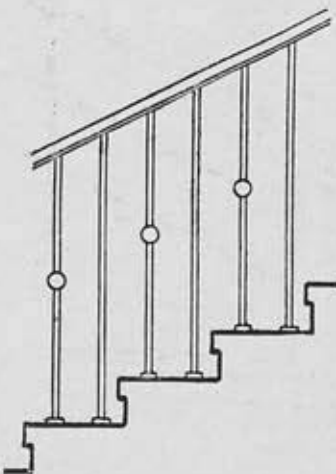
Американский образец
См. "American Architect" 1936 г.
Черт. № 13/014



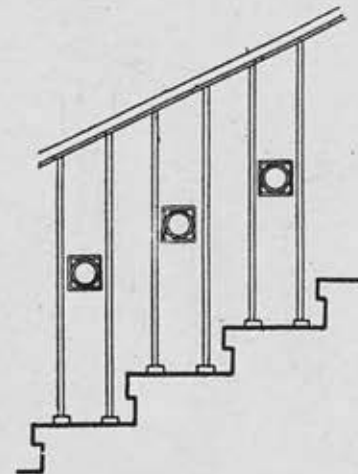
Отдел проектирования Моссовета
Черт. № 14/014



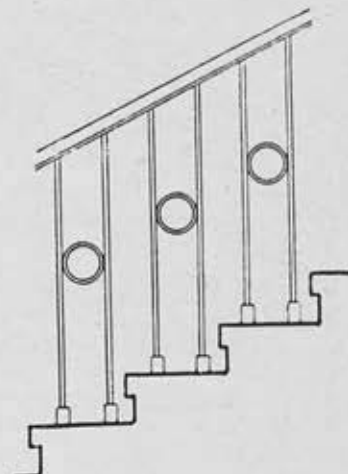
Американский образец
См. "American Architect" 1936 г.
Черт. № 15/014



Горстройпроект
Черт. № 17/014



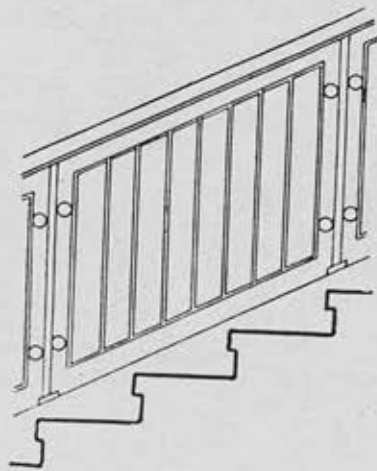
Горстройпроект
Черт. № 18/014



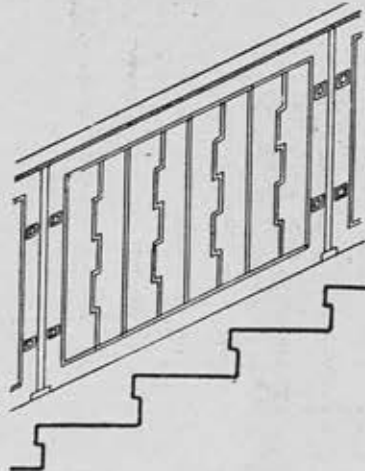
Горстройпроект
Черт. № 19/014

¹ №№ типовых детальных чертежей, разработанных Горстройпроектом

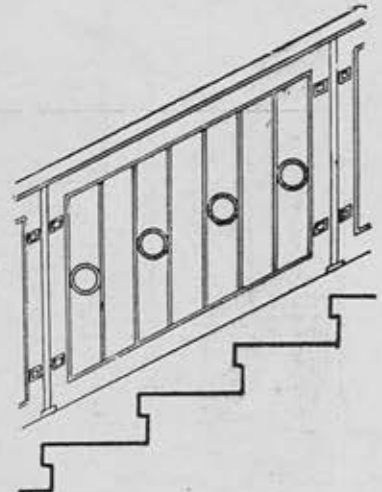
ПЕРИЛА С РЕШЕТКАМИ МЕЖДУ РАЗРЕЖЕННЫМИ СТОЙКАМИ



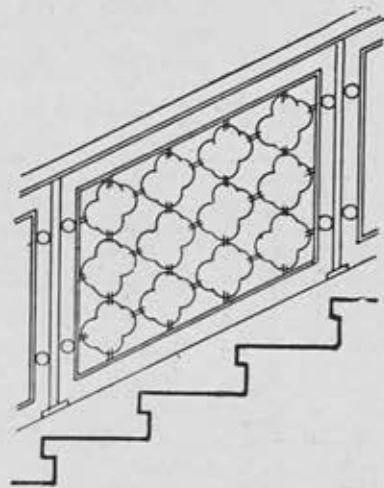
Горстройпроект
Черт. № 30,014¹



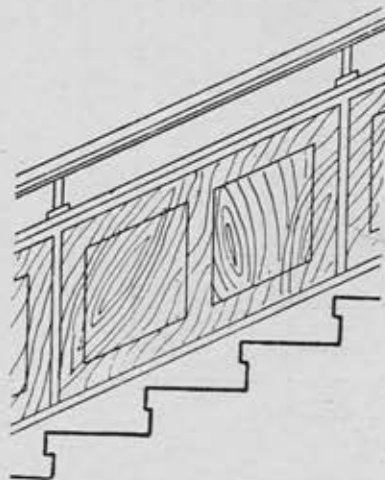
Соцгород Сталинск
Черт. № 31,014



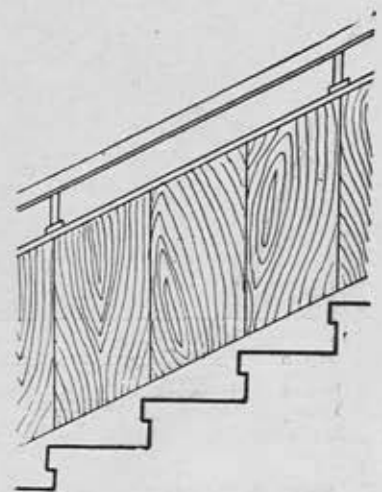
Соцгород Сталинск
Черт. № 32,014



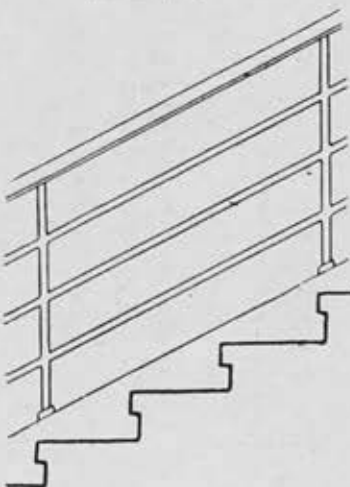
Немецкий образец
См. „Baukunst konstr. Schlosser“
1937 г. Черт. № 31,014



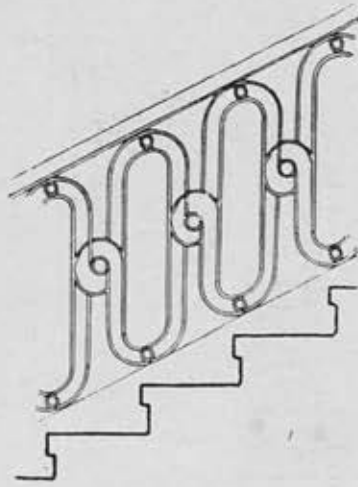
Горстройпроект
Черт. № 35,014



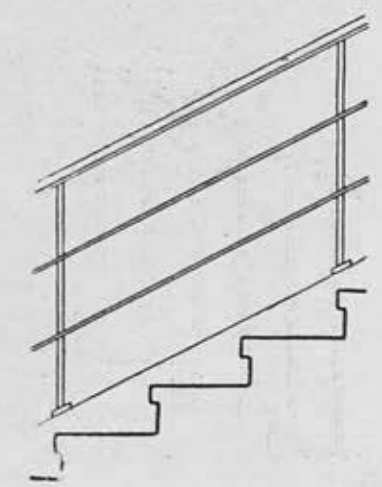
Горстройпроект
Черт. № 35,014



Горстройпроект
Черт. № 37,014



Французский образец
См. „Neuforge“ 1937 г.
Черт. № 38,014



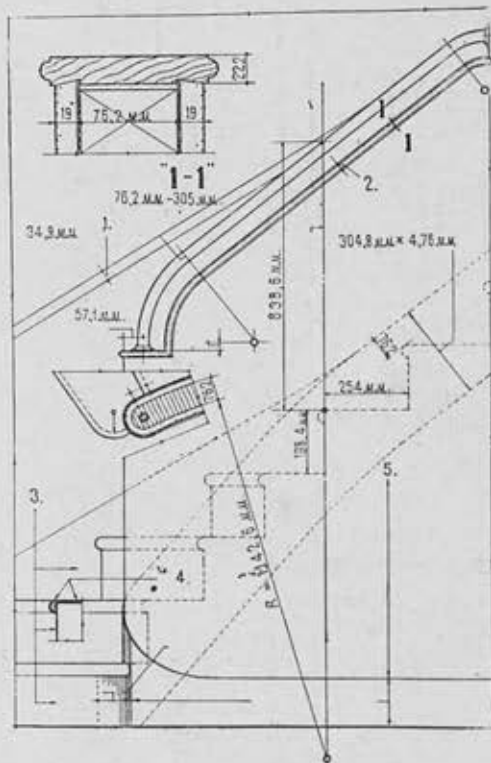
Американский образец
Черт. № 39,014

¹ №№ типовых детальных чертежей, разработанных Горстройпроектom

126-2

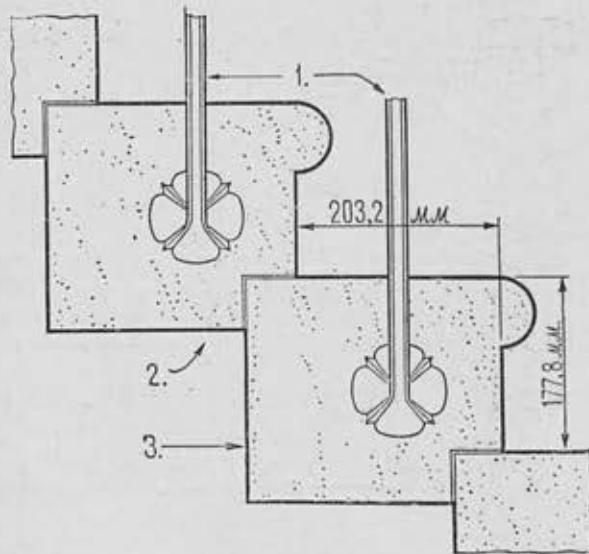
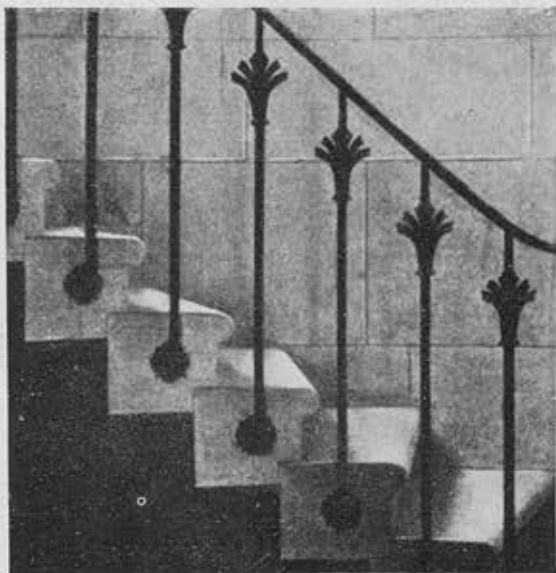
А
З
Е
Р
Т
О
Я
И
Н
И
Л

ЛЕСТНИЧНЫЕ ПЕРИЛА (США)



Перила глухие с поручнем из алюминиевой трубы

1—алюминиевая труба диам. 35 мм; 2—деревянная раскладка; 3—стальные проступи и подступенки; 4—резиновая накладка и валики; 5—штукатурка

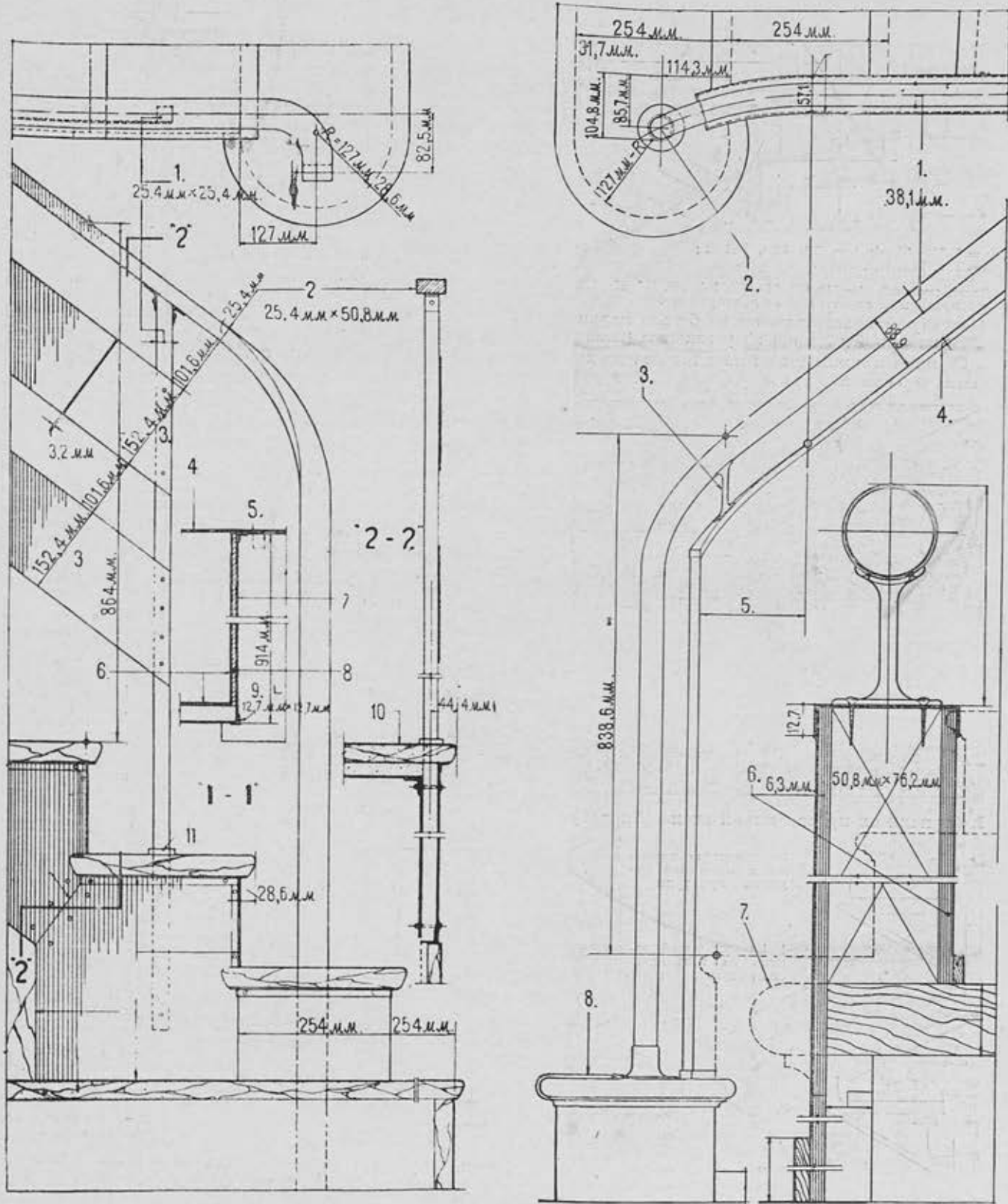


Перила, укреплённые к торцам ступеней

1—металлические стойки перил; 2—каменные бескосурные ступени; 3—низ ступеней остаётся открытым (с уступами)

По материалам: „Pencil Points“, 1936, „American Architect“, 1937

ЛЕСТНИЧНЫЕ ПЕРИЛА (США)



Металлические перила (слева)

1—стойки квадратные 25×25 мм; 2—бронзовый поручень; 3—алюминиевые полосы; 4—стальная тетива; 5—облицовка алюминием; 6—стальной подступенок и проступь; 7—облицовка алюминием; 8—прокладка между сталью и алюминием; 9—алюминиевый уголок; 10—мраморная проступь; 11—бронзовая розетка

Глухие перила из прессованных отходов древесины (справа)

1—стальные хромированные трубы диам. 38 мм; 2—поручень; 3—литые хромированные стойки; 4—хромированная сталь; 5—закруглено; 6—плиты из прессованных отходов древесины

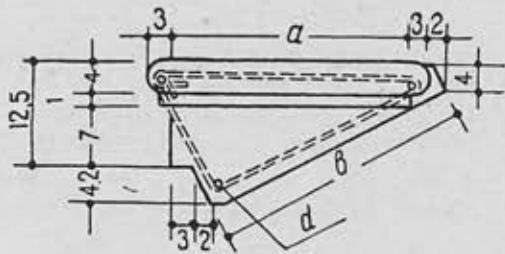
По материалам „Pencil Points“, 1936

Л И Н И И Я С Т Р Е З А

СТУПЕНИ

1. Типы ступеней, изготавливаемых заводом № 4 Мосстройдеталь

Ступени с закругленным валиком



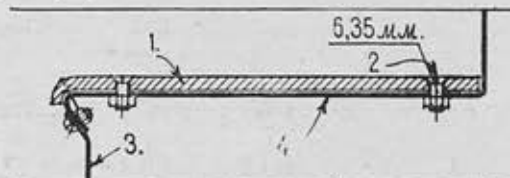
$a = 27,30$ и 35 см; $b = 29,8, 32,4, 37,2$ см;
 $h = 12,5, 14,8, 16,2, 17,6$ см.

Длина ступеней: $l = 110, 120, 143, 170, 200, 225, 250, 275, 300$ см; $d =$ соответственно вышеуказанным пролетам от 6 до 16 мм. Остальная продольная арматура $\varnothing 6$ мм, хомуты $\varnothing 4$ мм.

Ступени изготавливаются из бетона марки $R_{28} = 90$ кг/см². Отделочный слой — из мраморной крошки или наборной мозаики на различных цементах (сером, белом, цветном).

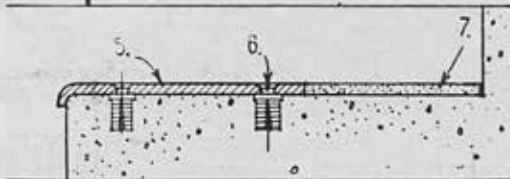
2. Ступени с накладками из плит твердых („алундных“) составов (Англия и Америка)

Детали укрепления



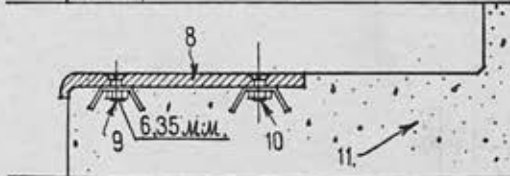
К железной ступени

- 1 — накладка;
- 2 — болт $1/4"$ (6,3 мм);
- 3, 4 — стальная ступень



К старой бетонной ступени

- 5 — накладка;
- 6 — развинчивной болт $1/4"$;
- 7 — линолеум или другое покрытие

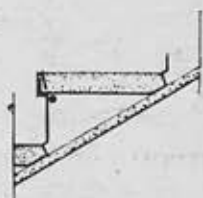


К свежей бетонной ступени

- 8 — накладка;
- 9, 10 — опорный болт $1/4"$;
- 11 — свежий бетон

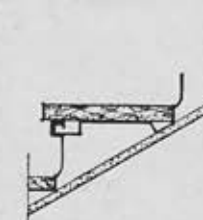
Накладки на проступь ступеней в виде легко заменяемой детали из искусственного абразива „алунда“ („рошо сопротивляются из-за шероховатую поверхность. Стандартные размеры: ширина 95 мм, 156 мм, 305 мм, длина 198 см.

3. Ступени из прессованной стали (Англия)

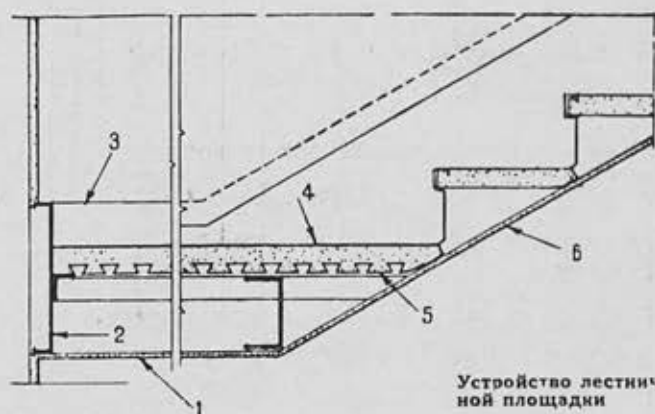


Стандартные ступени с различной отделкой проступи

- 1. Искусственный камень на металлическом каркасе



- 2. Мрамор на металлическом каркасе



Устройство лестничной площадки

- 1, 6 — штукатурка по металлической сетке; 5 — металлический горизонтальный лист; 4 — стяжка из цементного раствора; 2, 3 — плинтус (металлический)

По материалам, собранным „Техпроект“, и иностранным журналам

ПОПРАВКА

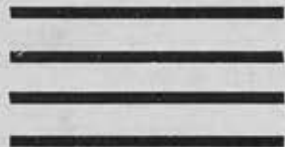
В № 12 „Архитектура СССР“ за 1937 г. н. стр. 18, 6 строка снизу, напечатано: „заложены две очереди строительства“; следует читать: „заключены две очереди строительства“.

Отв. редактор К. С. АЛАБЯН

Зам. отв. редактора Д. Е. АРКИН

Оформление — Б. А. Соморов, Техническая редакция — Г. В. Белинский, Корректур — М. Э. Гутцайт, Фото — И. О. Сосфенов, Д. В. Козлов, Репродукции — Ф. М. Коган, Н. И. Коробельщик, Чертежи — А. И. Ахтырко, М. В. Перельштейн. Сдано в производство 13/XII 1937 г. Подписано к печати 14/1 1938 г. Формат 82x94, 12 печ. лист. Тираж 7000. 53 тыс. знаков в печ. листе. Уполномоч. Главлита Б-34261. Зак. тип. 782.

Типография и цинкография Жургазобъединения, Москва, 1-й Самотечный пер., 17.



ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1938 год

**НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ**



СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ

**ОРГАН ПРЕЗИДИУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РИ и КД
15-й ГОД ИЗДАНИЯ**

„СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ“ в 1938 году широко осветит работы, связанные с выполнением генерального плана реконструкции Москвы.

„СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ“ особое внимание уделит критическим обзорам наиболее значительных и характерных сооружений Москвы и продукции отдельных архитектурных мастерских.

„СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ“ посвятит ряд специальных номеров метро 2-й и 3-й очереди, мостам, сельскохозяйственной выставке и будет детально освещать опыт проектирования и строительства Дворца советов, Академии наук, ВИЭМ, новых жилых, школьных, больничных, театральных и т. п. зданий Москвы.

„СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ“ будет систематически и всесторонне освещать вопросы стахановского движения в строительстве, организации и механизации строительных работ, развертывания базы строительных материалов и проч. вопросы индустриализации строительства.

Постоянные отделы журнала: „Проектная практика“, „На стройке жилых домов“, „Реконструкция Москвы и наука“, „Из прошлого Москвы“, „Страничка изобретателя-строителя“, „По городам СССР“, „Зарубежный строительный опыт“, „По страницам иностранных журналов“, „Библиография“.

В ЖУРНАЛЕ ЦВЕТНЫЕ ОБЛОЖКИ И ВКЛАДКИ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 месяцев — 24 номера — 36 руб., 6 месяцев — 12 номеров — 18 руб., 3 месяца — [6]номеров — 9 руб.

Подписка принимается всюду на почте, у письмоношцев; в отделениях „Союзпечати“ и в редакции „СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ“, Москва, ул. Горького, 114. Телефоны: Д-1-94-43, Д-1-33-16, Д-1-64-39.

ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ КОНТОРА ТРЕСТА

СОЮЗСПЕЦСТРОЙ

**ПРОИЗВОДИТ ВО ВСЕХ
ГОРОДАХ СССР**

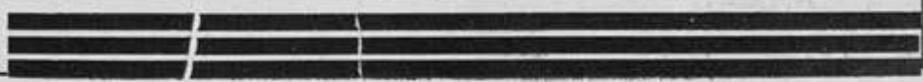
все виды облицовочных работ естественным гранитом и мрамором—мостов, фасадов зданий жилых и промышленных, колонн, фонтанов, ступеней для лестниц, балясников перил и проч. Сооружение общественных памятников.

П Р И Н И М А Е Т

выработку гранита по чертежам заказчика на карьерах конторы „ГРАНИТ“ Уманского района и на КОРОСТЫШЕВСКОМ—Киевской области.



**ЗАКАЗЫ НА ОЗНАЧЕННЫЕ РАБОТЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:
МОСКВА, Васильевская улица д. 11. Телефон Д-1-23-97.**





ПРИЕМ И ВЫДАЧА
ВКЛАДОВ



СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

ВО ВСЕХ ГОРОДАХ И РАЙОНАХ СОЮЗА ССР

ПРИНИМАЮТ ВКЛАДЫ
ОТ ВСЕХ ГРАЖДАН
ВЫДАЮТ ВКЛАДЫ

- ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ ВКЛАДЧИКОВ.

СТРОГО СОБЛЮДАЮТ ТАЙНУ ВКЛАДОВ.

ПЛАТЯТ ВКЛАДЧИКАМ ПРОЦЕНТЫ ПО ВКЛАДАМ.

ПЕРЕВОДЯТ ВКЛАДЫ В ДРУГИЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ
ПО УКАЗАНИЮ ВКЛАДЧИКОВ.

ОПЛАЧИВАЮТ ВЫИГРЫШИ И КУПОНЫ
ПО ОБЛИГАЦИЯМ ГОСЗАЙМОВ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА.

Ц. 1987.
Акт № 46
Вклад. д.

Цена 8 руб.

ВТОРИЧНО

МБ 95

П 32
5

АРХИТЕКТУРА С С С Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ
АРХИТЕКТОРОВ

Ответственный редактор К. С. Алабян
Р Е Д А К Ц И Я:
Москва, Гранатный пер., 7

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 12 мес.—96 руб.,
6 мес.—48 руб., 3 мес.—24 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, 6,
Страстной бульвар, 11, Жургазобъединением; уполномоченными Жургаза на
местах; повсеместно почтой и отделениями Союзпечати

ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ
UNITED MAGAZINES AND NEWSPAPERS

L'ARCHITECTURE de l'URSS

REVUE MENSUELLE DE L'UNION
DES ARCHITECTES SOVIÉTIQUES

Rédacteur en chef K. Alabian

ADRESSE DE LA REDACTION:
MOSCOU, 7, RUE GRANATNI

ADRESSEZ LES ABONNEMENTS:
MEJDOUNARODNAIA KNIGA, MOSCOU,
URSS, 18, KOUZNETSKI MOST

MESSAGERIES HACHETTE, SERVICE
ABONNEMENTS III, RUE RÉAUMUR
PARIS 2^e

ARCHITECTURE of the USSR

MONTHLY MAGAZINE OF THE
ASSOCIATION OF SOVIET ARCHITECTS

Editor-in-chief K. Alabyan

EDITORIAL OFFICE:
M O S C O W, GRANATNI STREET, 7

SUBSCRIPTIONS ACCEPTED BY:
MEZHDUNARODNAYA KNIGA, MOSCOW,
USSR, KUZNETSKY MOST, 18

W. H. SMITH & SON, LTD. STRAND HOUSE,
PORTUGAL ST. LONDON, W. C. 2
BOOKNIGA CORPORATION, 255 FIFTH
AVENUE, NEW-YORK, N. Y.

ARCHITEKTUR der UdSSR

MONATSSCHRIFT DES VERBANDES
DER SOWJETARCHITEKTEN

Chefredacteur K. Alabjan

ADRESSE DER REDAKTION:
M O S K A U, GRANATNI STRASSE, 7

ABONNEMENTSANNAHME:
MEZHDUNARODNAJA KNIGA, MOSKAU,
UdSSR, KUSNETZKY MOST, 18

C. S. R. MELANTRICH, AKC. SPOL
KNIHKUPECTVI-ODD, SLOVANSKYCH
KNIH, VACLAVSKÉ NAM, 42 PRAHA II
(UCET POST SPOR 20. 208).